

И $\frac{58}{445}$

Ф. Бернет

MS-226

Ue CFb

Ф. БЕРНЕТЪ

Авторъ сочин. „Маленькій лордъ Фаунтлерой“

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

СЪ АНГЛІЙСКАГО

Е. ГРАНСТРЕМЪ

съ 8 аквар. картинами Г. Пиффарда и 37 рис. Е. Граве

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

[1911]

Типографія Усманова, Вознесенскій пр., 47

9 28926-43

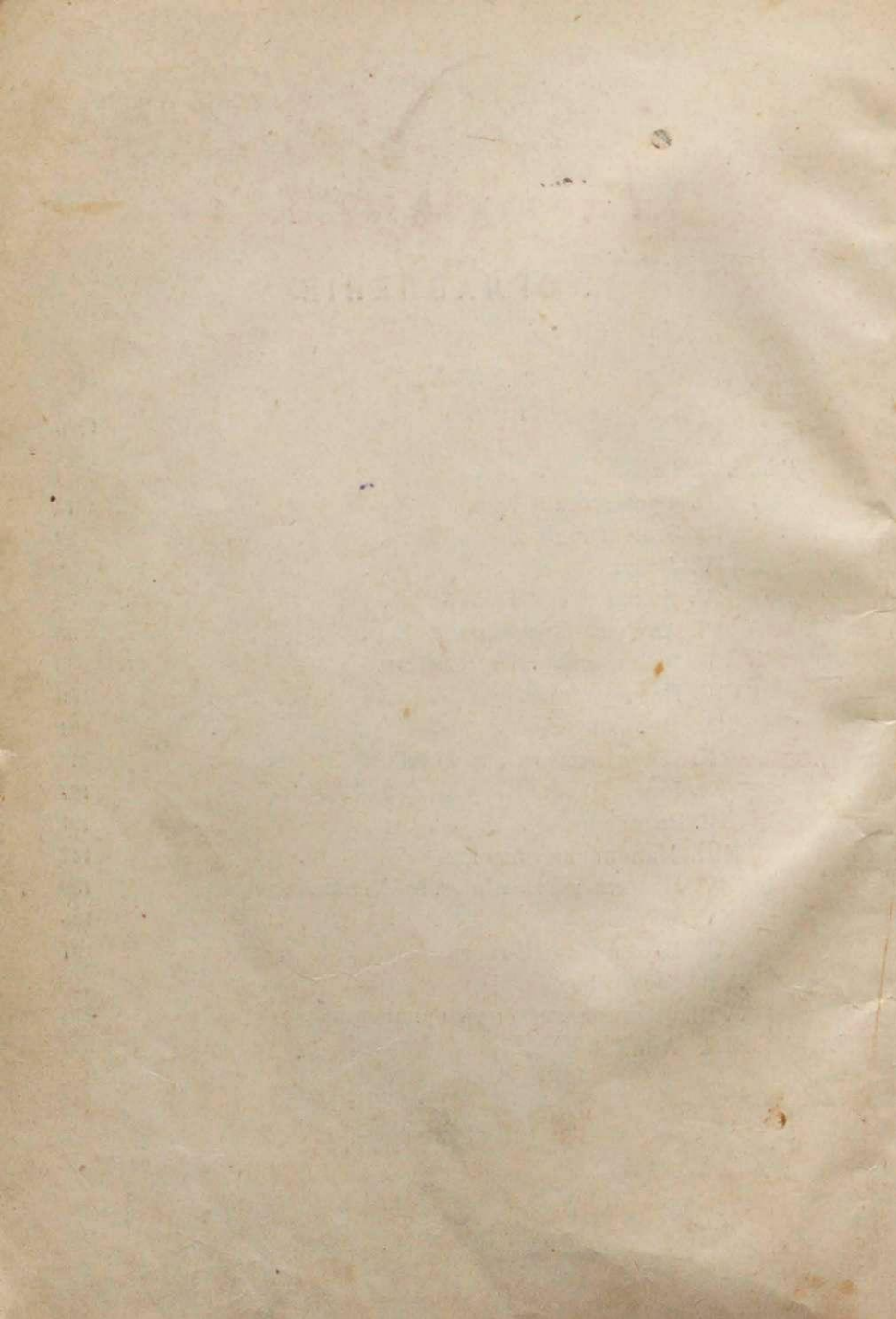
2732 доп

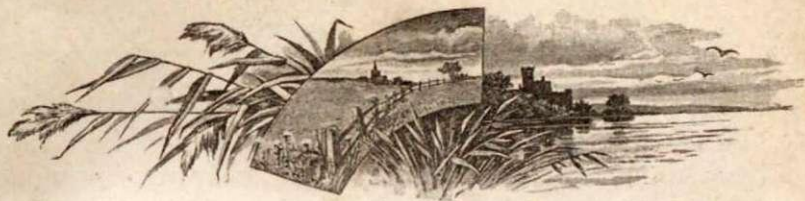

2007079455

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Сара	1
„ II. Французскій урокъ	14
„ III. Эрменгарда	22
„ IV. Лотти	32
„ V. Бекки	42
„ VI. Алмазныя розсыпи	53
„ VII. Опять алмазныя розсыпи	66
„ VIII. На чердакъ	89
„ IX. Мельхиседекъ	101
„ X. Джентльменъ изъ Индіи	114
„ XI. Рамъ Дассъ	127
„ XII. За стѣной	137
„ XIII. Маленькая нищенка	147
„ XIV. Что слышалъ и видѣлъ Мельхиседекъ	159
„ XV. Волшебство	165
„ XVI. Неожиданный гость	191
„ XVII. „Это она“	208
„ XVIII. Я старалась быть принцессой	218
„ XIX. Анна	233

Г л а в а I.

С а р а.

Однажды, въ пасмурный зимній день, когда желтый густой туманъ застилалъ улицы Лондона, на которыхъ тускло мерцали лампы и газовые рожки магазиновъ, по широкой улицѣ медленно ѣхалъ кэбъ, въ которомъ сидѣла маленькая дѣвочка съ своимъ отцомъ.

Дѣвочка сидѣла, поджавъ ноги и прислонясь къ обнявшему ее отцу, и смотрѣла въ окно на прохожихъ съ какимъ-то задумчивымъ недѣтскимъ выраженіемъ въ своихъ большихъ глазахъ.

Такого выраженія лица и такого взгляда нельзя было встрѣтить даже у ребенка лѣтъ двѣнадцати, а Сарѣ Крю было всего семь лѣтъ.

Надо сказать, что Сара вообще совсѣмъ не походила на другихъ дѣтей; она всегда мечтала и думала о чемъ-нибудь необычайномъ и всегда, насколько себя помнила, живо ин-

тересовалась взрослыми людьми. При этомъ ей казалось, что она живетъ на свѣтѣ уже давно, давно.

Пристально глядя въ окно кэба на покрытыя туманомъ улицы, она вспоминала о своемъ путешествіи изъ Бомбея, откуда пріѣхала съ отцомъ, капитаномъ Крю; вспоминала о большомъ кораблѣ, о туземцахъ, молча ходившихъ на кораблѣ, о дѣтяхъ, игравшихъ на заливѣ солнцемъ палубѣ, и о молодыхъ женахъ офицеровъ, которыя вызывали ее на разговоръ и затѣмъ смѣялись надъ ея словами.

Но особенно странной казалась Сарѣ внезапная перемена: сначала жить въ Индіи подъ знойнымъ солнцемъ, затѣмъ плыть по океану и наконецъ ѣхать въ какомъ-то необыкновенномъ экипажѣ по мрачнымъ улицамъ, на которыхъ днемъ было такъ же темно, какъ ночью. Все это такъ поражало ее, что она прижалась къ отцу.

— Папа,—прошентала она таинственно.

— Что, моя дорогая?—спросилъ капитанъ Крю, заглядывая ей въ личико.—О чемъ ты думаешь?

— Развѣ „это“ здѣсь?—прошентала Сара, крѣпче прижимаясь къ отцу.—Это здѣсь, папа?

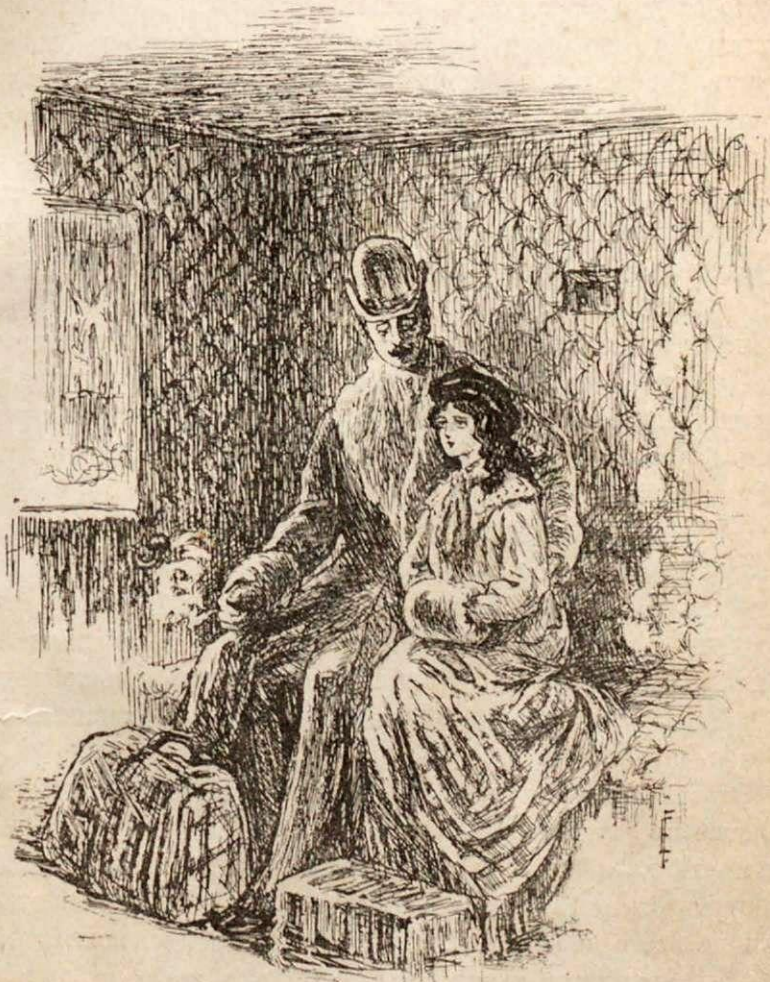
— Да, Сарочка, здѣсь. Наконецъ мы пріѣхали.

И хотя Сарѣ было только семь лѣтъ, она поняла, что отцу было тяжело говорить объ этомъ.

Ей казалось, что отецъ уже много, много лѣтъ пріучалъ ее къ мысли объ этомъ „мѣстѣ“, какъ она всегда называла его.

Мать Сары умерла при ея рожденіи, и потому Сара не чувствовала, что ей недостаетъ матери. Кромѣ молодого богатаго отца, у дѣвочки не было родныхъ. Она всегда играла вмѣстѣ съ отцомъ, и они очень любили другъ друга. Она потому только знала, что отецъ ея богатъ, что слышала, какъ говорили объ этомъ слуги, когда думали, что она не слышитъ ихъ; отъ слугъ она также слышала, что и она будетъ богата, когда вырастетъ. Сара не совсѣмъ ясно по-

нимала, что значить быть богатой. Она всегда жила въ прекрасномъ домѣ, привыкла видѣть много слугъ, которые ей

низко кланялись, называли ее „мисси сайбъ“ и предоставляли ей свободу во всемъ. У нея были всевозможныя

игрушки, любимыя домашнія животныя и аяя—няня-индуска, обожавшая ее, и она знала, что все это всегда имѣютъ богатые люди. Вотъ все, что она знала о богатствѣ.

Но за всю ея короткую жизнь одна лишь мысль смущала Сару, это было „то мѣсто“, куда ее когда-нибудь отвезутъ. Она слышала, что климатъ Индіи очень вреденъ для дѣтей, и что ихъ при первой возможности увозятъ оттуда, обыкновенно въ Англію, въ школу. Сара видѣла, какъ уѣзжали другія дѣти, и слышала, какъ ихъ родители говорили, что получили отъ нихъ письма. Она знала, что ей тоже придется уѣхать, и хотя она очень интересовалась разсказами отца о путешествіяхъ и новыхъ странахъ, но всегда сильно волновалась при мысли, что ей придется разстаться съ нимъ.

— А развѣ ты, папа, не можешь поѣхать со мной „туда“?—спрашивала она, когда ей было пять лѣтъ. — Развѣ ты не могъ бы тоже ходить въ школу?... Я помогла бы тебѣ готовить уроки!

— Ты тамъ не долго пробудешь, Сарочка,—обыкновенно отвѣчалъ отецъ.—Ты поѣдешь въ красивый домъ, гдѣ живетъ много маленькихъ дѣвочекъ; съ ними ты будешь играть, а я буду посылать тебѣ много книгъ, и ты даже не замѣтишь, какъ пролетитъ время, и ты вырастешь большой и умной. Тогда ты вернешься домой и будешь ухаживать за своимъ папой!

Сара любила мечтать объ этомъ будущемъ. Вести хозяйство въ домѣ отца, кататься съ нимъ верхомъ и сидѣть на мѣстѣ хозяйки за столомъ, когда у него званые обѣды, говорить съ нимъ, читать его книги—объ этомъ она мечтала больше всего, и если для того, чтобы достигнуть всего этого, необходимо ѣхать „туда“ въ Англію, то она рѣшится на это. Сара совсѣмъ не интересовалась тѣмъ, что тамъ будетъ много маленькихъ дѣвочекъ, и была довольна, что у нея будетъ много книгъ, а читать она очень любила и часто

даже сама выдумывала разныя чудесныя исторіи, которыя сама себѣ рассказывала. Иногда она рассказывала ихъ отцу, и онѣ правились ему не меньше, чѣмъ ей.

— Ну, хорошо, папа,—покорно сказала Сара,—такъ какъ мы уже здѣсь, то надо примириться съ этимъ!

Капитанъ Крю разсмѣялся надъ своей умной не по лѣтамъ дочуркой и поцѣловалъ ее. Самъ онъ еще колебался, но скрывалъ это отъ дочери. Его маленькая Сара была для него настоящимъ товарищемъ, и ему казалось, что онъ будетъ совсѣмъ одинокъ, когда, вернувшись въ Индію, его не встрѣтитъ на порогѣ маленькая дѣвочка въ бѣломъ платицѣ. И онъ нѣжно обнялъ Сару, когда кэбъ остановился у большого, мрачнаго дома, такого же на видъ, какъ и всѣ другіе дома. На входной двери блестѣла мѣдная дощечка съ надписью:

Миссъ Минчинъ.

Образцовый пансіонъ для молодыхъ дѣвицъ.

— Вотъ мы и пріѣхали, Сарочка, — сказалъ капитанъ Крю, стараясь говорить какъ можно веселѣе.

Затѣмъ онъ высадилъ дѣвочку изъ кэба и, поднявшись по ступенькамъ, позвонилъ. Въслѣдствіи Сара часто сравнивала домъ этотъ съ миссъ Минчинъ и находила, что онъ очень похожъ на нее. Домъ имѣлъ солидный видъ, былъ хорошо меблированъ, но все въ немъ было некрасиво: всѣ кресла въ пріемной были полированы, но такъ жестки, что, казалось, были набиты камнями, и даже румяныя щеки луны на высокихъ часахъ въ углу имѣли строгій лакированный видъ. Гостиная, куда ихъ ввели, была покрыта ковромъ съ квадратными рисунками, стулья были жесткіе и тяжелые, а на каминѣ стояли мраморные часы.

Сара сѣла на стулъ и быстро осмотрѣлась.

— Мнѣ тутъ не нравится, папа,—сказала она.—Но вѣдь даже храбрымъ солдатамъ не нравится идти на войну!

Капитанъ Крю громко разсмѣялся. Онъ любилъ шутки и никогда не уставалъ слушать оригинальныя замѣчанія дочери.

— Ахъ, Сарочка!—воскликнулъ онъ.—Что будетъ со мной, когда я больше не буду слышать твоего разговора? Никто не умѣетъ говорить такъ, какъ ты!

— Но почему же ты смѣешься надъ моими словами?

— Потому что ты очень забавная, когда говоришь такъ!—и, крѣпко обнявъ Сару, онъ поцѣловалъ ее и вдругъ пересталъ смѣяться,—на его глазахъ показались слезы.

Въ это время вошла въ комнату миссъ Минчинъ, и Сара тотчасъ замѣтила, что она очень похожа на свой домъ: такая же высокая, мрачная, представительная и некрасивая. У нея были большіе холодные рыбыи глаза и широкая холодная улыбка, которая появилась на ея губахъ при видѣ Сары и капитана Крю. Она получила много пріятныхъ свѣдѣній о молодомъ офицерѣ отъ дамы, рекомендовавшей ему ея пансіонъ. Между прочимъ, она узнала, что капитанъ очень богатъ и не пожалѣетъ денегъ на воспитаніе своей маленькой дочери.

— Я считаю за великую честь принять на воспитаніе такого прелестнаго ребенка, капитанъ Крю,—сказала она, взявъ Сару за руку и глядя ее.—Лэди Мередитъ много рассказывала мнѣ о ея способностяхъ. Такой ребенокъ сокровище для моего пансіона.

Сара стояла, молча глядя на миссъ Минчинъ, и думала: „Почему она говоритъ, что я прелестный ребенокъ? Я совсѣмъ некрасива. Вотъ маленькая дочь полковника Грэнжа красива. У нея розовыя щечки съ ямочками и длинные золотистые волосы. А у меня короткіе черные волосы и зеленые глаза, и я очень худенькая и совсѣмъ некра-

сива. Да, я самая некрасивая изъ всѣхъ дѣвочекъ, которыхъ когда-либо видѣла. Она говоритъ неправду.“

Но Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Правда, она совсѣмъ не походила на Изабеллу Грэнжъ, самую красивую дѣвочку въ полку, но она была прелестна въ своемъ родѣ: это была стройная, нѣжная дѣвочка, немного высокая для своихъ лѣтъ, съ энергичнымъ личикомъ. Ея густые черные волосы вились на концахъ, и ея большіе зеленовато-сѣрые глаза съ длинными рѣсницами были прекрасны, хотя ей самой цвѣтъ ихъ очень не нравился. Она считала себя некрасивой дѣвочкой, и потому похвалы миссъ Минчинъ нисколько не льстили ей.

„Я сказала бы неправду, если бы назвала миссъ Минчинъ красивой, — подумала она, — и мнѣ кажется, что я такая же некрасивая, какъ и она. Зачѣмъ же она сказала, что я красива?“

Узнавъ поближе миссъ Минчинъ, Сара поняла, почему та сказала это: миссъ Минчинъ говорила то же самое всѣмъ родителямъ, приводившимъ своихъ дѣтей въ ея школу.

Стоя рядомъ съ отцомъ, Сара прислушивалась къ его разговору съ миссъ Минчинъ. Капитанъ Крю говорилъ начальницѣ, что онъ привезъ свою дочь въ этотъ пансіонъ потому, что двѣ маленькія дочери лэди Мередитъ также воспитывались здѣсь, а онъ вполне полагается на опытность этой лэди и желаетъ, чтобы его Сара не только пользовалась всѣми преимуществами другихъ богатыхъ ученицъ, но чтобы у нея, кромѣ того, была прекрасная спальня, собственная гостиная, свои пони, экипажъ и приличная прислуга, вмѣсто айи, ея индуски-няни.

— Насчетъ ученія я не беспокоюсь, — говорилъ смѣясь капитанъ Крю, глядя руку Сары. — Напротивъ, ее трудно будетъ удержать отъ занятій. Она всегда сидитъ, уткнувъ свой носикъ въ книгу, и знаете, миссъ Минчинъ, она не читаетъ,

а глотаетъ книги. Сарочка вѣчно жаждетъ новыхъ книгъ и притомъ большихъ и толстыхъ, и ей все равно, французскія ли книги, нѣмецкія ли или англійскія; она любитъ читать все: исторію, біографіи, беллетристику! Отвлекайте ее отъ книгъ, миссъ Минчинъ, если она будетъ слишкомъ зачитываться ими. Пусть лучше чаще катается, ходитъ гулять, покупаетъ себѣ новыя куклы и больше играетъ съ ними.

— Знаешь, папа,—сказала Сара,—если я буду часто покупать себѣ новыя куклы, то ихъ у меня будетъ больше, чѣмъ я смогу любить. Куклы должны быть друзьями, и Эмили будетъ моимъ лучшимъ другомъ.

Капитанъ Крю взглянулъ на миссъ Минчинъ, а та, въ свою очередь, на него,

— Кто это Эмили?—спросила она.

— Расскажи, Сара,—сказалъ улыбаясь капитанъ Крю.

Зеленовато-сѣрые глаза Сары смотрѣли серьезно и кротко, когда она заговорила:

— Это кукла, но я ее еще не купила. Мы съ папой пойдемъ и купимъ ее. Я уже назвала ее Эмили, и она будетъ моимъ лучшимъ другомъ, а когда папа уѣдетъ, я буду говорить съ ней о немъ.

Миссъ Минчинъ лѣстиво улыбнулась своей широкой рыбьей улыбкой.

— Какая оригинальная, милая дѣвочка!—замѣтила миссъ Минчинъ.

— Да, она славная дѣвочка, — сказалъ капитанъ Крю, обнимая дочь. — Заботьтесь хорошенько о ней ради меня, миссъ Минчинъ.

Сара вернулась съ отцомъ въ гостиницу, гдѣ пробыла съ нимъ до его отъѣзда обратно въ Индію. Все это время они много гуляли, заходили въ большіе магазины и купили вещей больше, чѣмъ Сарѣ нужно было; но капитанъ Крю желалъ, чтобы его дочурка имѣла все, что восхищало

ее и что также нравилось ему: такъ, между прочимъ, они накупили платьевъ, слишкомъ роскошныхъ для семилѣтняго ребенка: тутъ были бархатныя платья, отороченныя дорогими мѣхами, кружевныя и вышитыя, шляпы съ нѣжными страсовыми перьями, горностаевое пальто, муфточка, коробки съ маленькими перчатками, носовые платки и шелковые чулки и все въ такомъ громадномъ количествѣ, что приказчицы въ магазинахъ начинали перешептываться, принимая странную дѣвочку съ большими серьезными глазами за иностранную принцессу или за дочь индѣйскаго раджи.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, они нашли Эмили. Но для этого имъ пришлось побывать въ очень многихъ игрушечныхъ магазинахъ и пересмотрѣть множество куколъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы она смотрѣла на меня не какъ кукла, — сказала Сара отцу. — Я хочу, чтобы она слышала меня, когда я говорю съ ней... Какъ жаль, что у куколъ всегда такой видъ, будто онѣ никогда не слышать, что имъ говорить!

— Знаешь, папа, — говорила Сара, рассматривая въ одномъ магазинѣ неодѣтую куклу. — Если мы найдемъ Эмили, хотя и неодѣтую, такъ свеземъ ее къ портнихѣ и закажемъ все нужное. Платья будутъ сидѣть лучше, когда они сшиты по мѣркѣ.

Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ они рѣшили идти пѣшкомъ и, не заходя въ магазины, заглядывать только въ витрины игрушечныхъ магазиновъ, приказавъ кѣбу шагомъ слѣдовать за ними. Осмотрѣвъ нѣсколько витринъ съ игрушками, они подошли къ небольшому магазину. Вдругъ Сара остановилась и, схвативъ отца за руку, воскликнула:

— О, папа! вотъ Эмили!

Легкій румянецъ покрылъ лицо дѣвочки, и ея зелено-сѣрые глаза заблестѣли такой радостью, какъ будто она внезапно увидѣла знакомое, дорогое ей существо.

— Смотри, папа, она ждетъ насъ!—воскликнула Сара.—
Пойдемъ скорѣй къ ней!

— Ахъ, Сарочка!—озабоченно сказалъ капитанъ Крю.—
Но кто же представить насъ ей?

— Ты, папа, представишь меня, а я представлю тебя.
Какъ только я увидѣла ее, такъ сейчасъ же узнала, и, ка-
жется, она меня тоже узнала!

Кукла, привлекавшая вниманіе Сары, была большая съ
сѣровато-голубыми глазами, настоящими рѣсницами и длин-
ными золотистыми локонами, спускавшимися до самыхъ плечъ.

— Да, папа, это навѣрное Эмили!—сказала Сара, сажая
куклу на колѣни и глядя ей въ лицо.

Итакъ, купили Эмили и отвезли въ магазинъ, торговав-
шій дѣтскимъ гардеробомъ. Тамъ съ нея сняли мѣрку и
ей также, какъ и Сарѣ, заказали кружевные, бархатные и
кисейные платья, шляпы и пальто, перчатки, платки, до-
рогіе мѣха и бѣлье, обшитое кружевами.

— Я буду ея доброй мамой, а она будетъ моимъ дру-
гомъ! говорила Сара, любуясь куклой.

Капитанъ Крю былъ бы въ восторгѣ отъ этихъ поку-
покъ, если бы его не мучила тяжелая мысль, что ему скоро
придется разстаться со своей горячо любимой дочуркой.

Поднявшись ночью съ постели, онъ подошелъ къ кро-
вати Сары и долго смотрѣлъ на нее. Она спала, обнявъ
Эмили, и ея черные волосы рассыпались по подушкѣ, смѣ-
шавшись съ золотистыми локонами Эмили; обѣ онѣ были
въ кружевныхъ ночныхъ рубашкахъ, и у обѣихъ были за-
гнутыя длинныя рѣсницы. Эмили была такъ похожа на на-
стоящаго ребенка, что капитану Крю было пріятно видѣть
ее рядомъ съ дочерью. Глядя на дочь, онъ тяжело вздох-
нулъ и безсознательно задергалъ свои усы.

— Ахъ, Сарочка!—пробормоталъ онъ.—Если бы ты знала,
какъ тяжело будетъ твоему папѣ безъ тебя!

Наканунъ своего отъезда онъ отвезъ Сару къ миссъ Минчинъ. При этомъ онъ объяснилъ миссъ Минчинъ, что дѣлами его въ Англіи завѣдуютъ повѣренныя, мистеръ Барроу и Скипворсъ. Отъ нихъ она можетъ получить всѣ необходимыя свѣдѣнія, и они же будутъ оплачивать счета, кото-

рые она будетъ представлять за содержаніе Сары. Онъ будетъ писать Сарѣ два раза въ недѣлю и желаетъ, чтобы ей не отказывали ни въ какомъ удовольствіи, какого бы она ни пожелала.

— Она разумная дѣвочка, — прибавилъ онъ, — и никогда не захочетъ чего-нибудь вреднаго для себя.

Затѣмъ капитанъ пошелъ съ Сарой въ ея маленькую гостиную, чтобы проститься съ ней.

Сара сѣла къ нему на колѣни и, держась своими ручками за отвороты его сюртука, долго и пристально смотрѣла ему въ лицо.

— Ты хочешь запомнить меня наизусть, Сарочка? — спросилъ капитанъ, глядя ее головку.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, — я и такъ знаю тебя наизусть! Ты у меня въ сердцѣ!

И они обнялись и долго цѣловали другъ друга, не имѣя силъ разстаться.

Когда кэбъ, увозившій отца, отъѣхалъ отъ подъѣзда, Сара стояла на колѣняхъ въ своей гостиной и слѣдила за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся за угломъ сквера. Эмили сидѣла у ней на рукахъ и тоже смотрѣла ему вслѣдъ, а капитанъ Крю все время оглядывался, махалъ платкомъ и посылалъ дочери воздушные поцѣлуи.

Когда миссъ Минчинъ послала свою сестру, миссъ Амелію, посмотреть, что дѣлаетъ дѣвочка, дверь оказалась запертой.

— Я заперла дверь, — раздался изнутри мягкій вѣжливый голосокъ. — Мнѣ хотѣлось бы, если позволите, остаться одной.

Толстая и недалёковидная миссъ Амелія благоговѣла передъ сестрой. Она была добрѣе миссъ Минчинъ, но никогда не смѣла послушаться ея. Спустившись внизъ, она съ тревогой сказала сестрѣ:

— Никогда не видѣла я такого страннаго ребенка, сестра! Она заперлась въ своей комнатѣ, и тамъ совсѣмъ тихо.

— Это лучше, чѣмъ если бы она шумѣла и кричала, какъ это дѣлаютъ многія другія, — замѣтила миссъ Мин-

чинъ — Я думала, что эта избалованная дѣвочка подниметъ весь домъ на ноги: ей дозволяли дѣлать все!

— Я разобрала ея сундуки,—сказала миссъ Амелія.— Ахъ, сестра, никогда я не видѣла такихъ роскошныхъ вещей! На жакетахъ горностаи, а на бѣльѣ настоящія валансѣнскія кружева! Ты вѣдь видѣла нѣкоторыя изъ ея платьевъ, что ты скажешь о нихъ?

— Я нахожу ихъ смѣшными,—рѣзко отвѣтила миссъ Минчинъ,—но они будутъ очень кстати, когда она въ воскресенье пойдетъ впереди ученицъ въ церковь. У ней всего такъ много, какъ у маленькой принцессы.

Въ это время Сара и Эмили сидѣли на полу въ запертой комнатѣ и неподвижно смотрѣли на улицу, гдѣ за угломъ скрылся кабъ.

ГЛАВА II.

Французскій урокъ.

Когда на слѣдующее утро Сара вошла въ классъ, глаза воспитанницъ съ любопытствомъ устремились на нее. Къ этому времени всѣ ученицы—начиная съ тринадцатилѣтней Лавиніи Гербертъ, считавшей себя почти взрослой, и кончая маленькой Лотти Легъ, четырехлѣтней дѣвочки, самой младшей изъ всѣхъ воспитанницъ,— успѣли уже узнать многое о Сарѣ. Онѣ уже знали, что она будетъ у миссъ Минчинъ ученицей на показъ, которая увеличитъ славу ея учебнаго заведенія. Двѣ воспитанницы успѣли даже мелькомъ взглянуть на горничную Сары, французенку Маріетту, которая прибыла наканунѣ вечеромъ, а Лавиніи удалось пройти мимо комнаты Сары, когда дверь была пріотворена, и она видѣла, какъ Маріетта открывала картонку, принесенную поздно вечеромъ изъ какого-то магазина.

— Вся картонка была полна платьями съ широкими оборками,—разсказывала она шепотомъ своей подругѣ Джесси,

наклонившись надъ учебникомъ географіи. — Я видѣла, какъ горничная ихъ встряхивала, и слышала, какъ миссъ Минчинъ говорила миссъ Амеліи, что платья новенькой ученицы такъ нарядны, что смѣшно одѣвать ихъ ребенку. Моя мама говоритъ, что дѣти должны быть одѣты просто; а на новенькой и теперь такая же нарядная юбка съ оборками. Я это видѣла, когда она садилась.

— Она въ шелковыхъ чулкахъ! — прошептала Джесси, тоже склоняясь надъ своимъ учебникомъ. — И какія у нея маленькія ножки! Я никогда не видѣла такихъ!

— О,—презрительно фыркнула Лавинія,—это зависитъ отъ фасона башмаковъ. Моя мама говоритъ, что и большія ноги будутъ казаться маленькими, если башмаки заказаны у хорошаго башмачника. И знаешь, она совсѣмъ некрасива. Глаза у нея какого-то страннаго цвѣта!

— Да, она не такъ красива, какъ другія хорошенькія дѣвочки,—согласилась Джесси, украдкой взглянувъ на Сару,—но какъ увидишь ее, такъ хочется еще посмотреть. И какія у ней длинныя рѣсницы! А глаза совсѣмъ зеленые!...

Сара сидѣла спокойно на своемъ мѣстѣ въ ожиданіи урока. Она сидѣла близъ каѳедры миссъ Минчинъ. Ее совсѣмъ не смущали любопытные взгляды дѣвочекъ, и она сама съ интересомъ разглядывала ихъ, спрашивая себя, о чемъ онѣ думаютъ, нравятся ли имъ миссъ Минчинъ, охотно ли учатся, и есть ли хоть у одной изъ нихъ такой папа, какъ у нея

Утромъ она долго бесѣдовала съ Эмили о своемъ папѣ.

— Теперь онъ плыветъ по океану, Эмили,—говорила она.— Мы должны быть съ тобой друзьями и ничего не скрывать другъ отъ друга. Взгляни на меня, Эмили. Какіе у тебя хорошенькіе глазки! Я очень хотѣла бы, чтобы ты умѣла говорить!

У Сары было сильно развито воображеніе, и ей часто приходили въ голову самыя странныя мысли и фантазіи.

Между прочимъ, она воображала, что Эмили живая и дѣйствительно слышитъ и понимаетъ ее. Когда Мариетта одѣла Сару въ темносинее школьное платье и связала волосы темносиней лентой, она подошла къ сидѣвшей на стулѣ Эмили и положила передъ ней книгу со словами:

— Ты можешь почитать, пока я буду тамъ внизу.

Замѣтивъ, что Мариетта съ удивленіемъ взглянула на нее, Сара повернула къ ней свое серьезное личико и сказала:

— Мнѣ нравится, что куклы могутъ тоже заниматься; но онѣ не хотятъ, чтобы мы знали это. Можетъ быть, Эмили въ самомъ дѣлѣ умѣетъ читать, говорить и ходить, но она дѣлаетъ это только тогда, когда въ комнатѣ нѣтъ никого. Это ужъ ея секретъ. Вѣдь, если-бы люди узнали, что куклы могутъ что-нибудь дѣлать, они заставили бы ихъ работать. Поэтому куклы, вѣроятно, условились скрывать это. При васъ Эмили будетъ сидѣть смирно на мѣстѣ; но когда вы выйдете изъ комнаты, она, можетъ быть, начнетъ читать или подойдетъ къ окну посмотрѣть на улицу, а если услышитъ, что мы идемъ, то побѣжитъ и прыгнетъ въ свое кресло, чтобы мы не знали, что она сходила съ него!

— Какая она смѣшная! — пробормотала Мариетта.

И, спустившись внизъ, она разсказала объ этомъ экономкѣ. Но французенка успѣла уже полюбить эту вѣжливую странную дѣвочку. Ей приходилось раньше служить при дѣтяхъ, но они были далеко не такъ вѣжливы. Сара такъ мило говорила: „пожалуйста, Мариетта“, „благодарю васъ, Мариетта“, что французенка не разъ разсказывала экономкѣ, что Сара похожа на маленькую принцессу и всегда благодаритъ ее, какъ будто она лэди, а не горничная. Когда Сара заняла свое мѣсто въ классѣ, миссъ Минчинъ величественно поступала по каедрѣ.

— Дѣти, — сказала она, — я хочу представить вамъ вашу новую подругу!

Всѣ дѣвочки поднялись, и Сара тоже встала.

— Прощу васъ всѣхъ быть любезными съ миссъ Крю; она недавно прибыла къ намъ изъ далекой Индіи. Когда кончатся уроки, познакомьтесь съ ней!

Воспитанницы сдѣлали церемонный реверансъ, и Сара тоже поклонилась, а затѣмъ всѣ сѣли и стали снова переглядываться.

— Сара, подойдите ко мнѣ!—сказала миссъ Минчинъ своимъ обычнымъ наставническимъ тономъ, взявъ со стола книгу и перелистывая ее.

Сара подошла къ ней.

— Вѣроятно, отецъ вашъ нанялъ вамъ горничную-француженку для того, чтобы вы научились говорить по-французски.

— Мнѣ кажется, — отвѣтила Сара нѣсколько смутив-

шись,—что отецъ нанялъ ее... нанялъ ее, думая, что она мнѣ понравится!

— Какъ видно,—замѣтила миссъ Минчинъ, кисло улыбувшись,—вы очень избалованы и потому думаете, что дѣлается только то, что вамъ пріятно. А мнѣ кажется, что вашъ папа желаетъ, чтобы вы выучились французскому языку.

Если бы Сара была постарше и не боялась показаться невѣжливой, она тотчасъ объяснилась бы. Но теперь она только покраснѣла.

Миссъ Минчинъ была строгая и внушающая почтеніе дама и, казалось, была такъ глубоко убѣждена, что ея новая воспитанница совсѣмъ не знаетъ французскаго языка, что Сара находила невѣжливымъ возражать ей. На самомъ дѣлѣ, Сара хорошо знала французскій языкъ. Мать ея была французенка, а отецъ ея любилъ говорить по-французски, и потому она съ ранняго дѣтства говорила на этомъ языкѣ.

— Я никогда... не училась французскому языку!—застѣнчиво начала Сара, стараясь объясниться,—но... но...

Миссъ Минчинъ очень досадовала, что не знаетъ французскаго языка, но старательно скрывала это непріятное обстоятельство. Не желая обнаружить своего незнанія, она поспѣшила прекратить разговоръ.

— Довольно,—сказала она наставительно.—Если вы еще не учились этому языку, то начнете сегодня же. Скоро придетъ учитель, monsieur Дюфаржъ. Вотъ читайте эту книгу до его прихода.

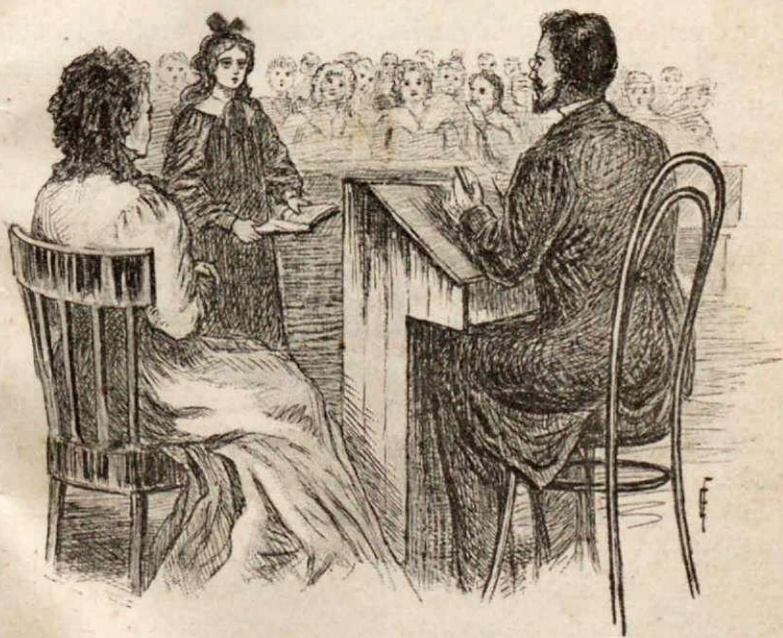
Щеки Сары пылали. Она вернулась на свое мѣсто и, открывъ книгу, серьезно посмотрѣла на первую страницу. Она сознавала, что если улыбнется, то это будетъ невѣжливо, а она хотѣла быть вѣжливой. Но ей было скучно разучивать, что „le père“ значитъ „отецъ“, а „la mère“—„мать“.

Миссъ Минчинъ пристально смотрѣла на Сару.

— Вы какъ-будто недовольны, Сара,—сказала она. — Сожалѣю, что вы не хотите учиться французскому языку.

— Я очень люблю этотъ языкъ,—возразила Сара, желая объясниться,—но...

— Вы не должны говорить „но“, когда вамъ приказываютъ что-либо дѣлать!—замѣтила миссъ Минчинъ.—Читайте свою книгу.

Сара послушно опустила глаза на книгу и не улыбнулась даже тогда, когда прочла, что „le fils“ значить „сынъ“ а „le frère“—„братъ“.

„Когда придетъ monsieur Дюфаржъ,—думала она,—я ему все объясню“.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ учитель. Это былъ симпатичный, съ умнымъ лицомъ, господинъ среднихъ лѣтъ.

Взглядъ его остановился на Сарѣ, которая, казалось, углубилась въ чтеніе своей книжки.

— Это новая ученица, *madame*?—спросилъ онъ миссъ Минчинъ.—Надѣюсь, что у насъ занятія пойдутъ успѣшно.

— Ея отецъ, капитанъ Крю, очень желаетъ, чтобы она выучилась французскому языку,—отвѣтила миссъ Минчинъ.— Но боюсь, что она какъ-то ребячески предубѣждена противъ этого языка и, кажется, не хочетъ учиться ему.

— Очень жаль, *mademoiselle*, слышать это! — ласково обратился *monsieur* Дюфаржъ къ Сарѣ.— Когда мы начнемъ заниматься, мнѣ, вѣроятно, удастся доказать вамъ, что это прекрасный языкъ!

Сара поднялась съ своего мѣста. Ей было невыносимо находить въ такомъ неловкомъ положеніи, и она умоляюще устремила на учителя свои большіе зеленовато-сѣрые глаза. Она чувствовала, что онъ ее пойметъ, какъ только она заговорить. И, спѣша объяснить ему все, она бѣгло заговорила по-французски, говоря что она не училась этому языку по книгамъ, но ея папа и другіе всегда говорили съ ней по-французски, и она умѣетъ читать и писать на этомъ языкѣ такъ же хорошо, какъ и по-англійски.

— Моя дорогая мама,—сказала она въ заключеніе,—которая умерла при моемъ рожденіи, была французенка, и папа тоже любитъ говорить по-французски, а потому и я люблю говорить на этомъ языкѣ. Я съ удовольствіемъ буду учиться французскому языку и хотѣла только объяснить *madame*, что уже знаю всѣ слова въ этой книгѣ.

И Сара протянула учителю книжку.

Когда Сара заговорила, миссъ Минчинъ быстро приподнялась и устремила на нее поверхъ своихъ очковъ пристальный, почти негодующій взглядъ.

Monsieur Дюфаржъ привѣтливо улыбался, слушая звонкій дѣтскій голосокъ, такъ мило говорившій и напоминав-

шій ему его родину, которая въ туманные лондонскіе дни, казалось ему, находится на краю свѣта. Онъ взялъ у Сары книжку, когда она кончила говорить, и, ласково взглянувъ на дѣвочку, обратился къ миссъ Минчинъ:

— Madame, я не многому могу научить ее. Она французенка, и у нея прекрасное произношеніе!

— Вы должны были сказать мнѣ это!—сказала Сарѣ сильно раздосадованная миссъ Минчинъ.

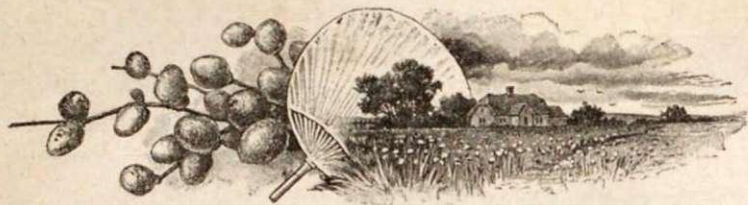
— Я... я хотѣла...—отвѣтила Сара,—хотѣла объяснить!..

Миссъ Минчинъ была сильно раздражена, хотя и сознавала, что Сара не виновата, и что она же не позволила ей объясниться. Замѣтивъ, что воспитанницы прислушиваются къ разговору, а Лавинія и Джесси даже хихикаютъ, закрывшись своими грамматиками, она постучала по каедрѣ и гнѣвно крикнула:

— Тише, дѣти! Замолчите сейчасъ!

И съ этой минуты миссъ Минчинъ не взлюбила свою новую воспитанницу.

ГЛАВА III.

Эрменгарда.

Въ то же первое утро, когда Сара, сидя близъ миссъ Минчинъ, чувствовала, что всѣ ученицы наблюдаютъ за нею, она замѣтила маленькую дѣвочку, приблизительно своихъ лѣтъ, которая пристально смотрѣла на нее своими грустными свѣтло-голубыми глазами. Это была толстенъкая, съ виду ограниченная, но добродушная дѣвочка. Ея волосы льняного цвѣта были туго заплетены въ косу, перевязанную лентой; дѣвочка обвила шею косою и, кусая концы ленты, облокотилась на пюпитръ, съ любопытствомъ глядя на новую воспитанницу.

Когда monsieur Дюфаржъ заговорилъ съ Сарой, толстая дѣвочка какъ-будто испугалась, а когда Сара, выступивъ немного впередъ, взглянула на учителя своими умоляющими глазами и стала говорить по-французски безъ запинки, толстая дѣвочка вздрогнула и покраснѣла отъ изумленія. Уже нѣсколько недѣль она безнадежно проливали

слезы, стараясь запомнить, что „la mère“ означает „мать“, а „le père“ „отец“, и теперь была поражена, что дѣвочка не старше ея не только знает эти слова, но и множество другихъ, и такъ легко составляетъ цѣлыя фразы, какъ будто это для нея сушіе пустяки!

Дѣвочка смотрѣла на Сару такъ пристально и съ такимъ усердіемъ кусала свою ленту, что привлекла на себя вниманіе раздраженной миссъ Минчинъ, которая набросилась на нее.

— Миссъ Сентъ-Джонъ!—крикнула она строго.—Какъ вы ведете себя? Снимите локти со стола! Выньте ленту изо рта! Сядьте прямо!

Миссъ Сентъ-Джонъ снова вздрогнула и краснѣя исполнила приказаніе, а когда Лавинія и Джесси стали пересмѣиваться, покраснѣла до того, что, казалось, слезы сейчасъ покажутся на ея глазахъ. Сара замѣтила все это и пожалѣла бѣдную дѣвочку, рѣшивъ подружиться съ ней. Сара всегда жалѣла и заступалась за обиженныхъ.

— Если бы Сара была мальчикомъ и жила нѣсколькими столѣтіями раньше,—говорилъ иногда капитанъ Крю,—она носилась бы по странѣ съ обнаженнымъ мечомъ и защищала бы всѣхъ обиженныхъ. Она не можетъ равнодушно видѣть, когда кого-нибудь обижаютъ.

Чувствуя состраданіе къ толстенькой миссъ Сентъ-Джонъ, Сара часто взглядывала на нее и замѣтила, что ученье дается ей съ трудомъ, и что она никогда не будетъ въ числѣ первыхъ ученицъ. Французскій урокъ былъ для нея настоящей пыткой. Произношеніе ея было такъ ужасно, что иногда даже monsieur Дюфаржъ не могъ удержаться отъ улыбки, а Лавинія, Джесси и другія ученицы то пересмѣивались, то презрительно поглядывали на нее. Но Сара не смѣялась; она дѣлала видъ, что не слышитъ, когда миссъ Сентъ-Джонъ вмѣсто „le bon pain“ говорила „ли бонгъ пангъ“.

Сара была вспыльчивая дѣвочка. Услышавъ хихиканье дѣвочекъ и замѣтивъ смущенное лицо бѣдной миссъ Сентъ-Джонъ, она съ досадой пробормотала, наклоняясь надъ своей книгой:

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного! Имъ не слѣдовало бы смѣяться надъ бѣдной дѣвочкой!

Когда уроки кончились, и воспитанницы собрались группами, чтобы поболтать, Сара подошла къ миссъ Сентъ-Джонъ, которая безутѣшно сидѣла скорчившись на подоконникѣ, и заговорила съ ней. Хотя Сара не сказала ей ничего особеннаго, а говорила, какъ обыкновенно говорятъ маленькія дѣвочки, знакомясь между собой, но въ голосѣ ея слышались сердечное сочувствіе и задушевность.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила Сара.

Дѣвочка съ изумленіемъ посмотрѣла на нее. Наканунѣ всѣ воспитанницы до поздней ночи такъ много говорили о новой ученицѣ, имѣвшей свой экипажъ, пони, прислугу и къ тому же прибывшей изъ далекой Индіи, что миссъ Сентъ-Джонъ заснула сильно возбужденная всѣмъ, что слышала о Сарѣ.

— Меня зовутъ Эрменгарда Сентъ-Джонъ,—отвѣтила она.

— А меня Сара Крю,—сказала Сара.—У тебя красивое имя. Оно точно изъ сказки!

— Развѣ оно тебѣ нравится?—спросила въ смущеніи Эрменгарда.—Мнѣ нравится больше твое!

Больше всего миссъ Сентъ-Джонъ огорчало то, что у нея былъ умный отецъ, и ей казалось ужаснымъ, что онъ знаетъ все, говорить на семи или восьми языкахъ, и въ библіотекѣ у него тысячи томовъ, которые онъ, повидимому, изучилъ наизусть, и потому настойчиво требуетъ, чтобы дочь его знала по крайней мѣрѣ содержаніе своихъ учебниковъ, помнила нѣкоторыя событія изъ исторіи и умѣла написать французское упражненіе.

Эрменгарда была тяжелымъ испытаніемъ для мистера Сентъ-Джонъ. Онъ не могъ понять, какъ могла его дочь быть такой глупой и неспособной.

— Боже мой!—не разъ говорилъ онъ, глядя на нее, — иногда мнѣ кажется, что она такъ же глупа. какъ ея тетка Элиза!

Ея тетка Элиза училась съ трудомъ и быстро забывала выученное, а Эрменгарда поразительно походила на нее и, безъ сомнѣнія, была самой неспособной въ пансіонѣ.

— Ее надо заставить учиться, — говорилъ ея отецъ миссъ Минчинъ.

И бѣдная Эрменгарда большую часть своей жизни проводила въ слезахъ и горѣ. Она учила уроки и тотчасъ за-

бывала ихъ, а если запоминала что-нибудь, то ничего не понимала.

Поэтому неудивительно, что, познакомявшись съ Сарой, она не сводила съ нея глазъ и смотрѣла на нее съ величайшимъ восхищеніемъ.

— Ты умѣешь говорить по-французски? — почтительно спросила она Сару.

Сара также забралась на подоконникъ и, поджавъ ноги, обхватила руками колѣни.

— Да, умѣю, — отвѣтила она. — Я всю свою жизнь слышала этотъ языкъ. И ты умѣла бы говорить по-французски, если бы при тебѣ всегда говорили на этомъ языкѣ.

— О, нѣтъ, я не сумѣла бы! — возразила Эрменгарда. — Я никогда не научусь говорить по-французски!

— Почему? — спросила съ любопытствомъ Сара.

Эрменгарда печально покачала головой.

— Вѣдь ты слышала, какъ я сегодня отвѣчала, — отвѣтила она. — И я всегда такъ отвѣчаю, потому что не могу вѣрно выговорить французскихъ словъ: они такія странныя.

Она замолчала на минуту, а затѣмъ прибавила почти съ благоговѣніемъ:

— Ты вѣдь очень умная, не правда ли?

Сара взглянула въ окно на жалкій скверъ, гдѣ воробьи чиркая прыгали на мокрой желѣзной рѣшеткѣ и покрытыхъ сажей деревьяхъ, и задумалась. Вспомнивъ, что ее называли „умной“, она спрашивала себя, умна ли она, а если умна, то какъ это случилось?

— Не знаю, этого я не могу сказать тебѣ, — отвѣтила она наконецъ, но, замѣтивъ грустный взглядъ на кругломъ полномъ лицѣ дѣвочки, она усмѣхнулась и перемѣнила разговоръ.

— Хочешь посмотрѣть мою Эмили? — предложила Сара.

— Кто это Эмили? — спросила Эрменгарда.

— Пойдемъ наверхъ въ мою комнату, тамъ увидишь!— отвѣтила Сара, протягивая ей руку.

Онѣ соскочили съ подоконника и пошли наверхъ.

— Правда ли, что у тебя есть отдѣльная комната?— спросила Эрменгарда, когда онѣ проходили черезъ залу.

— Правда!— отвѣтила Сара.— Папа просилъ миссъ Минчинъ дать мнѣ отдѣльную комнату, потому что... да, потому что, когда я играю, то придумываю разныя исторіи и рассказываю ихъ себѣ, и тогда я не люблю, чтобы кто-нибудь слушалъ меня. Это мѣшаетъ мнѣ играть.

— Ты сама придумываешь исторіи!..— съ изумленіемъ прошептала Эрменгарда, глядя во всѣ глаза на Сару и оставаясь посреди корридора близъ комнаты Сары.— И ты можешь дѣлать это, такъ же хорошо, какъ говорить по-французски?

Сара съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Всякій можетъ придумывать исторіи! Развѣ ты никогда не пробовала?— спросила Сара и затѣмъ таинственно шепнула:— Подойдемъ тихонько, а потомъ я вдругъ отворю дверь, и мы, можетъ быть, захватимъ ее врасплохъ!

Говоря это, Сара улыбалась, но по ея глазамъ видно было, что она надѣется увидѣть что-то таинственное, необыкновенное. Эрменгарда также поддавалась этому настроенію, хотя совсѣмъ не понимала, что все это значить, и кого онѣ хотятъ захватить врасплохъ. Во всякомъ случаѣ, Эрменгарда была увѣрена, что увидитъ что-то таинственное, и съ трепетомъ на цыпочкахъ послѣдовала за Сарой.

Когда онѣ тихо подошли къ комнатѣ Сары, Сара быстро повернула ручку и распахнула дверь.

Въ изящной, со вкусомъ убранной комнатѣ царила глубокая тишина; въ каминѣ весело пылалъ огонь, а передъ нимъ на стулѣ сидѣла прекрасная кукла, какъ будто читавшая книгу.

— О, она успѣла вернуться на свое мѣсто!—воскликнула Сара.—Онѣ всегда двигаются быстрѣе молніи!

Эрменгарда съ недоумѣніемъ смотрѣла то на куклу, то на Сару.

— Развѣ она можетъ ходить?—съ изумленіемъ спросила Эрменгарда.

— Да, по крайней мѣрѣ, я думаю, что можетъ; то есть, я воображаю, что она можетъ ходить, и тогда мнѣ кажется, что она на самомъ дѣлѣ можетъ двигаться. Ты никогда не воображала себѣ чего-нибудь такого?

— Нѣтъ, никогда!—отвѣтила Эрменгарда.—Разскажи мнѣ, пожалуйста, объ этомъ.

Дѣвочка была такъ очарована своей странной новой подругой, что не сводила съ нея глазъ и не обращала никакого вниманія на Эмили, несмотря на то, что Эмили была самая прелестная кукла, какую она когда-либо видѣла.

— Сядемъ, и я тебѣ разскажу,—сказала Сара.—Это такъ легко, что какъ только начнешь, такъ ужъ трудно остановиться. И это очень пріятно. Эмили, ты тоже должна слушать. Это Эрменгарда Сентъ-Джонъ, а это, Эрменгарда, моя лучшая подруга Эмили. Хочешь поддержать ее?

— Развѣ можно?—воскликнула Эрменгарда.—Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ можно поддержать ее?... Ахъ, какая она красавица!..

И Эмили очутилась у нея на рукахъ.

Никогда въ теченіе своей скучной короткой жизни миссъ Сентъ-Джонъ не приходилось проводить время такъ пріятно, какъ провела она это утро съ странной новой ученицей.

Сидя согнувшись на коврикѣ передъ каминомъ, Сара разсказывала ей удивительныя исторіи, при чемъ ея зеленые глаза блестѣли и щеки пылали. Она разсказывала также о своемъ далекомъ путешествіи и объ Индіи, но больше всего Эрменгарда восхищалась ея разсказами о куклахъ, которыя умѣли ходить, говорить и дѣлать все, какъ люди, когда

никого не было въ комнатѣ, но которыя старательно скрывали все это и какъ молнія бѣжали къ своимъ мѣстамъ, когда слышали, что кто-нибудь идетъ.

— Мы этого не могли бы сдѣлать, — серьезно сказала Сара:—тутъ кроется какое-то волшебство.

Когда Сара рассказывала, какъ она съ отцомъ разыскивали Эмили, Эрменгарда замѣтила, какъ лицо ея вдругъ измѣнилось, и ея блестящія глаза затуманились; при этомъ

у нея вырвался странный тоскливый вздохъ, и она крѣпко сжала губы.

„Если бы она была похожа на другихъ маленькихъ дѣвочекъ, — подумала Эрменгарда, — то непременно расплакалась бы“.

Но Сара не заплакала.

— У тебя болитъ что-нибудь?—спросила Эрменгарда.

— Да, но болитъ не тѣло, — отвѣтила послѣ короткаго

молчанія Сара и затѣмъ, стараясь говорить спокойно, тихо прибавила: — любишь ли ты своего папу больше всего на свѣтѣ?

Эрменгарда полуоткрыла ротъ. Ей никогда въ голову не приходило, что она можетъ любить отца; напротивъ, она готова была сдѣлать, что угодно, лишь бы не оставаться съ нимъ даже десяти минутъ; но она сознавала, что благовоспитанной дѣвочкѣ, учащейся въ лучшемъ пансіонѣ, неприлично сознаться въ этомъ.

— Я... я почти никогда не вижу его, — смутившись пробормотала она. — Онъ всегда сидитъ въ библіотекѣ и читаетъ.

— А я люблю моего папу больше всего на свѣтѣ, даже въ десять разъ больше всего! — сказала Сара. — Вотъ отчего мнѣ больно!.. Онъ уѣхалъ!..

Она опустила голову и просидѣла неподвижно нѣсколько минутъ.

„Она сейчасъ заплачетъ!“ — подумала въ испугѣ Эрменгарда.

Но Сара не заплакала, она продолжала сидѣть молча, но потомъ заговорила, не поднимая головы:

— Я обѣщала ему, что перенесу это, — сказала она, — и я это сдѣлаю! Всѣмъ приходится переносить. Подумай только, что переносятъ солдаты!.. А папа мой — солдатъ. Если бы была война, ему пришлось бы переносить разныя лишенія: голодъ, жажду и, можетъ быть, невыносимыя боли отъ ранъ, и онъ никогда не жаловался бы, не проронилъ бы ни одного слова!..

Эрменгарда молча смотрѣла на Сару, чувствуя, что начинаетъ любить ее. Она была такая странная и совсѣмъ непохожа на другихъ дѣвочекъ.

Вдругъ Сара подняла голову и, откинувъ назадъ свои черные локоны, сказала съ странной улыбкой:

— Когда я говорю и рассказываю тебѣ, мнѣ кажется, что я легче перенесу все это; но забыть я не могу...

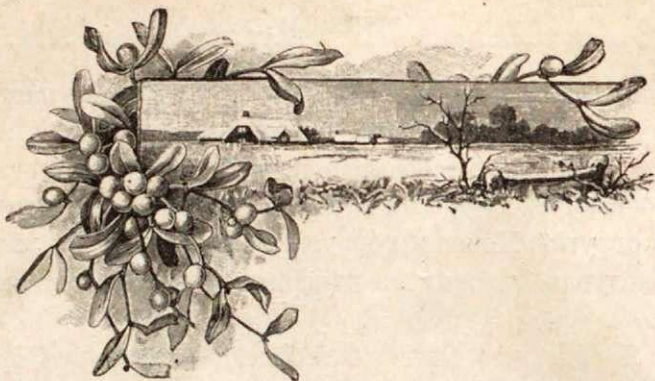
Эрменгарда почувствовала, что что-то подступает у нея къ горлу, и на глазахъ выступаютъ слезы.

— Лавинія и Джесси закадычныя подруги, — хрипло сказала она, — и я хотѣла бы, чтобы ты также была моею лучшей подругой. Хочешь подружиться со мной? Ты умная, а я самая глупая дѣвочка въ пансіонѣ, но я... о, я такъ люблю тебя!..

— Я рада, что ты меня любишь, — сказала Сара, — и очень благодарю тебя за это. Да, будемъ друзьями! И знаешь, что я тебѣ скажу! — воскликнула она съ сіяющимъ лицомъ. — Я буду помогать тебѣ учить французскіе уроки.

Въ это время раздался звонокъ, призывавшій воспитанницъ къ завтраку.

ГЛАВА IV.

ЛОТТИ.

Если бы Сара была обыкновеннымъ ребенкомъ, то годы, проведенные ею въ образцовомъ пансіонѣ миссъ Минчинъ, принесли бы ей только вредъ. Съ ней обращались не такъ, какъ съ другими ученицами, а скорѣе какъ съ знатной гостей.

Если бы она была своенравна, то постоянное баловство и лесть сдѣлали бы ее несносной и непріятной, а если бы она была лѣнива, то не научилась бы ничему. Хотя миссъ Минчинъ не любила ее, но она была слишкомъ практична, чтобы сдѣлать или сказать что-нибудь, что могло бы вызвать у такой выгодной воспитанницы желаніе покинуть ея школу. Она сознавала, что стоитъ Сарѣ только написать отцу, что ее обижаютъ, и капитанъ Крю тотчасъ возьметъ ее изъ пансіона. Кромѣ, того миссъ Минчинъ была убѣждена, что если дѣтей всегда хвалить и позволять имъ дѣлать что угодно, то они будутъ очень довольны и не захотятъ разстаться съ тѣми, кто ихъ такъ балуетъ.

Поэтому Сару всегда хвалили: за прилежаніе, за быстрое исполненіе уроковъ, за способности, за хорошія манеры, за привѣтливое обращеніе съ подругами и за щедрость, когда она, случалось, подавала шесть пенсовъ нищему изъ своего туго набитаго маленькаго кошелька. Самый обыкновенный поступокъ Сары превозносили какъ добродѣтель, и, если бы у нея не было такихъ хорошихъ задатковъ и яснаго ума, она сдѣлалась бы очень заносчивой, самодовольной дѣвочкой. Но

своимъ яснымъ умомъ она вѣрно оцѣнивала и себя и свое положеніе и иногда разсуждала объ этомъ съ Эрменгардой.

— Жизнь людей зависитъ отъ случая, — говорила она обыкновенно, — и на мою долю выпало много пріятнаго въ жизни. Случилось такъ, что я любила много читать, готовить уроки и хорошо запоминала, что учила. Случилось, что мой добрый и умный папа могъ давать мнѣ все, чего бы я ни пожелала.

Можетъ быть, у меня на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нехорошій характеръ; но, если имѣешь все, что желаешь, и всѣ съ тобой ласковы, какъ же тогда не быть хорошей. Я не знаю — серьезно продолжала она, — какъ мнѣ узнать — хорошая ли я дѣвочка или дурная? Можетъ быть, я очень гадкая; но этого никто никогда не узнаетъ, потому что у меня не будетъ случая быть гадкой!

— У Лавиніи тоже нѣтъ случая, — замѣтила Эрменгарда, — однако, она несносна.

Сара задумчиво потеряла кончикъ своего носа, какъ-бы обдумывая слова своей подруги.

— Можетъ быть, это оттого, что Лавинія растетъ, — сказала Сара, вспомнивъ, какъ однажды миссъ Амелія сказала, что Лавинія растетъ слишкомъ быстро, и это вредно вліяетъ на ея здоровье и характеръ.

На самомъ дѣлѣ, Лавинія была злая дѣвочка. Она очень завидовала Сарѣ, потому что до ея поступленія занимала первое мѣсто въ пансіонѣ: всѣ дѣвочки подчинялись ей, и если которая-нибудь изъ нихъ осмѣливалась идти противъ нея, то Лавинія становилась невыносимой. Со всѣми она обращалась гордо, на маленькихъ смотрѣла съ презрѣніемъ и держалась высокомерно съ тѣми, которыя были постарше и могли быть ея подругами.

Лавинія была хорошенькая дѣвочка, одѣвалась лучше другихъ и всегда шла въ первой парѣ, когда воспитанницы отправлялись въ церковь или на прогулку. Когда же появилась Сара со своими бархатными жакетами, собольими муфтами и страусовыми перьями на шляпахъ, миссъ Минчинъ стала въ такихъ случаяхъ ставить всегда ее на первое мѣсто. Это очень обидѣло Лавинію. А потомъ, когда она замѣтила, что Сара также начинаетъ вліять на другихъ, Лавинія совсѣмъ озлобилась.

— Правду сказать, Сара никогда не важничаетъ, — ска-

зала однажды Джесси, глубоко оскорбивъ этимъ свою лучшую подругу,—а она могла бы важничать, Лавви. Мнѣ кажется, если бы у меня было столько прекрасныхъ вещей, и если бы со мною такъ много возились, я, право, стала бы важничать... хоть немного. Противно видѣть, какъ миссъ Минчинъ выставляетъ ее на показъ, когда къ намъ прѣзжаютъ родные.

— „Дорогая Сара, выйдите въ гостиную и расскажите миссисъ Месгрэфъ объ Индіи“, — и Лавинія удачно передразнила миссъ Минчинъ. — „У васъ такой прекрасный выговоръ, дорогая Сара, поговорите по-французски съ лэди Питкинъ“. А дорогая Сара совсѣмъ не хотѣла учиться французскому языку въ пансіонѣ! Къ тому же нѣтъ ничего особеннаго, что она его знаетъ; она сама говоритъ, что никогда не училась этому языку, а только нахваталась разныхъ словъ отъ отца. А отецъ ея! Скажите, какая рѣдкость! офицеръ въ Индіи! Точно выше этого званія ничего не бываетъ!..

— Но онъ убивалъ тигровъ,—тихо возразила Джесси,—и убилъ того, шкура котораго лежитъ въ комнатѣ Сары. Вотъ отчего она такъ любитъ эту шкуру. Она ложится на нее, гладитъ голову тигра и разговариваетъ съ нимъ, какъ съ кошкой.

— Она всегда дѣлаетъ глупости,—проворчала Лавинія.— Моя мама говоритъ, что очень глупо воображать себѣ разныя небылицы, и что Сара, когда вырастетъ, будетъ большая чудачка.

Джесси была права, Сара никогда не важничала. Она была привѣтлива со всѣми дѣвочками и щедро раздавала имъ все, что имѣла. Она всегда была ласкова съ маленькими, которыми привыкли командовать и пренебрегать молодая лэди лѣтъ десяти-двѣнадцати, и всегда относилась къ нимъ съ нѣжной лаской, а когда онѣ падали и ушибались, подбѣгала къ нимъ и, помогая имъ подняться, ласкала

ихъ, при чемъ всегда въ ея карманѣ находилась конфетка или другое успокоительное средство.

— Ну, такъ что же изъ того, что ей четыре года?—сказала она однажды Лавиніи, когда та шлепнула Лотти и назвала ее „мальчишкой“.—Въ будущемъ году ей будетъ пять лѣтъ, а еще черезъ годъ шесть, а черезъ шестнадцать лѣтъ ей будетъ двадцать.

— О, какъ хорошо мы умѣемъ считать! — воскликнула насмѣшливо Лавинія. Надо сказать, что двадцать лѣтъ это былъ такой возрастъ, о которомъ не отваживались мечтать даже самыя смѣлыя дѣвочки.

Поэтому маленькія обожали Сару, которая часто приглашала ихъ въ свою комнату, угощала слабымъ, но сладкимъ чаемъ изъ чашечекъ съ голубыми цвѣточками, изъ сервиза Эмили, которая также участвовала въ этомъ угощеніи. Всѣ маленькія гости находили, что никогда ни у одной куклы не было такого чудеснаго чайнаго сервиза, и скоро весь младшій классъ сталъ смотрѣть на Сару, какъ на какую-то богиню или королеву.

Лотти Легъ обожала Сару до такой степени, что не будь у Сары такого теплаго, нѣжнаго сердца, дѣвочка навѣрное надоѣла бы ей. Когда мама Лотти умерла, ея молодой папа не зналъ, что дѣлать съ ней, и отдалъ ее въ пансіонъ. Такъ какъ съ Лотти съ самаго ея рожденія обращались какъ съ любимой куколкой, домашней обезьянкой или комнатной собачкой, то изъ нея вышло ужасное маленькое созданіе. Когда она хотѣла или не хотѣла чего-нибудь, то начинала плакать и кричать, а такъ какъ она всегда хотѣла того, чего ей нельзя было дать, и не хотѣла того, что ей было полезно, то ея плачь и рѣзкіе крики непрерывно раздавались то въ одномъ концѣ дома, то въ другомъ. Лотти какъ-то узнала, что если маленькая дѣвочка рано лишится матери, то ее надо всячески жалѣть и баловать.

Она, вѣроятно, слышала, какъ знакомые отца говорили объ этомъ послѣ смерти ея матери, и всячески пользовалась своимъ положеніемъ.

Однажды утромъ, проходя черезъ пріемную, Сара услышала, какъ миссъ Минчинъ и миссъ Амелія пытались заставить замолчать капризно плакавшую дѣвочку, которая не хотѣла успокоиться. Она ревѣла такъ отчаянно, что и миссъ Минчинъ принуждена была кричать, чтобы быть услышанной.

— Что ты кричишь? — сурово крикнула она.

— О-о-о! — услышала Сара, — у меня нѣтъ м-а-мы!

— Перестань, Лотти, — успокаивала ее миссъ Амелія. — Перестань, моя дорогая! Не плачь! Пожалуйста, не плачь!

— О-о-о! — еще пронзительнѣе заревѣла Лотти, — у меня нѣтъ м-а-мы!

— Ее надо высѣчь, — объявила миссъ Минчинъ. — Слышишь, я высѣку тебя, гадкая дѣвчонка!

Лотти зарыдала громче прежняго, и миссъ Амелія также заплакала, а миссъ Минчинъ все повышала голосъ. Наконецъ она вдругъ въ безсильномъ возмущеніи вскочила со стула и выбѣжала изъ комнаты, предоставивъ миссъ Амеліи успокаивать дѣвочку.

Сара остановилась въ передней, раздумывая, не войти ли ей въ комнату; она недавно подружилась съ Лотти и надеялась, что ей удастся успокоить ее.

Выходя изъ гостиной, миссъ Минчинъ къ своему неудовольствію увидѣла Сару. Ей было непріятно, что Сара слышала, какъ она грозила Лотти, сознавая, что кричала на дѣвочку слишкомъ громко и не совсѣмъ сдержанно.

— Это вы, Сара! — сказала она, стараясь привѣтливо улыбнуться.

— Я остановилась, услышавъ, что Лотти плачетъ, — объяснила Сара, — и думаю, что, можетъ быть, сумѣю успокоить ее. Позвольте мнѣ попробовать, миссъ Минчинъ?

— Идите, если хотите,—сказала миссъ Минчинъ съ неудовольствіемъ, но замѣтивъ, что Сара спокойно отнеслась къ ея суровому тону, она уже ласково добавила:—Вы умная дѣвочка, и я знаю, что она послушается васъ. Войдите!

И миссъ Минчинъ ушла.

Когда Сара вошла въ комнату, Лотти лежала на полу и съ крикомъ колотила по немъ своими толстыми ножками, а миссъ Амелія, съ краснымъ потнымъ лицомъ, въ отчаяніи стояла надъ ней. Лотти привыкла дома въ своей дѣтской съ крикомъ бросаться на полъ и брыкаться, когда желала чего-нибудь, зная, что желанія ея тогда всегда исполнялись, а потому она и въ пансіонѣ часто прибѣгала къ этому средству.

Бѣдная толстая миссъ Амелія всячески старалась успокоить дѣвочку.

— Бѣдняжка,—говорила она,—я знаю, что у тебя нѣтъ мамы!—а затѣмъ вдругъ начинала строго:—если ты не замолчишь, Лотти, я накажу тебя!.. ахъ, моя бѣдная крошка!.. Ну, вотъ опять! Ахъ, ты злая, гадкая дѣвочка!.. Замолчи сейчасъ, не то я отшлепаю тебя!.. Непремѣнно отшлепаю!..

Сара тихо подошла къ нимъ. Она не знала, что дѣлать, но была убѣждена, что не слѣдуетъ говорить съ Лотти то нѣжно, то сурово и такъ сильно волноваться.

— Миссъ Амелія,—тихо сказала она,—миссъ Минчинъ позволила мнѣ попробовать успокоить Лотти. Вы позволите?

Миссъ Амелія растерянно посмотрѣла на нее.

— И вы думаете, что сумѣете успокоить ее?—со вздохомъ прошептала она.

— Не знаю, сумѣю ли я,—также прошептала Сара,—но попробую.

Миссъ Амелія поднялась съ колѣнъ, вздохнувъ съ облегченіемъ, а толстенькія ножки Лотти забарабанили по полу еще сильнѣе.

— Лучше вамъ уйти изъ комнаты, — шепнула Сара, — я останусь съ ней.

— О Сара, — почти со слезами сказала миссъ Амелія. — У насъ никогда не было такой ужасной воспитанницы! Не знаю, долго ли мы будемъ въ состояніи держать ее въ пансіонѣ?

И съ этими словами миссъ Амелія вышла изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ Сара молча стояла передъ плачущей капризной дѣвочкой и спокойно смотрѣла на нее, а затѣмъ

сѣла на полъ рядомъ съ ней и стала ждать. Въ комнатѣ раздавались лишь пронзительные крики Лотти, и это очень удивило капризную дѣвочку, которая привыкла, чтобы всѣ уговаривали и ласкали или грозили ей, когда она плачетъ. Теперь же она лежитъ на полу, брыкается, кричитъ, а кто-то совсѣмъ равнодушно сидитъ рядомъ съ ней. Это было новостью для дѣвочки. Она открыла свои заплаканные глаза, чтобы взглянуть, кто это, и увидѣла

другую маленькую дѣвочку, ту самую, которой принадлежала Эмили, а также другія прекрасныя вещи. Лотти замолкла и пристально посмотрѣла на Сару, какъ бы обдумывая, плакать или нѣтъ. Но царившая въ комнатѣ тишина и странное, интересное лицо Сары отвлекли ее отъ слезъ.

— У меня нѣтъ ма-а-мы!—капризно всхлипнула она.

Сара съ сочувствіемъ посмотрѣла на нее и сказала:

— У меня тоже нѣтъ!

Эти слова такъ поразили Лотти, что она повернулася и пристально посмотрѣла на Сару. Когда ребенокъ услышитъ или увидитъ что-нибудь новое, то обыкновенно перестаетъ плакать. Такъ случилось и съ Лотти: она не любила миссъ Минчинъ за ея строгость и рѣзкость, а также и миссъ Амелию, которая была до глупости снисходительна; а Сару она полюбила, хотя мало знала ее. Сара отвлекла ее отъ ея горя, и она сквозь слезы спросила:

— Гдѣ же она?

Сара помолчала съ минуту. Ей всегда говорили, что ея мама на небѣ, и она послѣ долгихъ размышленій составила себѣ особое представленіе объ этомъ.

— Она на небѣ,—отвѣтила Сара.—Но я увѣрена, что она иногда приходитъ навѣщать меня, хотя я и не вижу ее. Также дѣлаетъ и твоя мама. Можетъ быть, онѣ обѣ видятъ насъ теперь. Можетъ быть, онѣ обѣ здѣсь съ нами въ этой комнатѣ.

Лотти сѣла и осмотрѣлась кругомъ. Это была хорошенькая дѣвочка съ курчавой головкой и съ голубыми какъ незабудки, теперь влажными глазами.

Сара продолжала рассказывать. Хотя то, что она рассказывала, походило скорѣй на сказку; но ея воображеніе такъ чудесно рисовало передъ ней эту картину, что Лотти поневолѣ начала прислушиваться. Ей раньше тоже рассказывали, что у ея мамы есть крылья и корона на головѣ, и показывали картинки съ дамами въ прекрасныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ,

которыхъ называли ангелами. Но Сара рассказывала такъ хорошо, какъ будто знала ту прекрасную страну и тѣхъ, кто тамъ живетъ.

— Тамъ все поля и поля, покрытыя роскошными цвѣтами,—продолжала Сара, сама увлекшись своимъ рассказомъ,—и луга, покрытые лиліями; надъ ними вѣчно вѣетъ мягкій вѣтерокъ, разносящій всюду благоуханіе цвѣтовъ. И по этимъ лилейнымъ полямъ бѣгаютъ маленькія дѣти, собираютъ лиліи и весело плетутъ вѣночки. Тамъ солнечныя дорожки, по которымъ никогда не устанешь ходить, и всѣ могутъ летѣть, куда хотятъ, а чудесный городъ тамъ обнесенъ жемчужной и золотой оградой, изъ-за которой можно посылать сердечныя привѣтствія на землю!

Какую бы исторію ни начинали рассказывать Лотти, она тотчасъ переставала плакать и жадно прислушивалась къ ней. Рассказъ Сары такъ заинтересовалъ ее, что она прижалась къ ней и не проронила за все время ни одного слова. Но Лотти нашла, что рассказъ кончился слишкомъ скоро, и готова была снова расплакаться.

— Я хочу идти туда! — всхлипнула она. — У меня нѣтъ мамы въ этой школѣ!

Сара взяла пухлую ручку Лотти и, нѣжно прижавъ къ себѣ дѣвочку, ласково засмѣялась.

— Я буду твоей мамой,—сказала она.—Ты будешь моей маленькой дочкой, а Эмили твоей сестрицей.

На щекахъ Лотти показались ямочки, и она улыбнулась.

— Моей сестрицей?—спросила она.

— Да,—отвѣтила Сара.—Пойдемъ, расскажемъ ей это, а потомъ я умою тебѣ лицо и причешу тебя.

Лотти съ радостью согласилась и послѣдовала за Сарой наверхъ, совсѣмъ забывъ о томъ, что причиной всей этой трагедіи былъ ея отказъ умыться и причесаться передъ завтракомъ.

ГЛАВА V.

Бекки.

ара обладала большимъ талантомъ рассказывать сказки и при этомъ придавать всему правдоподобную форму. Этой своей способностью она вліяла на своихъ подругъ больше, чѣмъ своимъ богатствомъ и тѣмъ что, занимая первое мѣсто въ пансіонѣ, была „воспитанницей на показъ“. Ея таланту рассказывать очень завидовали Лавинія и другія дѣвочки, которыя, слушая ея рассказы, невольно увлекались ими.

Всякій, кто учился въ школѣ, знаетъ, какое вліяніе имѣетъ тамъ надъ другими тотъ, кто умѣетъ рассказывать, и какъ за нимъ всѣ ходятъ и просятъ рассказать что-нибудь. А Сара не только умѣла, но и любила рассказывать. Когда она начинала придумывать и рассказывать дѣвочкамъ какую-нибудь чудесную исторію, зеленые глаза ея расширились и блестяли, а щеки пылали яркимъ румянцемъ, и она, сама того не замѣчая, дѣлала разные жесты, нѣжно и тревожно возвышала или понижала голосъ и изгибала и на-

клоняла свою изящную фигурку. Въ такія минуты Сара забывала, что рассказываетъ дѣтямъ; ея воображеніе рисовало ей, что она живетъ среди сказочныхъ королей, королевъ и прекрасныхъ принцессъ и участвуетъ въ ихъ приключеніяхъ. Иногда, окончивъ рассказъ, Сара задыхалась отъ волненія и, прижимая руку къ сильно бьющемуся сердцу, съ улыбкой шептала:

— Когда я рассказываю, мнѣ кажется, что это не выдумка, а происходитъ на самомъ дѣлѣ, и я вижу все такъ же ясно, какъ вижу теперь васъ и эту комнату, и при этомъ я становлюсь то принцессой, то королевой или кѣмъ-нибудь другимъ... Это очень странно!..

Однажды въ туманный зимній день, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ пансіонѣ миссъ Минчинъ, Сара вернулась съ прогулки, закутанная въ бархатъ и мѣха. Выходя изъ своего

экипажа, она увидѣла грязную дѣвочку, стоявшую на площадкѣ лѣстницы и широко открытыми глазами смотрѣвшую на нее сквозь рѣшетку. Робкое лицо дѣвочки привлекло вниманіе Сары; она взглянула на нее и улыбнулась. Но дѣвочка, видимо, испугалась, что осмѣлилась смотрѣть на такую важную барышню, и исчезла такъ быстро, что Сара невольно разсмѣялась бы, если бы дѣвочка не показалась ей такой бѣдной и запуганной.

Въ этотъ же вечеръ, когда Сара, сидя въ углу класса среди другихъ воспитанницъ, рассказывала одну изъ своихъ сказокъ, та же самая дѣвочка скромно вошла въ классъ съ тяжелымъ ящикомъ угольевъ и опустила передъ каминомъ на колѣни, чтобы подложить углей и выбрать золу.

Теперь она была одѣта чище, чѣмъ днемъ, но казалась такой же запуганной. Повидимому, она боялась, что воспитанницы могутъ замѣтить, что она прислушивается къ сказкѣ. Она клала уголь осторожно и тихо выгребала золу, стараясь не стучать. Но Сара замѣтила, что сказка очень заинтересовала ее, и она дѣлаетъ свою работу медленно, чтобы услышать побольше. Замѣтивъ это, Сара стала говорить громче:

„Русалки медленноплыли въ хрустально-зеленой водѣ,— рассказывала она,—и тянули за собой сѣть, сплетенную изъ морскихъ жемчужинъ, а принцесса сидѣла на бѣлой скалѣ и слѣдила за ними“.

Это была чудесная сказка о принцессѣ и морскомъ принцѣ, которые жили въ сверкающемъ дворцѣ подводнаго царства.

Маленькая служанка неторопясь собрала золу передъ каминомъ, затѣмъ вторично сдѣлала это и наконецъ въ третій разъ принялась за то же самое дѣло, — и когда она стала сметать золу въ третій разъ, чудесная сказка такъ очаровала ее, что она забыла все на свѣтѣ и присѣла на корточки, сжавъ въ рукѣ щетку. А Сара продолжала рассказывать съ

такимъ увлеченіемъ, что бѣдной дѣвочкѣ стало казаться, будто она находится на днѣ морскомъ, усыпанномъ золотымъ пескомъ, что кругомъ все освѣщено мягкимъ голубымъ свѣтомъ, и вокругъ цвѣтутъ покачиваясь странные морскіе цвѣты и травы, а издали доносится чарующее нѣжное пѣніе подъ звуки волшебной арфы.

Дѣвочка была такъ очарована, что щетка выпала изъ ея закрутившей руки. Этотъ шумъ заставилъ нѣсколькихъ воспитанницъ оглянуться.

— Она подслушивала!—сказала Лавинія.

Дѣвочка быстро вскочила, схватила щетку и ящикъ съ углями и какъ испуганный кроликъ выбѣжала изъ комнаты.

— Я знала, что она слушаетъ мою сказку,—рѣзко замѣтила Сара;—и почему бы ей не послушать?

— Не знаю, но думаю, что ваша мама не позволила бы вамъ рассказывать сказки служанкамъ,—сказала Лавинія.—Моей мамѣ это навѣрное не понравилось бы!

— Моя мама!—холодно отвѣтила Сара.—Я увѣрена, что она не запретила бы мнѣ дѣлать это. Она знаетъ, что сказки и рассказы для всѣхъ.

— Но вѣдь ваша мама умерла?—возразила Лавинія.—Какъ же можетъ она знать, что вы дѣлаете?

— Вы ошибаетесь, если думаете, что она не знаетъ,—строго замѣтила Сара.

— Мама Сары знаетъ все,—пропищала Лотти,—и моя мама тоже, но здѣсь въ школѣ Сара моя мама... тамъ солнечная дорожка, поля покрытыя лиліями...

— Пойдемъ, Лотти,—прервала дѣвочку Сара, и онѣ вышли изъ комнаты, въ надеждѣ встрѣтить маленькую служанку; но той нигдѣ не было видно.

— Кто та маленькая дѣвочка, которая топить каминъ?—спросила Сара вечеромъ Мариетту.

— Ахъ, барышня, она бѣдная одинокая дѣвочка и по-

ступила сюда на мѣсто судомойки; но ее заставляютъ дѣлать всякую работу: она чиститъ сапоги и рѣшетки у каминовъ, таскаетъ по лѣстницамъ тяжелые ящики съ углемъ; моетъ полы и окна и дѣлаетъ все, что ей прикажутъ. Ей уже четырнадцать лѣтъ, но она такъ мала ростомъ, что кажется лѣтъ двѣнадцати. Я очень жалѣю ее; она такъ застѣнчива, что, если заговорить съ ней, она тотчасъ вытираетъ въ страхѣ глаза.

— Какъ зовутъ ее?—спросила Сара, сидя за столомъ и опираясь щекой на руку.

— Ее зовутъ Бекки, — отвѣтила Маріетта, — я всегда слышу, какъ внизу кричатъ: „Бекки, сдѣлай это!“ „Бекки, сдѣлай то!“

Постоявъ нѣсколько минутъ въ ожиданіи приказаній, Маріетта вышла изъ комнаты.

Сара продолжала сидѣть передъ каминомъ и, глядя на огонь, думала о Бекки. Въ головѣ ея уже началъ слагаться рассказъ, въ которомъ Бекки являлась несчастной героиней. Глядя на Бекки, Сарѣ казалось, что она всегда ѣстъ впроголодь, и даже глаза ея кажутся голодными.

Сара надѣялась встрѣтить ее и поговорить съ ней, но хотя иногда и видѣла, какъ Бекки таскала дрова по лѣстницамъ, но заговорить съ ней не удавалось, — Бекки всегда очень спѣшила и пугалась всякихъ встрѣчъ.

Однако, нѣсколько недѣль спустя, когда Сара послѣ обѣда вошла въ свою комнату, она къ удивленію своему увидѣла, что на ея любимомъ креслѣ передъ пылающимъ каминомъ крѣпко спитъ Бекки; носъ ея былъ запачканъ сажей, передникъ былъ въ пятнахъ, а рядомъ на полу стоялъ пустой ящикъ изъ-подъ углей. Повидимому, она очень устала, — это сказывалось во всей ея фигурѣ. Ее послали наверхъ убирать спальни, а ихъ было очень много, и этой работы ей хватало почти на весь день. Комнаты Сары она убирала по-

слѣдними. Онѣ не походили на комнаты другихъ воспитанницъ, которыя были обставлены просто и безъ всякихъ украшеній на стѣнахъ. А гостиная Сары казалась Бекки необычайно роскошной, хотя, на самомъ дѣлѣ, это была только хорошенькая свѣтлая комнатка; но въ ней были картины, книги и разныя интересныя вещи изъ Индiи; тамъ былъ также диванъ и низкое мягкое кресло, а Эмили сидѣла на своемъ собственномъ креслѣ съ видомъ настоящей королевы, и въ каминѣ всегда пылалъ веселый огонь. Бекки убирала комнаты Сары всегда послѣдними, потому что любила бывать тамъ, посидѣть нѣсколько минутъ на мягкомъ креслѣ около камина и помечтать о богатой счастливой миссъ Крю, у которой такъ много прекрасныхъ вещей, и которая выѣзжаетъ на прогулку въ красивыхъ шляпахъ и дорогихъ мѣховыхъ пальто.

Въ этотъ день Бекки также сѣла отдохнуть въ кресло Сары. Ея усталымъ ногамъ было такъ прiятно, что ею овладѣло сладостное чувство покоя, и, казалось, вся ея усталость сразу прошла. А отъ пылавшаго въ каминѣ огня все болѣе и болѣе разливалась по всему тѣлу какаютъ прiятная истома, на лицѣ показалась усталая улыбка, голова склонилась на грудь, глаза закрылись, и она крѣпко заснула.

Бекки спала такъ крѣпко, что, казалось, спитъ сотни лѣтъ какъ „Спящая Красавица“. Однако, бѣдная Бекки совсѣмъ не походила на „Спящую Красавицу“. Это была маленькая, некрасивая дѣвочка, измученная непосильной работой.

Какъ разъ въ этотъ день былъ урокъ танцевъ, а эти уроки въ школѣ считались большимъ событiемъ, хотя и повторялись еженедѣльно. Въ эти дни воспитанницы наряжались въ свои лучшія платья, а такъ какъ Сара танцевала особенно хорошо, то Марiетта старалась, чтобы она была одѣта, какъ можно изящнѣе.

Въ этотъ день на Сарѣ было одѣто розовое платье, а въ ея черные волосы Мариетта вплела вѣнокъ изъ прекрасныхъ розъ съ бутонами. Сара разучивала новый красивый танецъ, въ которомъ она порхала по комнатѣ, какъ большая розовая бабочка, лицо ея свѣтилось радостью, и она раскраснѣлась отъ танцевъ.

Послѣ урока она какъ бабочка впорхнула въ свою комнату и увидѣла спавшую на ея любимомъ креслѣ Бекки.

— Бѣдная дѣвочка!—прошептала Сара и тихо подошла къ ней, довольная, что представляется случай поговорить съ несчастной героиней своего разсказа.

Бекки слегка всхрапнула.

— Лучше было бы, если бы она сама проснулась,—прошептала Сара, глядя на Бекки.—Жалко будить ее. Но миссъ Минчинъ разсердится, если увидить ее здѣсь. Подожду еще нѣсколько минутъ.

Сара сѣла на уголь стола и, покачивая своими розовыми ножками, раздумывала, что ей дѣлать. Миссъ Амелія могла войти въ комнату каждую минуту, и тогда Бекки не миновать выговора и брани.

— Но она, бѣдная, такъ устала!—пробормотала Сара.

Въ эту минуту уголекъ въ каминѣ отломился отъ большаго куска и упалъ на рѣшетку. Бекки вздрогнула и въ испугѣ открыла глаза. Вѣдь она присѣла только на минуту отдохнуть и насладиться пріятнымъ тепломъ—и вдругъ очутилась спящей передъ маленькой хозяйкой этой комнаты, которая сидѣла близъ нея, подобно розовой феѣ, и съ любопытствомъ смотрѣла на нее.

Бекки вскочила и схватилась за чепецъ, чувствуя, что онъ повисъ у нея надъ ухомъ. О, ужасъ!.. Заснуть въ креслѣ молодой лэди!... Теперь ее выгонять безъ жалованья!

У нея вырвался жалобный стонъ, походившій на рыданіе.

— О, миссъ! О, миссъ! — заикаясь бормотала она. — Простите меня! Ради Бога, простите меня, миссъ!..

Сара соскочила со стола и подошла къ ней.

— Не бойся! — ласково сказала она. — Ты ничего худого не сдѣлала.

— Я заснула нечаянно, миссъ, — извинялась Бекки. — Здѣсь было такъ тепло, а я такъ устала!..

Сара ласково засмѣялась и положила ей руку на плечо.

— Я знаю, ты очень устала, — сказала она, — да ты и теперь еще не совсѣмъ проснулась!..

Бекки съ изумленіемъ смотрѣла на Сару. Ни отъ кого никогда не слышала она такихъ ласковыхъ словъ. Она привыкла, чтобы ее бранили и таскали за уши. А эта маленькая миссъ въ розовомъ платьѣ смотритъ на нее такъ ласково, какъ будто она имѣетъ право не только устать, но

даже заснуть. Но больше всего удивило Бекки, что Сара ласково положила на ее плечо свою маленькую ручку.

— И вы... миссъ... не сердитесь на меня?—пробормотала она растерянно,—не пожалеуетесь хозяйкѣ?..

— Нѣтъ, разумѣется, ничего не скажу.

На лицѣ Бекки выражался такой ужасъ, что Сарѣ жалко было смотрѣть на нее; въ то же время въ головѣ ее мелькнула странная мысль:

— Вѣдь между нами нѣтъ никакой разницы,—сказала она,—я такая же дѣвочка, какъ и ты. Это простой случай, что я не ты, а ты не я!

Бекки ничего не поняла изъ словъ Сары. Она не могла усвоить такой удивительной мысли и подѣ словами „случай“ подразумѣвала какой-нибудь несчастный случай.

„Должно быть, кого-то переѣхали или кто-нибудь свалился съ лѣстницы, и его увезли въ больницу“, думала Бекки.

— Случай, миссъ,—почтительно пробормотала она.—Это случай?

— Да, случай,—отвѣтила Сара и съ минуту задумчиво смотрѣла на нее. Но замѣтивъ, что Бекки не понимаетъ ее, она перемѣнила разговоръ.

— Ты кончила свою работу?—спросила она.—Можно ли тебѣ остаться здѣсь еще нѣсколько минутъ?

У Бекки снова захватило дыханіе.

— Здѣсь... миссъ?... Я?..

Сара подбѣжала къ двери и, открывъ ее, выглянула и прислушалась.

— Тамъ никого нѣтъ,—объяснила она.—Если ты кончила уборку спаленъ, то можешь остаться у меня минутку. Не хочешь ли кусочекъ сладкаго пирога?

Слѣдующія десять минутъ показались Бекки какимъ-то чудеснымъ сномъ. Сара открыла шкафъ, дала ей большой кусокъ сладкаго пирога и съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ

жадно Ёла Бекки. Потомъ Сара стала ласково разспрашивать ее, и скоро страхъ маленькой служанки сталъ проходить, и она, въ свою очередь, осмѣлилась задать Сарѣ вопросъ.

— Это, — начала она шепотомъ, восхищаясь розовымъ платьемъ Сары, — это ваше лучшее платье?

— Это платье я обыкновенно одѣваю на уроки танцевъ, — отвѣтила Сара. — Нравится оно тебѣ?

Нѣсколько минутъ Бекки не могла говорить отъ восхищенія, а затѣмъ почтительно сказала:

— Однажды я стояла въ толпѣ у Ковентъ-Гарденъ и смотрѣла, какъ шли въ оперу нарядные дамы и джентльмены, и между ними была лэди, на которую смотрѣли всѣ и говорили: „это принцесса“. Она была вся въ розовомъ — платьѣ, накидка, цвѣты и все другое. Когда я увидѣла васъ, миссъ, я сейчасъ же вспомнила о ней. Вы очень похожи на нее.

— Я часто думала, — сказала задумчиво Сара, — что хорошо быть принцессой; не знаю только, какъ онѣ чувствуютъ себя тогда. Можетъ быть, я попробую представить себѣ, что я принцесса.

Бекки съ восхищеніемъ смотрѣла на нее, хотя ничего не понимала.

— Бекки, ты слушала тогда, какъ я рассказывала? — спросила Сара.

— Да, миссъ, — созналась Бекки, снова испугавшись. — Я знала, что мнѣ не слѣдовало подслушивать, но вы рассказывали такъ чудесно, что я заслушалась.

— Я очень рада, что ты слушала мою сказку, — сказала Сара. — Когда рассказываешь сказки, то всегда пріятно, чтобы ихъ слушали. Хочешь послушать теперь конецъ той сказки?

У Бекки опять захватило дыханіе.

— Мнѣ... послушать сказку!... — воскликнула она. — Какъ будто я тоже воспитанница миссъ Минчинъ! И я узнаю все о принцѣ... бѣленькихъ русалочкахъ, которыя плаваютъ и смѣются... а въ волосахъ у нихъ блестятъ звѣздочки?

Сара кивнула головой.

— Но я боюсь, что тебѣ теперь некогда слушать, — сказала Сара. — Скажи мнѣ, въ какое время ты убираешь мою комнату, и я постараюсь приходить сюда и рассказывать тебѣ каждый день, пока рассказъ не кончится. Это длинная сказка, и я всегда добавляю къ моимъ сказкамъ что-нибудь новенькое.

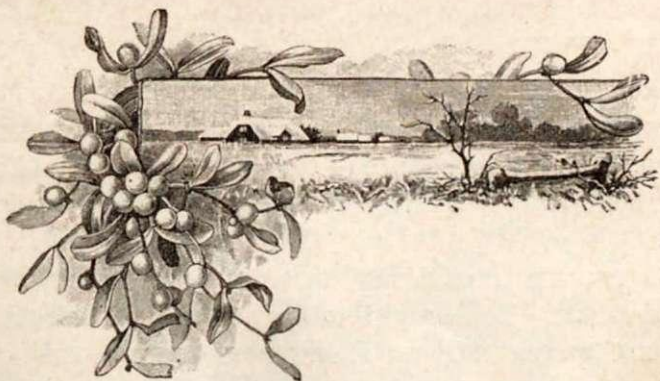
— Тогда мнѣ все равно, — прошептала Бекки, — тяжель ли ящикъ съ углемъ, и будетъ ли кухарка бранить или бить меня. Я буду думать о тѣхъ сказкахъ, которыя вы расскажете мнѣ.

Когда Бекки спустилась внизъ, она уже не была той Бекки, которая поднималась наверхъ, склоняясь подъ тяжестью ящика съ углемъ. Въ карманѣ у нея былъ запасной кусокъ сладкаго пирога, она была сыта и согрѣта, но не однимъ сладкимъ пирогомъ и тепломъ. Что-то другое согрѣло и насытило ее, и это другое были ласки и сочувствіе Сары.

Когда Бекки вышла, Сара присѣла на край стола, поставила ноги на стулъ и, облокотившись локтями на колѣни, подперла подбородокъ руками.

„Если бы я была принцесса, настоящая принцесса, я помогала бы бѣднымъ. Но, хотя я и не настоящая принцесса, я все же могу сдѣлать кое-что. Напримѣръ, бѣдная Бекки! Какъ она была счастлива, уходя отсюда!..“

Г л а в а VI.

Алмазные розсыпи.

Вскорѣ послѣ этого Сара получила извѣстіе, взволновавшее не только ее, но и весь пансіонъ, и служившее въ теченіе нѣсколькихъ недѣль единственной темой для разговоровъ. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ капитанъ Крю сообщилъ Сарѣ очень интересную новость. Одинъ изъ его друзей, товарищъ по школѣ, неожиданно пріѣхалъ въ Индію, чтобы навѣстить его. Онъ былъ собственникомъ большого участка земли, въ которомъ найдены были алмазные розсыпи, и пригласилъ своего друга участвовать въ разработкѣ ихъ. Если все пойдетъ такъ, какъ онъ ожидаетъ, то другъ капитана Крю скоро будетъ обладать такимъ богатствомъ, отъ одной мысли о которомъ можетъ закружиться голова; а такъ какъ онъ любитъ капитана Крю, товарища школьныхъ дней, то предлагаетъ ему участвовать въ этомъ грандіозномъ предпріятіи и раздѣлить съ нимъ все добытое богатство. Такъ, по крайней мѣрѣ, поняла Сара письмо отца.

Всякое другое сообщеніе, какъ бы блестяще оно ни было, не произвело бы особеннаго впечатлѣнія на Сару и на ея подругъ. Но алмазныя розсыпи—это такъ напоминало „Тысячу и одну ночь“, что къ этому нельзя было отнестись равнодушно.

Сарѣ розсыпи показались какъ бы волшебными, и она часто рисовала Эрменгардѣ и Лотти фантастическія картины: лабиринты ходовъ въ нѣдрахъ земли, гдѣ стѣны, своды и потолки усыпаны блестящими драгоценными камнями, и гдѣ странные черные люди откапываютъ ихъ тяжелыми заступами. Эрменгарда приходила въ восторгъ отъ этихъ рассказовъ, а Лотти просила, чтобы Сара каждый вечеръ рассказывала ей объ этихъ розсыпяхъ.

Лавинія, очень завидовавшая Сарѣ, говорила Джесси, что не вѣрить въ существованіе алмазныхъ розсыпей.

— У моей мамы есть кольцо съ брилліантомъ, которое стоитъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ,—говорила Лавинія,—а брилліантъ въ немъ небольшой. Если бы существовали наполненные алмазами розсыпи, то люди разбогатѣли бы до смѣшнаго!

— Можетъ быть, и Сара такъ разбогатѣетъ, что сдѣлается смѣшной!—посмѣивалась Джесси.

— Она и безъ богатства смѣшна! — фыркнула Лавинія.

— Мнѣ кажется, ты ее ненавидишь?—спросила Джесси.

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтила Лавинія.—Я только не вѣрю въ эти розсыпи!

— Но откуда-нибудь добываютъ же люди алмазы!—возразила Джесси.—А знаешь, Лавинія, что говоритъ Гертруда?—фыркнула она снова.

— Не знаю, да и знать не хочу, если это опять касается Сары!

— Конечно, о ней. Одна изъ ея послѣднихъ „фантазій“ состоитъ въ томъ, что она представляетъ себѣ, будто она

принцесса, и разыгрываетъ изъ себя принцессу, даже въ классѣ. Она говоритъ, что ей тогда легче учить уроки. Она хочетъ, чтобы Эрменгарда также воображала себя принцессой, но та говоритъ, что она слишкомъ толста для этого.

— Правда, она слишкомъ толста,—сказала Лавинія,—а Сара слишкомъ худа.

— Конечно,—снова фыркнула Джесси.—Сара говоритъ, что наружность и богатство тутъ ни при чемъ а все дѣло въ мысляхъ и поступкахъ.

— Должно быть, она воображаетъ, что могла бы быть принцессой даже тогда, если бы была нищей,—сказала насмѣшливо Лавинія.—Будемъ называть ее „Ваше королевское величество“.

Уроки уже кончились, и подруги сидѣли въ классѣ передъ каминомъ. Это время дня любили всѣ дѣвочки, потому что миссъ Минчинъ съ миссъ Амеліей пили чай въ своей маленькой гостиной, и въ это время можно было поговорить о многомъ и подѣлиться секретами, въ особенности, когда маленькія ученицы не ссорились, не шумѣли и не кричали.

Когда же маленькія начинали шумѣть, старшія останавливали ихъ, бранили, толкали, опасаясь, что на шумъ явятся миссъ Минчинъ или миссъ Амелія и положить конецъ веселой бесѣдѣ.

Но вотъ дверь отворилась, и въ классъ вошли Сара съ Лотти, всегда повсюду слѣдовавшей за Сарой, какъ маленькая собачка.

— Вотъ и она съ этой гадкой дѣвчонкой!—прошептала Лавинія.—Если она такъ любитъ Лотти, то отчего не оставляетъ въ своей комнатѣ? Черезъ пять минутъ она навѣрно разревется.

Между тѣмъ, Лотти захотѣлось поиграть въ классной комнатѣ, и она попросила свою пріемную маму пойти туда

съ нею. Лотти весело присоединилась къ маленькимъ, которыя играли въ углу, а Сара усѣлась у окна, развернула книгу и стала читать,—это была исторія французской революціи.

Сара вскорѣ увлеклась книгой и забыла все на свѣтъ, читая описаніе мученій узниковъ Бастиліи, которые провели въ темницѣ столько лѣтъ, что когда ихъ наконецъ освободили, длинные сѣдые волосы и бороды почти совсѣмъ закрывали ихъ лица.

Мысли Сары унеслись далеко отъ классной комнаты, и она съ трудомъ вернулась къ дѣйствительности, когда Лотти вдругъ заплакала. Сарѣ всегда трудно было сдерживать свою досаду, когда ее внезапно отрывали отъ чтенія.

— У меня тогда такое чувство, будто меня ударили, и тогда мнѣ тоже хочется ударить, — призналась однажды Сара Эрменгардѣ въ минуту откровенности. — И тогда я стараюсь опомниться, чтобы не сказать что-нибудь рѣзкое.

Сара быстро опомнилась и, бросивъ книгу, соскочила съ своего уютнаго уголка.

Когда Лотти вошла въ классъ, то стала шумно скользить по полу, раздражая этимъ Лавинію и Джесси, и кончила тѣмъ, что упала и сильно ушибла колѣно. Она неистово заревѣла, и ее тотчасъ окружили друзья и недруги и стали по-очереди бранить и утѣшать ее.

— Замолчи сію минуту, плакса! — прикрикнула на нее Лавинія.

— Я не плакса, не плакса! — завила Лотти. — Сара, Са-ра!

— Миссъ Минчинъ услышитъ плачь и придетъ сюда! — сказала въ отчаяніи Джесси. — Лотти, милая, замолчи, я тебѣ дамъ пенни!

— Мнѣ не нуженъ твой пенни, — всхлипывала Лотти и, увидѣвъ на своемъ колѣнѣ каплю крови, она заревѣла еще громче.

Сара подбѣжала къ Лотти и, опустившись на колѣни, обняла ее.

— Перестань, Лотти,—сказала она.—Ты вѣдь общала мнѣ, Лотти!

— Она сказала, что я плакса, — съ плачемъ проговорила Лотти.

Сара ласково погладила ее по головкѣ, но сказала тѣмъ строгимъ голосомъ, который былъ знакомъ Лотти.

— Если ты будешь плакать и кричать, то будешь плаксою, Лотти. Ты вѣдь общала мнѣ не капризничать!

Лотти вспомнила, что общала Сарѣ, но все-таки продолжала плакать.

— У меня нѣтъ ма-а-мы!—захныкала она. — У меня всѣмъ нѣтъ мамы!..

— Нѣтъ, у тебя есть мама, — весело сказала Сара. — Развѣ ты забыла? Развѣ ты не знаешь, что я твоя мама? Или ты не хочешь, чтобы я была твоей мамой?

Лотти крѣпко прижалась къ ней и съ облегченіемъ вздохнула.

— Пойдемъ, сядемъ у окна, — продолжала Сара, — и я расскажу тебѣ сказку.

— Ты мнѣ расскажешь?—всхлипнула Лотти. — Ты мнѣ расскажешь объ алмазныхъ розсыпяхъ?..

— Объ алмазныхъ розсыпяхъ?—воскликнула Лавинія. — Ахъ, ты скверная дѣвчонка! Какъ мнѣ хотѣлось бы отшлепать тебя!

Сара вскочила съ пола. Раздраженная тѣмъ, что ей пришлось оторваться отъ книги, Сара рѣзко сказала Лавиніи:

— А мнѣ хотѣлось бы отшлепать васъ, но я этого не сдѣлаю!—прибавила она сдержанно. — Мы съ вами не уличныя дѣвочки и уже въ такомъ возрастѣ, что должны понимать, что дѣлаемъ.

— О, да, ваше королевское величество!—насмѣшливо замѣтила Лавинія, — вѣдь мы принцессы, или по крайней мѣрѣ одна изъ насъ принцесса! Теперь нашъ пансіонъ прославится, и миссъ Минчинъ можетъ съ гордостью говорить, что у ней учится принцесса!

Сара приблизилась къ ней съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла дать ей пощечину. Способность Сары фантазировать была ея единственною радостью, но она никогда не говорила объ этомъ съ дѣвочками, которыхъ не любила.

Сара думала, что никто не знаетъ объ этомъ, и вдругъ Лавинія передъ всѣмъ классомъ посмѣялась надъ ней. Сара чувствовала, какъ кровь бросилась ей въ голову, и у нея

зазвенѣло въ ушахъ, но она сдержалась и подумала: „принцесса не должна поддаваться гнѣву“.

Съ минуту Сара стояла совсѣмъ спокойно, а когда заговорила, голосъ ея звучалъ гордо и увѣренно.

— Это правда,—сказала она, высоко поднимая голову. — Иногда я воображаю, что я принцесса, и тогда стараюсь избѣгать поступковъ, недостойныхъ принцессы!

Лавинія не нашлась, что отвѣтить. Уже нѣсколько разъ она замѣчала, что въ столкновеніяхъ съ Сарой она не могла удачно возразить ей. Причиной этого было то, что другія воспитанницы симпатизировали Сарѣ. Лавинія и теперь замѣтила, что онѣ съ интересомъ прислушиваются къ словамъ Сары.

— Надѣюсь,—сказала наконецъ насмѣшливо Лавинія,— что когда вы будете королевой, то не забудете насъ!

— Нѣтъ, не забуду,—отвѣтила односложно Сара, продолжая пристально смотрѣть на Лавинію.

Не находя, что сказать, Лавинія взяла Джесси подъ руку и ушла.

Съ этого дня дѣвочки, завидовавшія Сарѣ, стали въ насмѣшку называть ее „принцессой Сарой“, а любившія ее называли ее этимъ именемъ въ знакъ своего расположенія къ ней. Миссъ Минчинъ, узнавъ объ этомъ прозвищѣ, не разъ говорила о немъ посѣщавшимъ пансіонъ родителямъ, желая этимъ придать своему пансіону аристократическій видъ.

Между тѣмъ дружба Сары и Бекки окрѣпла, а миссъ Минчинъ и миссъ Амелія почти ничего не знали о ней. Онѣ замѣтили только, что Сара „хорошо“ относится къ судомойкѣ, но не подозрѣвали, какія счастливыя минуты украдкой проводила Бекки, когда, убравъ съ невѣроятной быстротой верхнія комнаты, она входила въ комнату Сары и со вздохомъ облегченія ставила тяжелый ящикъ

съ углемъ на полъ. Тогда за недостаткомъ времени рассказывался какой-нибудь отрывокъ чудесной сказки, съѣдались припасенные Сарой пирожки или торопливо прятались въ карманъ Бекки, которая съѣдала ихъ поздно вечеромъ, когда уходила къ себѣ на чердакъ.

— Но я ѣмъ ихъ очень осторожно, миссъ,—сказала однажды Бекки;—если останутся крошки, то за ними ночью придутъ крысы.

— Крысы!—воскликнула Сара въ ужасѣ.—Развѣ тамъ водятся крысы?

— Ихъ очень много, миссъ,—отвѣтила Бекки спокойно, какъ бы не находя въ этомъ ничего особеннаго.—На чердакахъ всегда много крысъ и мышей. Онѣ возятся, пищать, грызутъ полъ и шныряютъ повсюду. Я уже привыкла къ нимъ и не обращаю на нихъ вниманія до тѣхъ поръ, пока онѣ не начнутъ бѣгать по моей подушкѣ.

— Это ужасно!—воскликнула Сара.

— Постепенно ко всему привыкаешь,—замѣтила Бекки.—И вы бы привыкли, миссъ, если бы были судомойкой. Но крысы все-таки лучше таракановъ.

— Правда,—согласилась Сара,—мнѣ кажется, что крысу стоитъ только приручить, и тогда легко подружиться съ нею, но съ тараканомъ этого нельзя сдѣлать.

Иногда Бекки удавалось провести лишь нѣсколько минутъ въ свѣтлой теплой комнатѣ Сары, и тогда дѣвочки успѣвали обмѣняться только нѣсколькими словами, при чемъ Сара всегда торопливо клала въ карманъ Бекки небольшой свертокъ съ лакомствомъ. Поиски съѣстныхъ припасовъ, которые можно было бы уложить въ маленькіе пакеты, очень занимали Сару. Когда она выѣзжала или выходила на прогулку, то заглядывала въ окна лавокъ и магазиновъ; а когда она въ первый разъ купила два или три пирожка съ мясомъ, ей показалось, что она сдѣлала великое открытіе.

При видѣ пирожковъ глаза Бекки заблестѣли отъ радости.

— О, миссъ!—прошептала она.—Они, должно быть, очень вкусны!.. И какая чудесная начинка!.. Пирожное, конечно, чудесная вещь, но оно какъ будто таетъ во рту, а эти, миссъ, останутся въ желудкѣ.

— Не знаю,—сказала Сара,—хорошо ли будетъ, если они останутся долго въ желудкѣ, но главное—они сытны.

Сара стала часто покупать не только пирожки, но и бутерброды съ мясомъ и булочки съ колбасой, и вскорѣ Бекки перестала чувствовать себя голодной и усталой, а ящикъ съ углемъ уже не казался ей такимъ тяжелымъ.

Несмотря на тяжелую работу и капризы кухарки, Бекки всегда радовалась, когда наступало послѣобѣденное время, и являлась возможность повидаться съ миссъ Сарой въ ея гостиной. Когда времени было мало, и дѣвочки могли обмѣняться лишь нѣсколькими словами, то это всегда были дружескія ласковыя слова, ободрявшія Бекки. А когда было больше времени, и Сара начинала рассказывать ей сказку, у Бекки было о чемъ вспоминать за работой и вечеромъ въ постели на чердакѣ.

Сара даже не подозрѣвала, чѣмъ она была для бѣдной Бекки, и какой благодѣтельницей она казалась ей. Если природа наградила васъ добрымъ сердцемъ и щедрымъ нравомъ, то ваши руки и сердце всегда будутъ открыты для всѣхъ. И если случится, что ваши руки пусты, то сердце ваше всегда будетъ полно добротой, лаской и теплымъ сочувствіемъ, которыми вы можете утѣшить и ободрить несчастныхъ, при чемъ и веселый смѣхъ дѣйствуетъ иногда благотворно.

Бекки за всю свою тяжелую короткую жизнь почти не знала, что такое смѣхъ; Сара научила ее смѣяться и смѣялась вмѣстѣ съ ней.

За нѣсколько недѣль до дня рожденія Сары, когда ей должно было исполниться одиннадцать лѣтъ, она получила письмо отъ своего отца, которое было написано не такъ шутливо и весело, какъ прежнія письма. Онъ былъ нездоровъ и, очевидно, очень обремененъ заботами, связанными съ разработкой алмазныхъ розсыпей.

„Знаешь, Сарочка,—писалъ онъ,—я совсѣмъ не дѣловой человѣкъ, и всѣ эти чертежи и вычисления мнѣ не совсѣмъ понятны. Если бы у меня не было лихорадки, я, можетъ быть, не метался бы полъ ночи на постели, а другую половину мнѣ не снились бы тревожные сны. Я увѣренъ, что, если бы моя „маленькая миссусъ“ была здѣсь, она навѣрное дала бы мнѣ какой-нибудь хорошій совѣтъ. Неправда-ли, „маленькая миссусъ“?”

Отецъ часто называлъ Сару въ шутку своей „маленькой миссусъ“, потому что она была слишкомъ серьезна для своихъ лѣтъ.

Ко дню рожденія Сары капитанъ Крю приготовилъ для нея чудесные подарки. Среди нихъ была новая кукла, заказанная въ Парижѣ, туалеты которой были необычайно изящны и роскошны.

На вопросъ отца, рада ли она будетъ получить новую куклу, Сара послала ему весьма странный отвѣтъ.

„Я теперь почти уже взрослая,—писала она,—и ты больше не дари мнѣ куколъ. Это будетъ моя послѣдняя кукла. Видишь, какъ это торжественно! Я увѣрена, что если бы я умѣла писать стихи, то поэма о „Послѣдней куклѣ“ вышла бы очень интересная! Но я не умѣю сочинять стихи. Разъ я попробовала, но потомъ сама смѣялась надъ ними. Они были совсѣмъ не похожи на стихи Уотса, Кольриджа и Шекспира. Никто никогда не замѣнитъ мнѣ мою Эмили, но я буду очень уважать послѣднюю куклу и увѣрена, что всѣ дѣвочки полюбятъ ее. Онѣ всѣ любятъ куколъ, хотя стар-

шія, четырнадцати- и пятнадцати-лѣтнія воображаютъ, что онѣ уже взрослые, и не играютъ потому больше въ куклы.“

Капитанъ Крю былъ серьезно боленъ, когда читалъ это письмо. Стоявшій передъ нимъ столъ былъ заваленъ бумагами и письмами, которые очень озабочивали его, но, прочитавъ письмо Сары, онъ весело разсмѣялся.

„Она съ каждымъ годомъ становится забавнѣе, — поду-

маль онъ. — Дай Богъ, чтобы это дѣло скорѣе уладилось, и я могъ бы уѣхать и повидать мою Сару. Чего бы я ни далъ, чтобы въ эту минуту чувствовать, какъ ея маленькія ручки обвиваются вокругъ моей шеи... Чего бы я только ни далъ!..“

День рожденія Сары миссъ Минчинъ предполагала отпраздновать съ большимъ торжествомъ. Классную комнату разукрасили зеленою и цвѣтами; сундуки съ подарками рѣ-

шено было распаковать при всѣхъ съ большой церемоніей, а блестящій праздникъ предполагалось устроить въ собственной комнатѣ миссъ Минчинъ.

Когда наконецъ наступилъ этотъ день, весь пансіонъ былъ охваченъ сильнымъ волненіемъ. Утро пролетѣло незамѣтно, потому что дѣлались большія приготовленія. Классную комнату украсили гирляндами остролистника; парты вынесли, а скамьи, придвинутыя къ стѣнамъ, покрыли краснымъ сукномъ.

Войдя утромъ въ свою комнату, Сара увидѣла на столѣ небольшой толстый пакетикъ, завернутый въ коричневую бумагу. Она знала, что это подарокъ, и, догадавшись отъ кого, осторожно развернула его. Въ пакетикѣ лежала квадратная подушечка для булавокъ, сшитая изъ красной не совсѣмъ чистой фланели; черныя булавки были аккуратно воткнуты такъ, что составляли слово „Поздравляю“.

— О, сколько труда это стоило ей! Какъ это мило! — воскликнула Сара съ нѣжностью, но, повернувъ подушечку, она съ изумленіемъ увидѣла на приколотой къ ней визитной карточкѣ имя: „миссъ Амелія Минчинъ“.

Сара нѣсколько разъ повернула карточку въ рукахъ.

— Миссъ Амелія!—воскликнула она.—Не можетъ быть!

Въ эту минуту она услышала, какъ дверь осторожно отворилась, и Бекки вошла въ комнату.

На лицѣ ея сіяла счастливая улыбка, и она нерѣшительно подошла ближе.

— Нравится вамъ подушка, миссъ Сара?—спросила она.

— Конечно, нравится. Неужели ты все это сама сдѣлала, милая Бекки?

Бекки истерически, но радостно засмѣялась, и глаза ея засверкали отъ восторга.

— Это только изъ фланели, и фланель-то не новая. Но я хотѣла подарить вамъ что-нибудь и работала по ночамъ...

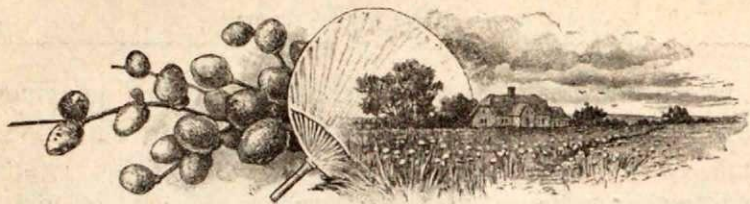
Я знаю, что вы можете представить себѣ, что подушечка шелковая, а булавки брилліантовыя. А карточка не моя, миссъ,—прибавила она невѣшительно,—вѣдь я не сдѣлала дурно, что вынула ее изъ кучи мусора... Миссъ Амелія выбросила ее. У меня же нѣтъ своихъ карточекъ, но я знала, что это не будетъ настоящимъ подаркомъ, если къ нему не будетъ прикрѣплена карточка,—такъ вотъ я и прикрѣпила карточку миссъ Амеліи.

Сара подбѣжала къ Бекки и обняла ее, чувствуя, какъ слезы подступаютъ у нея къ горлу.

— О, Бекки!—воскликнула она.—Я люблю тебя, Бекки! Люблю, люблю!..

— О, миссъ!—взволнованно шептала Бекки.—Очень благодарю васъ, миссъ, но подушечка не стоитъ благодарности, вѣдь фланель не новая...

ГЛАВА VII.

Опять алмазные розсыпи.

Послѣ обѣд. во главѣ цѣлой процессіи Сара вошла въ классную комнату, украшенную гирляндами. Миссъ Минчинъ въ своемъ нарядномъ шелковомъ платьѣ вела ее за руку. За ними слѣдовали лакей съ ящикомъ, въ которомъ находилась „Послѣдняя кукла“, затѣмъ горничная несла другой ящикъ, а позади всѣхъ съ третьимъ ящикомъ шла Бекки въ чистомъ передникѣ и новомъ чепцѣ.

Сара предпочла бы войти въ классъ просто, безъ такого церемоніала, но миссъ Минчинъ послала за ней и сказала, что она желаетъ этого.

— Это не простой день, — сказала она. — Я желаю, чтобы день вашего рожденія былъ отпразднованъ торжественно.

Сара немного смутилась, когда при ея входѣ старшія дѣвочки уставились на нее, исподтишка подталкивая другъ

друга локтями, а маленькія радостно завертѣлись на своихъ мѣстахъ.

— Тихе, тихе!—сказала миссъ Минчинъ, когда дѣвочки зашумѣли.—Джемсъ, поставьте ящикъ на столъ и откройте его. Эмма, поставьте сундукъ на стулъ... Бекки!—строго окликнула она дѣвочку.

Но Бекки забыла все на свѣтъ и весело улыбалась, услышавъ же строгій окрикъ миссъ Минчинъ, чуть не уронила ящикъ и въ испугъ такъ смѣшно присѣла, что Лавинія и Джесси засмѣялись.

— Вы не должны смотрѣть на молодыхъ лэди, — строго сказала миссъ Минчинъ.—Вы забываетесь. Поставьте ящикъ!

Испуганная Бекки поспѣшно исполнила приказаніе и направилась къ дверямъ.

— Вы можете идти, — сказала миссъ Минчинъ слугамъ, махнувъ имъ рукой.

Бекки почтительно посторонилась, чтобы пропустить впередъ лакея и горничную, и съ любопытствомъ взглянула на ящикъ, стоявшій на столѣ: что-то изъ голубого шелка просвѣчивало изъ-подъ тонкой бумаги.

— Пожалуйста, миссъ Минчинъ, позвольте Бекки остаться здѣсь?—сказала вдругъ Сара.

Это была дерзкая просьба. Миссъ Минчинъ едва не привскочила отъ удивленія. Затѣмъ она одѣла свои очки и съ тревогой посмотрѣла на Сару.

— Бекки?!...—воскликнула она.—Моя дорогая Сара!

Сара подошла къ ней.

— Я попросила васъ, чтобы вы оставили ее здѣсь, — сказала она.—Ей хочется посмотрѣть подарки; она вѣдь тоже маленькая дѣвочка.

Миссъ Минчинъ не знала, что отвѣтить, и по очереди смотрѣла то на одну, то на другую.

— Моя дорогая Сара, — сказала наконецъ миссъ Мин-

чинъ.—Бекки—судомойка... а судомойки... не маленькія дѣвочки!

Она никогда не задумывалась надъ этимъ. Для нея судомойки были машинами, которыя моють посуду, таскають ящики съ углемъ и топятъ камины.

— Но Бекки—дѣвочка,—возразила Сара.—И я знаю, что это доставить ей большое удовольствіе. Пожалуйста, позвольте ей остаться,—сегодня день моего рожденія!

— Хорошо, ради вашего дня рожденія пусть останется,—сказала съ достоинствомъ миссъ Минчинъ.—Ребекка, благодари миссъ Сару за ея доброту.

Бекки стояла въ углу и въ смущеніи мяла рубецъ своего передника. Неловко присѣдая, она дружески переглянулась съ Сарой и запинаясь заговорила:

— О, пожалуйста, миссъ... Я такъ благодарна, миссъ!.. Я такъ хотѣла видѣть куклу, миссъ... Благодарю васъ, миссъ... И васъ благодарю, миссъ... — обратилась она къ миссъ Минчинъ, такъ же неловко присѣдая,—за то, что вы позволили мнѣ...

Миссъ Минчинъ снова махнула рукой и на этотъ разъ по направленію къ углу у двери.

— Ступай и встань тамъ,—приказала она,—подальше отъ молодыхъ лѣди.

Бекки улыбаясь отошла къ двери. Ей было все равно, гдѣ стоять, лишь бы остаться въ комнатѣ и не уходить въ кухню, когда будетъ происходить это торжество. Она даже не обратила вниманія на миссъ Минчинъ, когда та откашлявшись снова заговорила:

— Теперь, *mesdemoiselles*, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ...

— Она сейчасъ скажетъ рѣчь, — шепнула одна изъ дѣвочекъ.—Я бы хотѣла, чтобы рѣчь была кончена!

Сарѣ стало неловко. Она угадывала, что, вѣроятно, миссъ

Минчинъ будетъ говорить о ней. А стоять и слушать, какъ говорить о васъ, очень непріятно.

— Вы уже знаете, *mesdemoiselles*,—начала миссъ Минчинъ,— что сегодня дорогой Сарѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ.

— Дорогой Сарѣ!—насмѣшливо пробормотала Лавинія.

— Многія изъ васъ тоже праздновали свой день рожденія, когда имъ наступало одиннадцать лѣтъ, но день рож-

денія Сары сильно отличается отъ дней рожденія другихъ дѣвочекъ. Когда она подрастетъ, то будетъ богатой наслѣдницей громаднаго состоянія, часть котораго, надѣюсь, она употребитъ также на дѣла благотворительныя!

— Алмазныя розсыпи,—тихо усмѣхнулась Джесси.

Сара не слышала этого; она стояла, устремивъ свои зеленовато-сѣрые глаза на миссъ Минчинъ, а когда та заго-

ворила о богатствѣ, она почувствовала, что сильно краснѣеть, и ея нелюбовь къ миссъ Минчинъ снова проснулась, хотя она и находила, что не любить старшихъ грѣшно.

— Когда ея глубокоуважаемый папа, капитанъ Крю, — продолжала миссъ Минчинъ, — привезъ ее изъ Индіи и отдалъ на мое попеченіе, онъ шутя сказалъ мнѣ: „Боюсь, что она будетъ очень богата, миссъ Минчинъ“, а я отвѣтила ему: «она получитъ въ моемъ пансіонѣ такое воспитаніе, которое будетъ украшеніемъ самаго большого богатства». Сара стала моей лучшей воспитанницей. Ея французскій языкъ и танцы дѣлають честь моему пансіону. Ея манеры, благодаря которымъ вы прозвали ее принцессой—совершенство!.. А свою любезность она выказала тѣмъ, что устроила для всѣхъ васъ праздникъ. Надѣюсь, вы оцѣните ея щедрость! И я желала бы, чтобы вы всѣ выразили это, сказавъ: «благодаримъ васъ, Сара!»

Всѣ воспитанницы поднялись съ своихъ мѣстъ, какъ въ то достопамятное утро, когда Сара въ первый разъ вошла въ классъ.

— Благодаримъ васъ, Сара!—сказали онѣ всѣ, а Лотти даже запрыгала отъ радости.

Сара на минуту смутилась, а затѣмъ оправившись любезно и ласково сказала:

— И я благодарю всѣхъ васъ, что вы пришли на мой праздникъ!

— Очень мило! очень мило!—одобрительно сказала миссъ Минчинъ. — Такъ отвѣтила бы и настоящая принцесса на привѣтствіе народа... Лавинія, — строго продолжала она, — вы, кажется, позволили себѣ фыркнуть? Если вы завидуете вашей подругѣ, то попрошу васъ выражать свои чувства, какъ подобаетъ благовоспитанной лэди. А теперь я васъ оставляю, забавляйтесь однѣ!

Какъ только миссъ Минчинъ вышла изъ комнаты, всѣ

дѣвочки повскакали со своихъ мѣстъ и бросились къ ящикамъ. Сара наклонилась надъ однимъ изъ нихъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Я знаю, это книги, — сказала она.

Маленькія посмотрѣли на ящикъ съ разочарованнымъ видомъ, и Эрменгарда не могла скрыть своего удивленія.

— Неужели твой папа дарить тебѣ ко дню рожденія книги! — воскликнула она. — Значитъ, онъ такой же нехорошій, какъ и мой папа! Не вынимай ихъ, Сара!

— Я люблю книги, — съ улыбкой сказала Сара и подошла къ самому большому ящику.

Когда она вынула изъ него „Послѣднюю куклу“, всѣ дѣвочки заахали отъ восторга и принялись разглядывать ее.

— Она почти такая же большая, какъ и Лотти! — замѣтила одна изъ нихъ.

Лотти захлопала въ ладоши и смѣясь принялась танцевать вокругъ куклы.

— Она одѣта, какъ для театра, — сказала Лавинія. — Ея мантія оторочена горностаемъ.

— Ахъ, смотрите, смотрите! — воскликнула Эрменгарда. — У ней бинокль въ рукахъ... голубой съ золотомъ!

— А вотъ ящикъ съ ея гардеробомъ, — сказала Сара. — Посмотримъ ея вещи.

Она сѣла на полъ и отперла ключомъ ящикъ. Дѣвочки съ шумомъ столпились вокругъ нея, когда она стала вынимать одну вещь за другой. Всѣ были въ восхищеніи отъ нарядовъ куклы. Тутъ были кружевные воротники, шелковые чулки и платки, длинное дорогое боа, муфта, бальныя платья, платья для гулянья и визитовъ; шляпы, вѣера, брильянтовое ожерелье въ футлярѣ и діадема, совсѣмъ какъ настоящія. Даже Лавинія и Джесси, забывъ, что онѣ почти взрослыя, чтобы интересоваться куклами, громко выражали свой восторгъ, рассматривая эти наряды.

— Представьте себѣ, что она понимаетъ насъ и гордится, что ею любятъ,—сказала Сара, надѣвая большую шляпу изъ чернаго бархата на безучастно улыбающуюся собственницу всѣхъ этихъ нарядовъ.

— Вы всегда представляете себѣ что-нибудь!—надменно замѣтила Лавинія.

— Правда,—спокойно отвѣтила Сара.—Но мнѣ это очень нравится, и ничто не доставляетъ мнѣ такого удовольствія, какъ представить себѣ что-нибудь прекрасное! Это почти какъ въ сказкѣ! И если хорошенько представить себѣ что-нибудь, то кажется, что это происходитъ и на самомъ дѣлѣ.

— Можно представить себѣ что угодно, когда ни въ чемъ не нуждаешься,—возразила Лавинія.—А могли бы вы представить себѣ что-нибудь, если бы были нищей и жили на чердакѣ?

Сара перестала прилаживать страусовыя перья на шляпѣ „Послѣдней куклы“ и задумалась.

— Мнѣ кажется, что могла бы,—отвѣтила она послѣ недолгаго молчанія.—Если бы я была нищей, я всегда представляла бы себѣ что-нибудь. Но это было бы не легко.

Впослѣдствіи Сара часто вспоминала о томъ странномъ совпаденіи, что миссъ Амелія вошла въ комнату какъ разъ въ ту минуту, когда она говорила это.

— Сара,—сказала она.—повѣренный вашего папы, мистеръ Барроу, пришелъ повидать миссъ Минчинъ; а такъ какъ угощеніе приготовлено въ ея гостиной, то она не можетъ принять его тамъ. Идите теперь всѣ угощаться; а сестра приметъ его здѣсь въ классѣ.

Дѣвочки были рады угощенію, и фу всѣхъ заблестѣли глаза отъ удовольствія. Миссъ Амелія поставила ихъ въ пары и съ Сарой во главѣ повела въ гостиную миссъ Минчинъ, а „Послѣдняя кукла“ осталась одиноко сидѣть на стулѣ среди своего великолѣпнаго гардероба.

Бекки не пригласили принять участіе въ угощеніи, и она замѣшкалась на минуту, чтобы получше рассмотреть куклу и ея чудесный гардеробъ.

— Ступай въ кухню, Бекки,—приказала уходя миссъ Амелія; но Бекки не могла отвести глазъ отъ роскошныхъ подарковъ Сары. Оставшись одна, она съ благоговѣніемъ взяла муфту, а потомъ пальто куклы и платья и залюбовалась ими. Вдругъ она услышала у дверей голосъ миссъ Минчинъ. Бекки въ ужасѣ растерялась и, не зная, куда дѣваться, бросилась подъ столъ и спряталась за скатертью.

Миссъ Минчинъ вошла въ комнату въ сопровожденіи худошаваго джентльмена съ рѣзкими чертами лица. Онъ, видимо, былъ чѣмъ-то разстроенъ. Миссъ Минчинъ, казалось, также была взволнована и съ тревогой смотрѣла на джентльмена.

Она сѣла и, высокомерно указывая на стулъ, сказала:

— Прошу садиться, мистеръ Барроу.

Мистеръ Барроу сѣлъ не тотчасъ. Вниманіе его привлекла „Послѣдняя кукла“ и лежавшіе вокругъ нея наряды. Онъ одѣлъ очки и неодобрительно посмотрѣлъ на куклу. Но „Послѣдней куклѣ“ это было, повидимому, безразлично; она продолжала сидѣть неподвижно и безучастно смотрѣла на него.

— Сто фунтовъ!—отрывисто сказалъ мистеръ Барроу.— Все эти вещи очень дорогія и заказаны у парижской модистки! Да, этотъ молодой человѣкъ любилъ-таки сорить деньгами!

Миссъ Минчинъ возмутилась. Ей казалось большой дерзостью осуждать такъ ея лучшаго покровителя, и она находила, что даже повѣренныя не имѣютъ права говорить такъ безцеремонно.

— Извините, мистеръ Барроу,—сухо замѣтила она.—Я не понимаю васъ.

— Дѣлать такіе подарки одиннадцатилѣтней дѣвочкѣ,— продолжалъ порицать, такъ же рѣзко мистеръ Барроу.— Это безразсудная расточительность!

Миссъ Минчинъ выпрямилась и надменно замѣтила:

— Капитанъ Крю богатый человѣкъ, и однѣ алмазныя розсыпи...

Мистеръ Барроу быстро повернулся къ ней.

— Алмазныя розсыпи!—иронически улыбнулся онъ.— Ихъ нѣтъ и никогда не было!

Миссъ Минчинъ вскочила со своего стула.

— Какъ не было?—вскричала она.—Что вы хотите этимъ сказать?

— Во всякомъ случаѣ,—отвѣтилъ съ досадой мистеръ Барроу,—было бы гораздо лучше, если бы ихъ никогда не было.

— Если бы не было алмазныхъ розсыпей?..—растерянно произнесла миссъ Минчинъ, хватаясь за спинку стула и чувствуя, какъ ея чудныя мечты разлетаются какъ сонъ.

— Алмазныя розсыпи чаще приводятъ къ разоренію, чѣмъ къ богатству,—сказалъ мистеръ Барроу.— Человѣку, незнакому съ какимъ-либо дѣломъ, никогда не слѣдуетъ затѣвать его даже съ лучшимъ другомъ. Въ такихъ случаяхъ лучше всего отказаться отъ алмазныхъ розсыпей, золотыхъ пріисковъ и какихъ бы то ни было другихъ предпріятій, въ которыя добрые друзья совѣтуютъ вложить деньги... Покойный капитанъ Крю...

Миссъ Минчинъ вскрикнула въ испугѣ.

— Вы говорите, покойный капитанъ Крю!.. Неужели вы пришли сообщить мнѣ, что капитанъ Крю...

— Умеръ, madame,—рѣзко отвѣтилъ мистеръ Барроу.— Онъ скончался отъ лихорадки, господствовавшей въ джунгляхъ, и отъ дѣловыхъ заботъ. Лихорадка, можетъ быть, не убила бы его, если бы его не свели съ ума заботы, а

заботы также не убили бы его, если бы онъ не заболѣлъ лихорадкой. Капитанъ Крю скончался!..

Пораженная миссъ Минчинъ тяжело опустилась на стулъ.

— Какія же заботы были у него?—спросила она.—Какія заботы могли подкосить его здоровье?

— Алмазныя розсыпи,—отвѣтилъ мистеръ Барроу,—хорошіе друзья и... разореніе!..

Миссъ Минчинъ съ трудомъ перевела дыханіе.

— Разореніе!?—задыхаясь вскрикнула она.

— Онъ потерялъ все свое состояніе, не оставивъ ни одного пенни. У него было слишкомъ много денегъ. Его хорошій другъ помѣшался на алмазныхъ розсыпяхъ, вложилъ въ нихъ всѣ свои деньги, а также и деньги капитана Крю. Затѣмъ этотъ хорошій другъ бѣжалъ, а капитанъ Крю былъ уже боленъ лихорадкой, когда получилъ эти вѣсти. Ударъ былъ слишкомъ силенъ для него, и онъ скончался въ бреду, все время призывая свою маленькую дѣвочку...

Теперь миссъ Минчинъ поняла все. Никогда въ жизни она не испытывала такого удара.

Въ одно мгновеніе ея пансіонъ лишился самой богатой воспитанницы и ея отца, который такъ щедро платилъ за свою дочь. Въ эту минуту миссъ Минчинъ чувствовала, что ее какъ-бы ограбили, и виноваты въ этомъ были капитанъ Крю, Сара и мистеръ Барроу.

— Вы хотите сказать,—вскрикнула миссъ Минчинъ,—что онъ ничего не оставилъ?.. Что дѣвочка нищая?... Что на моихъ рукахъ осталась маленькая нищая, вмѣсто богатой наследницы?..

Мистеръ Барроу, какъ дѣловой человѣкъ, поспѣшилъ выяснитъ все дѣло и освободиться отъ всякихъ обязательствъ.

— Да, она нищая,—сказалъ онъ,—и осталась у васъ на рукахъ, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, у нея нѣтъ родственниковъ.

Миссъ Минчинъ быстро встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери. Казалось, она сейчасъ выбѣжитъ изъ комнаты и прекратитъ пражднество въ гостиной, гдѣ теперь шумно и весело угощались дѣвочки.

— Это ужасно! — воскликнула она. — И теперь она сидитъ у меня въ гостиной вся въ шелку и кружевахъ и угощаетъ воспитанницъ на мой счетъ!

— Если она угощаетъ ихъ, madame, то, безъ сомнѣнія, на вашъ счетъ, — спокойно замѣтилъ мистеръ Барроу. — Барроу и Скипвортъ не отвѣтственны ни за что. Капитанъ Крю скончался, не оплативъ нашего послѣдняго счета, а онъ весьма значительный.

Миссъ Минчинъ отошла отъ двери.

— Это ужасно! ужасно! — воскликнула она. — Я была такъ увѣрена въ его неисчерпаемомъ богатствѣ, что потратила много денегъ на причуды его дѣвочки. И даже за эту куклу и ея фантастичный гардеробъ заплатила я. Эта избалованная дѣвочка должна была имѣть все, чего желала. У нея былъ свой экипажъ, пони, своя прислуга, и я платила за все съ тѣхъ поръ какъ получила послѣдній чекъ!

Мистеръ Барроу, очевидно, не желалъ выслушивать исторію объ убыткахъ миссъ Минчинъ; онъ выяснилъ все положеніе, совѣмъ не сочувствуя раздраженной начальницѣ пансіона.

— Если вы не желаете дѣлать подарковъ этой молодой лэди, — сказалъ онъ, — то не платите больше ни за что. Денегъ вамъ никто не вернетъ, а у нея нѣтъ ни одного пенни.

— Но что же мнѣ дѣлать?.. — спросила миссъ Минчинъ. — Что мнѣ дѣлать?..

— Дѣлать тутъ нечего, — отвѣтилъ мистеръ Барроу, вложивъ очки въ футляръ и сунувъ ихъ въ карманъ. — Капитанъ Крю умеръ, и дѣвочка осталась нищей. За нее отвѣчаете только вы!

При этихъ словахъ миссъ Минчинъ поблѣднѣла отъ гнѣва.

— Я за нее не отвѣтственна!—вскричала она.

Мистеръ Барроу собрался уходить.

— Это меня не касается, madame,—сказалъ онъ равнодушно.—Барроу и Скипвортъ тутъ ни при чемъ. Но я, конечно, очень сожалью, что все это случилось.

— Вы очень ошибаетесь, если думаете, что ее можно навязать мнѣ!—воскликнула миссъ Минчинъ.—Меня ограбили и обманули! Я выгоню ее на улицу!

Если бы миссъ Минчинъ не была такъ раздражена, она не позволила бы себѣ сказать такъ много лишняго. Но она приходила въ отчаяніе при мысли, что эта дѣвочка, которую она притомъ не влюбила съ перваго раза, осталась у ней на рукахъ.. И миссъ Минчинъ потеряла все свое самообладаніе.

Мистеръ Барроу равнодушно направился къ двери.

— Я бы этого не сдѣлалъ, madame, — сказалъ онъ. — Слухъ о такомъ некрасивомъ поступкѣ разнесется по всему городу и повредитъ вашему пансіону. Безчеловѣчно выгонять на улицу свою ученицу, у которой нѣтъ ни денегъ, ни друзей.

Мистеръ Барроу подаль миссъ Минчинъ благоразумный совѣтъ, зная, что она, какъ дѣловая, проницательная женщина, согласится съ нимъ.

— Лучше оставьте ее у себя, — прибавилъ онъ. — Она, кажется, дѣвочка не глупая и, когда подрастетъ, будетъ вамъ полезна.

— Она будетъ мнѣ полезна даже раньше, чѣмъ подрастетъ!—вскричала со злостью миссъ Минчинъ.

— Я убѣжденъ въ этомъ, madame,—сказалъ мистеръ Барроу съ усмѣшкой. — Вполнѣ убѣжденъ. Честь имѣю кланяться!

И поклонившись онъ вышелъ, притворивъ за собою дверь. Нѣсколько минутъ миссъ Минчинъ молча смотрѣла ему вслѣдъ. Да, онъ правъ. Ея богатая ученица превратилась въ ничто, и у нея осталась на рукахъ одинокая нищая дѣвочка. Деньги, которыя она потратила на нее, пропали безвозвратно.

Въ это время, когда она задыхалась отъ обиды, до нея донесся гулъ веселыхъ голосовъ изъ гостиной, въ которой сама она устроила для дѣвочки празднество. Но теперь она прекратить его!

Не успѣла миссъ Минчинъ дойти до двери, какъ въ комнату вошла миссъ Амелія и, увидѣвъ разстроенное злое лицо сестры, отступила въ испугъ.

— Что случилось, сестра?—спросила она.

— Гдѣ Сара?—не отвѣчая ей, спросила миссъ Минчинъ. Миссъ Амелія растерялась.

— Сара?..—запнулась она. — Она въ твоей комнатѣ... съ другими дѣвочками!

— Есть у ней черное платье въ ея роскошномъ гардеробѣ?—съ горькой усмѣшкой спросила миссъ Минчинъ.

— Черное платье?..—удивилась миссъ Амелія. — Черное?..

— Я знаю, что у нея есть платья всѣхъ цвѣтовъ, но есть ли у нея черное?

Миссъ Амелія поблѣднѣла.

— Нѣтъ... да,—отвѣтила она. — Но оно слишкомъ коротко ей. У нея есть только одно старое черное бархатное платье, но она выросла изъ него!

— Ступай, скажи ей, чтобы она сняла свое нелѣпое розовое платье и надѣла бы черное, все равно—коротко оно ей или нѣтъ. Довольно она наряжалась!

— О, сестра!—всхлипывая спросила миссъ Амелія, ломая свои толстыя руки. — О, сестра, что случилось?

— Капитанъ Крю умеръ,—коротко отвѣтила миссъ Мин-

чинъ.—Онъ умеръ, не оставивъ ни одного пенни, а эта избалованная дѣвочка осталась нищей у меня на рукахъ.

Миссъ Амелія тяжело опустилась на ближайшій стулъ.

— Сотни фунтовъ потратила я на всякія глупости для нея и изъ всѣхъ этихъ денегъ не получу ни одного пенни! Прекрати сейчасъ это глупое празднество. Пойди и прикажи Сарѣ надѣть черное платье!

— Я?..—задыхаясь спросила миссъ Амелія.—Я должна сказать ей это теперь?..

— Да, сію минуту!—сурово отвѣтила миссъ Минчинъ.—Что ты тарачишь на меня глаза, какъ гусыня? Ступай!

Бѣдная миссъ Амелія привыкла, что ее называли гусыней. Она и сама считала себя гусыней и по опыту знала, что все непріятное приходится выполнять ей. Вотъ и теперь ее посылають въ гостиную, гдѣ веселятся дѣти, сказать дѣвочкѣ, въ честь которой устроенъ этотъ праздникъ, что она вдругъ стала нищей и должна идти наверхъ одѣть короткое черное платье. И это надо сдѣлать сейчасъ,—разстраивать сестру теперь не время.

Миссъ Амелія такъ натерла себѣ глаза, все время вытирая ихъ, что они стали совсѣмъ красными. Затѣмъ она встала и вышла изъ комнаты. Когда старшая сестра была разсержена, благоразумнѣе всего было не разсуждая тотчасъ исполнить ея приказаніе.

Оставшись одна, миссъ Минчинъ стала ходить по комнатѣ, громко разговаривая сама съ собой. Въ теченіе послѣдняго года она мечтала объ алмазныхъ розсыпяхъ и тайнѣмъ надѣялась разбогатѣть благодаря своей богатой воспитанницѣ. А теперь вмѣсто богатства ей придется терпѣть только убытки.

— Принцесса Сара! — презрительно проговорила она.—Дѣвочку баловали, какъ будто она дѣйствительно была принцесса!

Проходя мимо стола, миссъ Минчинъ вздрогнула и остановилась, услышавъ подъ столомъ чьи-то громкія рыданія.

— Это что такое? Кто тамъ?—гнѣвно крикнула она, поднимая скатерть.

— Какъ ты смѣла! какъ ты смѣла!—вскричала она.—Вылѣзай сейчасъ!

Бѣдная Бекки выползла изъ-подъ стола; чепецъ ея сползъ на бокъ, а лицо покраснѣло отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Простите, ма-амъ,—забормотала она въ смущеніи.—Я знаю, что не слѣдовало... Но я смотрѣла куклу, ма-амъ... и испугалась, когда вы вошли... и юркнула подъ столъ...

— И ты все время тамъ подслушивала?—спросила миссъ Минчинъ.

— Нѣтъ, ма-амъ,—возразила Бекки присѣдая,—не подслушивала; я думала, что мнѣ удастся уйти незамѣтно, но не могла и должна была остаться. Только я не подслушивала, ма-амъ... но я никакъ не могла не слышать.

И Бекки залилась слезами, какъ бы не чувствуя больше никакого страха передъ сердитой лэди.

—О, ма-амъ!—воскликнула она.—Я знаю, что вы будете бранить меня... но мнѣ такъ жаль бѣдную миссъ Сару... мнѣ такъ жаль ее!..

— Ступай вонъ!—крикнула миссъ Минчинъ.

Бекки присѣла, и слезы градомъ полились у нея по щекамъ.

— Да, ма-амъ, я уйду,—сказала она присѣдая,—но позвольте мнѣ сначала спросить васъ, ма-амъ... миссъ Сара... была такая богатая лэди, и всѣ прислуживали ей... Какъ же она теперь останется безъ горничной, ма-амъ?... Если бы... если бы... о позвольте, пожалуйста, ма-амъ, мнѣ прислуживать ей, когда я перемою посуду... я буду работать очень скоро... только позвольте мнѣ потомъ прислуживать ей, когда у ней теперь ужъ нѣтъ ничего... Бѣдная, бѣдная миссъ Сара!.. а ее называли принцессой, ма-амъ!..

Слова Бекки еще больше раздражили миссъ Минчинъ. Даже ничтожная судомойка приняла сторону этой дѣвочки, которую сама она терпѣть не можетъ.

— Нѣтъ, не позволю тебѣ этого!..—вскричала она.—Она сама будетъ прислуживать себѣ и даже другимъ! Ступай вонъ сію минуту, или я откажу тебѣ отъ мѣста.

Бекки накинула на голову передникъ и, выбѣжавъ изъ комнаты, спустилась въ кухню, гдѣ усѣлась среди своихъ горшковъ съ рыданіями, надрывавшими ей сердце.

— Все случилось, какъ въ сказкѣ,—рыдала она.— Тамъ бѣдныя принцессы тоже всегда несчастны!..

Когда миссъ Амелія сообщила Сарѣ горестную вѣсть, ей показалось, что праздникъ дня ея рожденія, такъ внезапно прерванный, былъ лишь сномъ, или что это случилось много лѣтъ тому назадъ не съ ней, а совсѣмъ съ другой маленькой дѣвочкой.

Всѣ признаки празднества быстро исчезли: со стѣнъ въ классѣ были сняты гирлянды, скамьи и юпитры были поставлены на свои мѣста, гостиная миссъ Минчинъ приняла свой обычный видъ, а сама миссъ Минчинъ снова одѣла свое обычное платье. Воспитанницамъ также приказали снять ихъ праздничныя платья и вернуться въ классъ. Тамъ онѣ собрались въ группы и, возбужденныя такимъ необычайнымъ случаемъ, стали перешептываться.

— Прикажи Сарѣ придти въ мою комнату,—сказала миссъ Минчинъ своей сестрѣ.—И объясни ей, что я не хочу слышать ни криковъ, ни непріятныхъ сценъ.

— Знаешь, сестра,—сказала миссъ Амелія, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ,—Сара очень странная дѣвочка. Я никогда не видѣла такой! Помнишь, сестра, она и тогда не дѣлала никакихъ сценъ, когда капитанъ Крю уѣхалъ обратно въ Индію. Когда я сказала ей, что отецъ ея умеръ, она не тронулась съ мѣста и не проронила ни одного сло-

ва. Только глаза ея, казалось, дѣлались все больше и больше, и она сильно поблѣднѣла. Когда я кончила, она постояла съ минуту спокойно, а потомъ у нея задрожалъ подбородокъ, и она побѣжала наверхъ въ свою комнату. Нѣкоторыя дѣвочки начали плакать, когда узнали, что съ ней случилось, но она, казалось, не слышала ничего, кромѣ того, что я ей говорила. Мнѣ было очень неловко, что она все время молчала.

Никто не узналъ, что происходило въ комнатѣ Сары, когда она вбѣжала наверхъ и затворила за собою дверь. Она и сама помнила, какъ сквозь сонъ, что она ходила по комнатѣ и твердила какимъ-то страннымъ, чужимъ голосомъ: „Мой папа умеръ!.. Мой папа умеръ!..“

При видѣ Эмили, наблюдавшей за ней съ своего стула, она вдругъ остановилась и съ отчаяніемъ дико крикнула:

— Эмили! Ты слышишь?.. Папа умеръ!.. Онъ умеръ въ Индіи, за тысячи миль отсюда!..

Когда Сара нѣсколько часовъ спустя, какъ ее позвали, вошла въ гостиную миссъ Минчинъ, лицо ея было блѣдно, вокругъ глазъ были темные круги, а губы крѣпко сжаты, какъ будто она не хотѣла выказывать своихъ страданій. Въ эту минуту она совсѣмъ не походила на ту сіяющую въ розовомъ платьѣ дѣвочку, которая какъ бабочка порхала отъ одного подарка къ другому въ разукрашенной гирляндами остролистника классной комнатѣ. Личико ея выражало отчаяніе.

Сара одѣла безъ помощи Маріетты выброшенное уже черное бархатное платье. Оно было ей слишкомъ коротко и узко, и ея тонкія ножки, выступавшія изъ-подъ короткой юбки, казались длинными и худыми. Такъ какъ она не нашла черной ленточки, то ея короткіе, густые, черные волосы свободно падали ей на плечи, еще рѣзче отбѣняя ея блѣдное лицо. Входя къ миссъ Минчинъ, она крѣпко при-

жимала къ себѣ Эмили, завернутую въ кусокъ черной матеріи.

— Бросьте свою куклу, — сказала миссъ Минчинъ. — Зачѣмъ вы принесли ее сюда?

— Нѣтъ, я ее не брошу, — отвѣтила Сара. — Это все, что у меня осталось. Мой папа подарилъ мнѣ ее.

Миссъ Минчинъ всегда чувствовала себя не совсѣмъ ловко, когда говорила съ Сарой, и ей стало неловко и теперь. Сара говорила вѣжливо, но съ холодной рѣшительностью. Чувствуя, что съ ней бороться трудно, миссъ Минчинъ не стала настаивать тѣмъ болѣе, что сознавала, что поступаетъ безсердечно съ дѣвочкой.

— У васъ больше не будетъ времени играть въ куклы, — сказала она. — Вамъ придется работать, заниматься одной и пріучаться быть полезной.

Сара не сводила съ миссъ Минчинъ своихъ большихъ странныхъ глазъ и не проронила ни слова.

— Теперь все измѣнится. — продолжала миссъ Минчинъ. — Вѣроятно, миссъ Амелія объяснила вамъ все?

— Да, — отвѣтила Сара. — Мой папа умеръ. Онъ мнѣ не оставилъ денегъ. Теперь я совсѣмъ бѣдная.

— Вы нищая, — сказала миссъ Минчинъ, раздражаясь при одной мысли о бѣдности Сары. — И у васъ нѣтъ родныхъ и никого, кто бы позаботился о васъ.

Худое, блѣдное личико Сары передернулось, но она ничего не сказала.

— Что же вы молчите? — рѣзко спросила ее миссъ Минчинъ. — Неужели вы такъ глупы, что ничего не понимаете? Я говорю вамъ, что вы теперь совсѣмъ одна на свѣтѣ, и о васъ некому заботиться, если я изъ милости не оставлю васъ у себя.

— Я понимаю, — тихо отвѣтила Сара, какъ будто проглотивъ что-то, стоявшее у нея въ горлѣ. — Я понимаю!

— Эта кукла, — рѣзко сказала миссъ Минчинъ, указывая на прекрасный подарокъ, полученный Сарой отъ отца ко дню рожденія, — эта смѣшная кукла съ ея нелѣпыми роскошными вещами — не ваша. Я заплатила за нее.

Сара посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ находилась кукла.

— Последняя кукла! Последняя кукла! — сказала она, и ея грустный голосокъ звучалъ какъ-то странно.

— Да, это последняя кукла! — сказала миссъ Минчинъ. — И она моя, а не ваша. Все, что было ваше, принадлежитъ теперь мнѣ.

— Такъ, пожалуйста, возьмите ее, — сказала Сара. — Она мнѣ не нужна!

Если бы Сара рыдала и громко выражала свое отчаяніе, миссъ Минчинъ, можетъ быть, отнеслась бы къ ней болѣе мягко. Она была женщина властолюбивая и требовала отъ всѣхъ безусловнаго подчиненія, а глядя на блѣдное гордое личико Сары и слыша ея спокойный твердый голосокъ, она чувствовала, что власть ея какъ-бы превращается въ ничто.

— Не смѣйте говорить со мною такимъ тономъ! — вскричала она. — Проншло время важничать! Теперь вы уже больше не принцесса! Вашъ экипажъ и пони будутъ проданы; завтра я откажу вашей горничной, и вы будете носить самыя старыя и простыя платья, потому что ваши роскошныя платья не подходятъ къ вашему положенію. Вы, какъ Бекки, должны зарабатывать себѣ хлѣбъ.

При этихъ словахъ, къ удивленію миссъ Минчинъ, лицо Сары какъ-бы немного просіяло.

— Мнѣ надо будетъ работать? — спросила Сара. — Это хорошо. Что же мнѣ придется дѣлать?

— Все, что вамъ прикажутъ, — отвѣтила миссъ Минчинъ. — Вы умная дѣвочка и учитесь легко. Если вы будете полезны, я, можетъ быть, оставлю васъ здѣсь. Вы хорошо

говорите по-французски и можете учить этому языку младших ученицъ.

— Заниматься съ ними?—воскликнула Сара.—О, пожалуйста, позвольте мнѣ! Я очень рада этому и сумѣю учить ихъ. Я ихъ люблю, и онѣ любятъ меня!

— Не говорите глупостей о томъ, что васъ любятъ,—рѣзко сказала миссъ Минчинъ.—Вы должны будете не только заниматься съ маленькими, но васъ будутъ посылать съ разными порученіями, и вы будете также помогать на кухнѣ. Если я буду вами недовольна, то отпущу васъ. Помните это! Теперь ступайте!

Сара съ минуту молча смотрѣла на нее, и въ ея умѣ пронеслись странныя, тяжелыя мысли. Затѣмъ она повернулась и направилась къ двери.

— Пойдите, — остановила ее миссъ Минчинъ. — Вы меня даже не поблагодарили?

Сара остановилась и, повернувшись къ ней, спросила:

— За что?

— За мою доброту къ вамъ, за то, что я васъ пріютила! — отвѣтила миссъ Минчинъ.

Сара сдѣлала нѣсколько шаговъ къ ней. Бѣлая грудь тяжело подымалась и опускалась, и она сказала горячо, страннымъ недѣтскимъ тономъ:

— Вы не добры, совсѣмъ не добры, и это не пріютъ!

И съ этими словами она повернулась и выбѣжала изъ комнаты раньше, чѣмъ разгнѣванная миссъ Минчинъ успѣла остановить ее.

Сара медленно поднималась по лѣстницѣ, съ трудомъ переводя дыханіе и крѣпко прижимая съ собою Эмили.

„Какъ хорошо было бы, если бы Эмили могла говорить! — думала она. — О, если бы она могла говорить, если бы она могла говорить!..“

Она хотѣла пройти въ свою комнату, лечь тамъ на тигровую шкуру и, прижавшись щекой къ головѣ тигра, смотрѣть въ огонь и думать, думать, думать. Но едва Сара успѣла подняться на площадку, какъ изъ ея комнаты вышла миссъ Амелія и, затворивъ за собой дверь, остановилась передъ ней. Она казалась взволнованной и стыдилась того, что ей приказано было сдѣлать.

— Вамъ нельзя... входить туда, — сказала она.

— Нельзя входить туда? — воскликнула Сара отступая.

— Это уже не ваша комната, — отвѣтила миссъ Амелія.

Сара тотчасъ поняла, что это было начало той перемѣны, о которой говорила миссъ Минчинъ.

— Гдѣ же моя комната?—спросила она, стараясь, чтобы голосъ ея не дрожалъ.

— Вы будете спать на чердакѣ рядомъ съ Бекки.

Бекки говорила ей, какъ пройти туда, и Сара повернулась и стала подыматься по лѣстницѣ еще на два этажа выше. Начиная съ послѣдняго поворота, лѣстница была очень узка и покрыта рванымъ ковромъ. Сарѣ казалось, что она уходитъ куда-то далеко и оставляетъ за собою тотъ міръ, въ которомъ жила та богатая дѣвочка, совсѣмъ не похожая на нее; а сама она, въ своемъ короткомъ, старомъ платьѣ, совсѣмъ другая дѣвочка.

Когда она отворила дверь чердака, сердце ея въ первую минуту сжалось отъ страха. Затѣмъ она затворила дверь и, прислонясь къ ней, осмотрѣлась.

Да, это былъ другой міръ. Комната имѣла покатый потолокъ, штукатурка мѣстами отвалилась; у одной стѣны находился каминъ съ заржавленной рѣшеткой, а у другой стояла желѣзная кровать съ жесткой постелью, покрытой полинявшимъ одѣяломъ. Кромѣ того, тутъ находилась кое-какая мебель, слишкомъ старая и ветхая для употребленія въ нижнихъ комнатахъ. Подъ окномъ въ крышѣ, изъ котораго виднѣлся только кусочекъ сѣраго неба, стояла сломанная низенькая табуретка. Сара подошла къ ней и сѣла. Она рѣдко плакала, и не заплакала даже теперь. Положивъ Эмили къ себѣ на колѣни, она обняла ее и крѣпко прижалась къ ней лицомъ.

Вскорѣ раздался слабый стукъ въ дверь, такой слабый и робкій, что Сара даже не слышала его; потомъ дверь тихо приотворилась, и жалкое заплаканное лицо заглянуло въ комнату. То была Бекки; она плакала украдкой уже нѣсколько часовъ и очень натерла себѣ глаза грязнымъ кухоннымъ передникомъ.

— О, миссъ!—глубоко вздохнула она.—Можно мнѣ... позволите ли вы мнѣ войти?

Сара подняла голову и взглянула на Бекки. Она попыталась улыбнуться, но не могла. И, глядя на любящие, полные грусти, заплаканные глаза Бекки, лицо ея приняло снова болѣе дѣтское выраженіе. Сара протянула ей руку, и глухое рыданіе вырвалось у нея изъ груди.

— О, Бекки,—сказала она.—Помнишь, я говорила тебѣ, что между нами нѣтъ никакой разницы. Мы только двѣ маленькія дѣвочки. Теперь ты видишь, что я говорила правду. Я такая же бѣдная дѣвочка, какъ и ты, и уже больше не принцесса.

Бекки подбѣжала къ ней и, прижавъ ея руку къ своей груди, зарыдала.

— Нѣтъ, миссъ, вы принцесса! — горячо воскликнула она.—Что бы ни случилось съ вами... что бы ни случилось... вы всетаки останетесь принцессой... и ничто не сдѣлаетъ васъ другой!

ГЛАВА VIII.

На чердакъ.

Сара никогда не могла забыть первую ночь, которую она провела на чердакъ. Въ ту ночь она пережила тяжелое, недѣтское горе, о которомъ никогда не говорила никому. Къ тому же никто не понять бы ее. Заснуть она не могла, и только непривычная обстановка отвлекала ее иногда отъ тяжелыхъ мыслей о смерти отца. Если бы этого не было, поразившій ее ударъ слишкомъ тяжело отозвался бы на ея дѣтской душѣ, и она не перенесла бы его.

— Мой папа умеръ!.. Мой папа умеръ!..—шептала она всю ночь.

Только много времени спустя она вспомнила, что ея постель была очень жестка, что она вертѣлась сбоку на бокъ, чтобы улечься поудобнѣе, и что въ комнатѣ было очень темно, и вѣтеръ, завывавшій на крышѣ между трубами, какъ будто громко рыдалъ. Но на чердакъ было еще нѣчто хуже: за стѣной, на полу и за плинтусами слышался все

время какой-то шорохъ, пискъ и возня. Сара знала, что это такое, потому что Бекки рассказывала ей объ этомъ. Это были крысы и мыши, которыя ссорились или играли, и Сара даже слышала нѣсколько разъ по полу легкой топотъ ножекъ съ острыми когтями. Въ послѣдствіи Сара вспоминала, какъ она вскочила на постели, когда въ первый разъ услышала ихъ, и какъ долго сидѣла, дрожа отъ страха, а когда снова легла, то закрыла и голову одѣяломъ.

Перемѣна въ ея жизни произошла не постепенно, а сразу.

— Сара теперь же должна узнать, что ее ожидаетъ въ будущемъ,—сказала сестрѣ миссъ Минчинъ.

Маріетту рассчитали на другое же утро. Проходя на другой день мимо своей комнаты, Сара увидѣла въ отворенную дверь, что тамъ все измѣнилось. Ея роскошная мебель и всѣ другія вещи были вынесены, въ углу стояла теперь кровать, и ея комната превратилась въ скромную спальню какой-то воспитанницы.

Когда Сара спустилась къ завтраку и вошла въ столовую, ея мѣсто рядомъ съ миссъ Минчинъ было занято Лавиніей.

— Съ сегодняшняго дня вы приметесь за свои новыя обязанности, Сара,—холодно сказала ей миссъ Минчинъ.—Садитесь за другой столъ съ маленькими ученицами и слѣдите, чтобы онѣ не шалили, вели себя хорошо и бѣли аккуратно. Вы должны являться раньше. Смотрите, Лотти уже пролила свой чай!

Это было начало. А затѣмъ обязанности Сары стали увеличиваться съ каждымъ днемъ. Она учила маленькихъ французскому языку и готовила съ ними уроки, и этотъ трудъ Сара находила легкимъ и пріятнымъ. Но миссъ Минчинъ нашла, что Сара можетъ быть полезной и во многомъ другомъ. Ее можно было посылать съ порученіями во всякое время и во всякую погоду; ей можно было давать такую работу, отъ

которой отказывались другіе. Кухарка и другая прислуга, по примѣру миссъ Минчинъ, начали командовать „младшей“, съ которой раньше такъ долго и много возились. Онѣ находили для себя очень удобнымъ имѣть подъ рукой кого-нибудь, на кого можно было свалить любую вину.

Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ Сара надѣялась, что къ ней будутъ относиться лучше, когда увидятъ, что

она старается всякую работу исполнить какъ можно лучше и терпѣливо выслушиваетъ отъ всѣхъ выговоры. Она хотѣла доказать, что старается заработать свой хлѣбъ, а не принимаетъ милостыни. Но вскорѣ Сара увидѣла, что къ ея стараніямъ всѣ относятся безразлично, и чѣмъ больше она старается, тѣмъ требовательнѣе и взыскательнѣе становится горничная, и тѣмъ чаще бранить ее сварливая кухарка.

Если бы Сара была постарше, миссъ Минчинъ поручила бы ей учить и старшихъ ученицъ и тѣмъ избавила бы себя отъ расходовъ на учительницу; но Сара была еще совсѣмъ ребенокъ, и потому ее можно было использовать только на посылки и на разную черную работу. Обыкновенный посыльный мальчикъ не былъ бы такимъ сообразительнымъ и надежнымъ, а Сарѣ можно было давать сложные порученія. Она могла сходить и заплатить по счетамъ, умѣла хорошо убирать комнаты и приводить все въ порядокъ.

Продолжать посѣщеніе уроковъ Сарѣ болѣе не пришлось. Ее уже ничему не учили и только поздно вечеромъ, послѣ утомительной работы, ей неохотно позволяли заниматься одной въ пустомъ классѣ.

„Теперь я простая судомойка и, если не буду повторять старое, то, пожалуй, забуду все и сдѣлаюсь такой же, какъ бѣдная Бекки“, думала Сара.

Перемѣна въ жизни Сары сильно измѣнила отношенія къ ней воспитанницъ. Прежде она была среди нихъ маленькой принцессой, а теперь какъ будто совсѣмъ не принадлежала къ ихъ числу. Сарѣ приходилось такъ много работать, что ей некогда было даже поговорить съ кѣмъ-либо изъ ученицъ. Къ тому же она скоро замѣтила, что миссъ Минчинъ старается отдалить ее отъ воспитанницъ.

— Я не хочу, чтобы она разговаривала и сближалась съ другими дѣтьми,—говорила миссъ Минчинъ.—Дѣвочки всегда сочувствуютъ обиженнымъ, и, если она начнетъ рассказывать имъ [какую-нибудь романтическую исторію о себѣ, онѣ будутъ смотрѣть на нее, какъ на несчастную героиню, а потомъ, пожалуй, и родители составятъ себѣ ложное понятіе о нашемъ пансіонѣ. Гораздо лучше, если она будетъ находиться въ сторонѣ отъ воспитанницъ. Япріютила ее, и большаго она отъ меня требовать не можетъ!

Сара и не ожидала ничего отъ миссъ Минчинъ и была слишкомъ горда, чтобы сближаться съ дѣвочками, которыя какъ будто сторонились ея и чувствовали себя неловко съ ней. Воспитанницы миссъ Минчинъ были большей частью богатые и заносчивыя дѣвочки, обращавшія много вниманія на внѣшность. Когда Сара стала ходить въ старыхъ, короткихъ платьяхъ, и дѣвочки узнали, что у нея дырявые башмаки, и ее посылають съ корзинкой за провизіей, которую она сама тащитъ по улицамъ, почти всѣ ученицы стали смотрѣть на нее какъ на служанку.

— Трудно представить себѣ, что у этой дѣвочки были когда-то алмазныя розсыпи!—говорила лавинія.—И какой у нея смѣшной видъ теперь! Я всегда не долюбивала ее, но теперь она дѣлается невыносима, когда молча смотритъ на людей, точно хочетъ разгадать ихъ.

Сара продолжала работать съ прежней неутомимостью. Изъ дня въ день она бѣгала въ слякоть и дождь по грязнымъ улицамъ съ пакетами и корзинами, а занимаясь съ маленькими воспитанницами французскимъ языкомъ, должна была напрягать всѣ усилія, чтобы заставить ихъ быть внимательными.

Когда ея платья износились, и вся ея одежда истрепалась, миссъ Минчинъ приказала, чтобы она завтракала и обѣдала внизу въ кухнѣ. Никто уже не принималъ участія въ Сарѣ, и бѣдная дѣвочка молча переносила свое горе, никому не повѣряя его.

— Солдаты не жалуются, и я этого не сдѣлаю!—говорила она въ тяжелыя минуты, стиснувъ зубы.—Я буду воображать, что терплю эти лишенія на войнѣ.

Но бывали дни, когда ея дѣтское сердце не перенесло бы такого одиночества, если бы не было любившихъ ее Бекки, Эрменгарды и Лотти.

Въ особенноти Бекки была горячо предана ей. Начиная съ первой ночи, которую Сара провела на чердакѣ, она чувствовала, что за стѣной, гдѣ скреблись и пищали крысы, лежитъ другая, любящая ее дѣвочка. И это утѣшало ее. А въ слѣдующія затѣмъ ночи это чувство утѣшенія возросло еще больше. Днемъ имъ рѣдко удавалось перемолвиться словомъ. У каждой изъ нихъ было много дѣла, и имъ некогда было терять времени.

— Не обижайтесь, миссъ, — шепнула Бекки въ первое утро, — если я буду съ вами невѣжлива и не буду говорить вамъ „пожалуйста“, „благодарю“, „извините“; но, право, приходится всегда такъ торопиться, да и кухарки и служанки стали бы смѣяться надъ нами.

Каждое утро, раньше чѣмъ спуститься внизъ въ кухню топить печь, Бекки приходила въ комнату Сары, застегивала ей платье и помогала въ чемъ могла. А когда наступалъ вечеръ, Сара всегда слышала легкій стукъ въ свою дверь и знала, что ея горничная явилась помочь ей, въ чемъ нужно.

Въ первое время послѣ смерти отца Сара чувствовала себя слишкомъ несчастной, и ей было не до разговоровъ. Бекки заходила къ ней только изрѣдка и не надолго: она чувствовала, что Сару лучше оставлять одну съ ея горемъ.

Когда Сара нѣсколько успокоилась и начала обращать вниманіе на окружающее, то вспомнила объ Эрменгардѣ. Онѣ были очень дружны, но Сарѣ всегда казалось, что она на много старше ея. Эрменгарда сильно привязалась къ Сарѣ и приходила къ ней за помощью съ своими уроками, прислушивалась къ каждому ея слову и осаждала ее просьбами рассказать что-нибудь.

Переживая свое горе, Сара совсѣмъ забыла ее; къ тому же Эрменгарду неожиданно взяли домой на нѣсколько недѣль. Когда она вернулась, то дня два не видѣла Сару, а

потомъ встрѣтила ее въ корридорѣ съ цѣлой охапкой бѣлья, которое Сара несла внизъ для починки,—Сару уже научили чинить и штопать. Она была блѣдна и не похожа на прежнюю Сару въ своемъ старомъ, короткомъ платьѣ, выдѣлявшемъ еще болѣе ея тонкія ножки.

При видѣ Сары Эрменгарда растерялась; она знала, что случилось, но не ожидала, что Сара такъ измѣнится и будетъ такой обтрепанной и похожей на прислугу. Это такъ поразило и огорчило Эрменгарду, что она какъ-то истерично засмѣялась и бессмысленно воскликнула:

— О, Сара! Это ты?

— Да,—отвѣтила Сара и слегка покраснѣла, пристально взглянувъ на Эрменгарду, которая еще больше растерялась подъ ея взглядомъ.

Эрменгарда почувствовала, что Сара превратилась со всѣмъ въ другую дѣвочку, незнакомую ей. Можетъ быть, такая перемѣна произошла съ ней оттого, что она такъ внезапно обѣднѣла и теперь должна работать какъ Бекки.

— Какъ ты поживаешь?—запинаясь спросила она.

— Не знаю,—отвѣтила Сара.—А ты какъ?

— Я... я хорошо,—растерянно возразила Эрменгарда. Затѣмъ чувствуя, что ей слѣдуетъ заговорить сердечнѣе, она порывисто добавила:

— Ты очень несчастна?

Бѣдной Сарѣ стало еще тяжелѣе, и она, не понявъ теплаго сочувствія подруги, подумала, что если Эрменгарда такъ глупа, то лучше уйти отъ нея.

— А ты какъ думаешь?—спросила она.—Ты думаешь, что я очень счастлива?

И, не сказавъ болѣе ни слова, Сара прошла мимо нея.

Нѣсколько времени спустя Сара поняла, что напрасно обидѣла бѣдную недалекую Эрменгарду, которая была всегда

очень растерянна и неловка, а когда принимала что-нибудь близко къ сердцу, то терялась еще больше.

Но промелькнувшая у Сары мысль сдѣлала ее очень чувствительной къ обидамъ.

„Эрменгарда такая же, какъ другія,—подумала она.—Она не хочетъ говорить со мной и знаетъ, что никто не говорить со мной!“

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль между бывшими подругами лежала какая-то пропасть. Когда онѣ случайно встрѣчались, Сара смотрѣла въ другую сторону, а Эрменгарда отъ волненія не могла выговорить ни слова. Иногда при встрѣчѣ онѣ кивали другъ другу, а иногда расходились даже не кланяясь.

„Если она не хочетъ говорить со мной,—думала Сара,—то я буду избѣгать встрѣчаться съ нею. Миссъ Минчинъ облегчить мнѣ сдѣлать это.“

Это оказалось такъ легко, что наконецъ онѣ почти совсѣмъ не встрѣчались. Послѣ возвращенія Эрменгарды изъ дому въ пансіонъ всѣ замѣтили, что она стала еще глупѣе и почему-то очень грустила. Она часто садилась на подоконникъ и молча смотрѣла на улицу.

Однажды Джесси, проходя мимо, остановилась и съ любопытствомъ посмотрѣла на нее.

— О чемъ ты плачешь, Эрменгарда?—спросила она.

— Я не... не плачу, — пробормотала дрогнувшимъ голосомъ Эрменгарда.

— Нѣтъ, плачешь! Крупная слезинка только что скатилась по твоему носу и капнула съ его кончика. А вотъ и вторая!

— Я несчастна, оставь меня въ покоѣ!—и, повернувшись къ Джесси спиной, Эрменгарда вынула носовой платокъ и быстро спрятала въ него лицо.

Въ этотъ вечеръ Сара позднѣе обыкновеннаго поднялась къ себѣ на чердакъ. Днемъ у нея было много работы, а когда воспитанницы легли спать, она готовила въ пустомъ классѣ свои уроки.

Поднявшись наверхъ, Сара съ удивленіемъ увидѣла, что изъ-подъ двери ея комнаты виднѣется узкая полоска свѣта.

„Кто-то зажегъ тамъ свѣчу. — подумала она, — а, между тѣмъ, кромѣ меня туда никто не ходитъ!“

Дѣйствительно, кто то зажегъ свѣчу, и она горѣла не въ кухонномъ подсвѣчникѣ, который употребляла Сара, а въ одномъ изъ тѣхъ, которые находятся въ спальняхъ воспитанницъ. На сломанной ножной скамеечкѣ сидѣлъ кто-то въ ночной рубашкѣ, закутавшись въ красную шаль. То была Эрменгарда.

— Эрменгарда!—воскликнула Сара испугавшись.—Тебѣ попадетъ, если увидать тебя здѣсь!

Эрменгарда поднялась со скамейки и, шлепая большими ночными туфлями, пошла навстрѣчу Сарѣ; ея глаза совсѣмъ покраснѣли отъ слезъ.

— Да, знаю, мнѣ попадетъ, если меня застанутъ здѣсь,—сказала она.—Но мнѣ все равно, совсѣмъ все равно... О, Сара, пожалуйста, скажи мнѣ... Отчего ты не любишь меня больше?

При этихъ простыхъ, задушевныхъ словахъ Сарѣ что-то сжало горло. Это такъ напоминало прежнюю Эрменгарду, просившую когда-то Сару подружиться съ ней. Сара поняла, что она не такая, какой ей казалась въ послѣднее время.

— Я люблю тебя!—отвѣтила Сара,—я думала... все теперь перемѣнилось, и... я думала, что ты тоже перемѣнилась.

Эрменгарда широко открыла свои заплаканные глаза.

— Это ты перемѣнилась!—вскричала она.—Ты не хотѣла говорить со мной, и я не знала, что дѣлать. Это ты перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась въ пансіонъ.

Сара на минуту задумалась.

— Да, правда, я перемѣнилась,—сказала она,—но не такъ, какъ ты думаешь. Миссъ Минчинъ не хочетъ, чтобы я разговаривала съ дѣвочками. Да онѣ и сами не хотятъ говорить со мной. Я и подумала, что, можетъ быть, и ты не хочешь, и потому старалась не встрѣчаться съ тобой.

— О, Сара!—воскликнула сквозь слезы съ укоромъ Эрменгарда, бросаясь въ объятія Сары.

И въ теченіе нѣсколькихъ минутъ черная головка Сары покоилась на плечѣ Эрменгарды.

Затѣмъ обѣ дѣвочки ушли на полъ. Сара въ своей любимой позѣ, обхвативъ руками колѣни, а Эрменгарда закуталась въ свою шаль и съ обожаніемъ смотрѣла на странное личико и большіе глаза подруги.

— Я не могла больше выносить этого, Сара! Ты можешь жить безъ меня, но я безъ тебя не могу. Я почти умерла съ горя. А сегодня вечеромъ, поплакавъ подъ одѣяломъ, я вдругъ задумала подняться сюда и просить тебя снова быть моимъ другомъ.

— Ты лучше меня, Эрменгарда. Я была слишкомъ горда, хотя мнѣ и хотѣлось снова подружиться съ тобой; но я не могла заговорить первая. Вотъ видишь, какая я дурная! Можетъ быть, потому мнѣ и посланы все эти испытанія,—добавила Сара, серьезно сморщивъ лобъ.

— Бѣдная Сарочка!—обливаясь слезами, воскликнула Эрменгарда.

— Не плачь, Эрменгарда. Знаешь, я утѣшаюсь тѣмъ, что въ этихъ испытаніяхъ можетъ быть что-нибудь хорошее, чего мы не замѣчаемъ. Даже, можетъ быть, въ миссъ Мин-

чинъ есть что-нибудь хорошее!—съ сомнѣніемъ добавила Сара.

Эрменгарда съ боязливымъ любопытствомъ оглянула чердакъ.

— Неужели, Сара, ты можешь жить здѣсь!—воскликнула она.

— Могу, если представлю себѣ, что моя комната совсѣмъ не такая или представляетъ мѣсто дѣйствія изъ какого-нибудь разсказа,—отвѣтила Сара, также оглядывая свою мансарду.

Она говорила тихо и медленно. Съ тѣхъ поръ, какъ на нее обрушились несчастья, воображеніе ея какъ бы замерло. Но теперь оно снова начало работать.

— Многіе жили въ мѣстахъ, которыя были гораздо хуже. Помнишь графа Монте-Кристо, котораго заключили въ подземную темницу замка д'Ифъ?.. А узники въ Бастиліи?..

— Въ Бастиліи?—прошентала Эрменгарда, съ восторгомъ глядя на Сару: она вспомнила разсказы Сары изъ француз-

ской революціи, которые произвели на нее сильное впечатлѣніе.

— Да,—продолжала Сара, и глаза ея заблестѣли по-прежнему.— Это подходящая комната, чтобы воображать себя въ Бастиліи. Представь себѣ, что я заключена въ Бастилію и провела здѣсь уже много, много, много лѣтъ, и всѣ забыли обо мнѣ! Миссъ Минчинъ — мой тюремщикъ, а Бекки, — и глаза Сары разгорѣлись еще больше,—Бекки тоже узница, какъ и я, и сидитъ въ сосѣдней камерѣ!

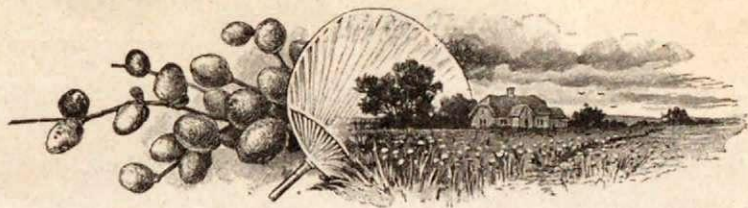
Эрменгардъ показалось, что передъ ней прежняя Сара.

— Я буду представлять себѣ это, и тогда мнѣ будетъ не такъ тяжело,—сказала Сара.

— И ты будешь мнѣ все это рассказывать?—съ восторгомъ спросила Эрменгарда.—Можно ли мнѣ приходить сюда по вечерамъ, когда будетъ безопасно? И ты мнѣ будешь рассказывать все, что случилось днемъ? И мы будемъ съ тобой очень дружны!

— Хорошо,—согласилась Сара.—Несчастье испытываетъ людей, а мое доказало, что ты любишь меня по-прежнему.

ГЛАВА IX.

Мельхиседекъ.

Третьимъ другомъ послѣ Бекки и Эрменгарды была Лотти. Она была еще такая крошка, что не понимала многого и была очень озадачена перемѣной, происшедшей съ ея пріемной мамой. Она слышала, что съ Сарой случилось что-то странное, но не понимала, отчего она такъ измѣнилась,—отчего носить старое черное платье и приходитъ въ классъ для того только, чтобы учить, а не сидѣть на своемъ мѣстѣ и самой готовить уроки. Маленькія долго шептались, когда стало извѣстно, что Сара больше не живетъ въ той комнатѣ, гдѣ Эмили такъ долго возсѣдала на своемъ креслѣ. Лотти терялась въ догадкахъ, а Сара молчала, когда ее спрашивали.

— Ты теперь очень бѣдна, Сара?—шепотомъ спросила Лотти, когда Сара пришла въ первое утро давать урокъ французскаго языка.—И ты такая же бѣдная, какъ нищіе? и, всунувъ свою пухлую ручку въ худенькую руку Сары, прибавила со слезами на глазахъ:

— Я не хочу, чтобы ты была такая же бѣдная, какъ нищія!

Замѣтивъ, что она готова расплакаться, Сара поспѣшила утѣшить ее.

— Нищимъ негдѣ жить, Лотти, а у меня есть комната!

— Гдѣ же ты живешь!—продолжала настаивать Лотти.— Въ твоей комнатѣ спитъ другая дѣвочка, и теперь тамъ уже не такъ красиво, какъ прежде.

— Я живу въ другой комнатѣ.

— А тамъ красиво, Сара? Я хочу посмотрѣть твою комнату!

— Молчи,—шепнула Сара.—Миссъ Минчинъ смотреть на насъ. Она разсердится на меня, если я буду шептаться съ тобой.

Сара поняла, что должна теперь отвѣчать за все. Если дѣти были невнимательны или болтали, она тотчасъ получала выговоръ.

Но Лотти была рѣшительная маленькая особа.

„Если Сара не хочетъ сказать, гдѣ она живетъ, такъ я сама узнаю это,“ рѣшила Лотти.

И, разговаривая со своими маленькими подругами, Лотти стала прицѣпляться къ каждому ихъ слову и внимательно прислушиваться къ разговорамъ старшихъ дѣвочекъ, когда онѣ говорили о Сарѣ. Разузнавъ кое-что, она отправилась однажды вечеромъ на поиски и начала взбираться по лѣстницамъ, о существованіи которыхъ до сихъ поръ ничего не знала.

Наконецъ она добралась до чердака и увидѣла тамъ двѣ двери рядомъ. Отворивъ одну изъ нихъ, она увидѣла свою любимую Сару, которая стояла на старомъ столѣ и смотрѣла въ окно.

— Сара!—въ ужасѣ вскрикнула Лотти.—Мама Сара!..

Она была поражена, когда очутилась въ маленькой,

почти пустой комнатѣ на чердакѣ, который былъ такъ далеко отъ всего міра.

Сара быстро обернулась, услыхавъ ея голосъ. Теперь она, въ свою очередь, ужаснулась. Что если Лотти заплачетъ, и кто-нибудь услышитъ это? Имъ обѣимъ очень попадетъ.

Сара соскочила со стола и бросилась къ дѣвочкѣ.

— Не плачь и не шуми, Лотти!—умоляла она.—Меня будутъ бранить, если узнаютъ, что ты здѣсь, а меня и такъ бранили весь день. Это... это ужъ не совсѣмъ плохая комната, Лотти!

— Не совсѣмъ плохая?—вздыхнула Лотти и оглядѣвшись прикусила губу, чтобы не заплакать. Хотя Лотти была капризная дѣвочка, но она настолько любила свою пріемную маму, что, сдѣлавъ усиліе, овладѣла собой. Къ тому же всякая комната, въ которой жила ея вторая мама, могла сдѣлаться красивой.

— Отчего эта комната такая некрасивая, Сара?—почти шепотомъ спросила она.

Сара крѣпко обняла дѣвочку и попыталась улыбнуться. У нея стало немного легче на душѣ, когда къ ней прижалась дѣтская головка. Этотъ день былъ для нее очень тяжелый, но она не плакала, когда смотрѣла въ окно.

— И отсюда ты можешь видѣть все то, чего не видно внизу,—сказала она.

— А что отсюда видно?—спросила Лотти съ любопытствомъ, которое Сара всегда умѣла пробуждать даже въ старшихъ дѣвочкахъ.

— Дымовыя трубы, онѣ совсѣмъ близко отъ насъ, и клубы дыма, которые поднимаются кольцами высоко, высоко къ небу... и воробышковъ, которые прыгаютъ и разговариваютъ между собой точно люди... Еще видны окна другихъ чердаковъ; въ нихъ каждую минуту можетъ появиться чья-нибудь голова, и тогда очень интересно узнать, кто это! И

все это такъ высоко надъ землей, какъ будто совсѣмъ другой міръ.

— О, дай мнѣ посмотрѣть!—воскликнула Лотти.—Подними меня!

Сара подняла ее, и онѣ, стоя вдвоемъ на старомъ столѣ, стали смотрѣть въ окно.

Кто смотрѣлъ когда-нибудь изъ такого окна, тотъ знаетъ, что увидѣли дѣвочки: повсюду виднѣлись черепицы, и крыша спускалась по обѣ стороны отъ нихъ къ водосточнымъ трубамъ, воробьи весело чирикали и прыгали по крышамъ, чувствуя себя какъ дома. Два воробья, сидя на ближайшей трубѣ, ссорились изъ-за чего-то, пока одинъ не клюнулъ другого и не прогналъ его съ трубы. Слуховое окно сосѣдняго дома было закрыто, потому что домъ пустовалъ.

— Я хотѣла бы, чтобы кто-нибудь жилъ тамъ,—сказала Сара.—Это такъ близко, и если бы тамъ на чердакѣ жила маленькая дѣвочка, мы могли бы разговаривать черезъ окно и ходить другъ къ другу въ гости по крышѣ.

Небо казалось отсюда такъ близко, что Лотти пришла въ восхищеніе. Такъ высоко, среди дымовыхъ трубъ все происходящее внизу на землѣ казалось не существующимъ. Не вѣрилось, что внизу живетъ миссъ Минчинъ съ сестрой и другія дѣвочки, болтающія послѣ уроковъ въ классной комнатѣ.

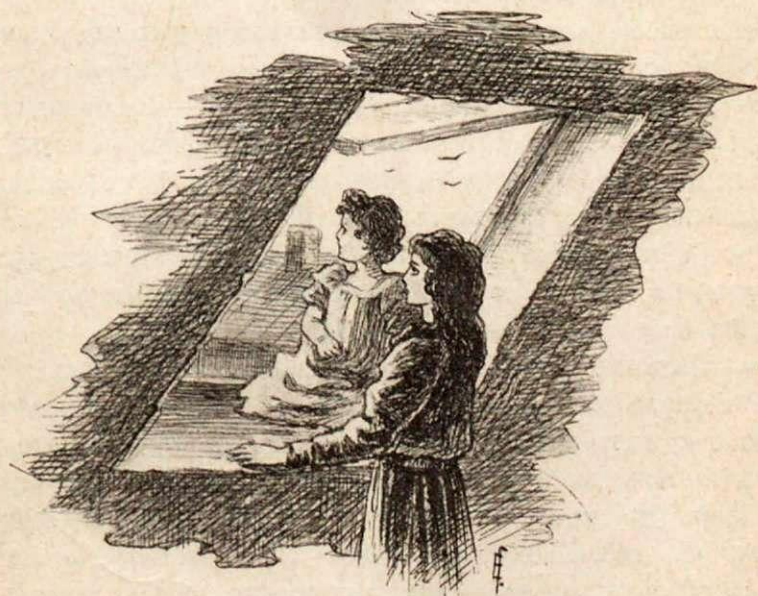
— О, Сара!—воскликнула Лотти, прижимаясь къ обнявшей ее Сарѣ.—Какъ здѣсь хорошо! Какъ здѣсь хорошо! Гораздо лучше, чѣмъ внизу!

— Посмотри на этого воробышка, — прошептала Сара, указывая на близко подлетѣвшаго воробья. — Какъ жаль, что у меня нѣтъ крошекъ, чтобы бросить ему.

— У меня есть!—воскликнула Лотти.—У меня въ карманѣ остался кусочекъ лепешки, которую я вчера купила.

Когда онѣ бросили нѣсколько крошекъ на крышу, во-

робей вспорхнулъ и улетѣлъ на сосѣднюю трубу. Онъ, очевидно, не привыкъ дружить съ обитателями чердаковъ и испугался, когда неожиданно посыпались крошки. Но, когда Лотти нѣкоторое время постояла не шевелясь, совсѣмъ смирно, а Сара тихонько зачирикала, какъ будто сама была воробьемъ, онъ понялъ, что то, что испугало его, было угощеніемъ, и, наклонивъ голову, блестящими глазками сталъ

смотреть на крошки. Лотти была въ такомъ восхищеніи, что едва могла стоять спокойно.

— Прилетитъ ли онъ? Прилетитъ ли онъ?—шептала она.

— По его глазкамъ видно, что прилетитъ, — отвѣтила шепотомъ Сара. — Онъ все думаетъ, можно ли. Да, вотъ онъ уже летитъ сюда!..

Слетѣвъ съ трубы, воробей прыгнулъ къ крошкамъ и, остановившись недалеко отъ нихъ, снова наклонилъ головку на бокъ, какъ бы размышляя, не коншки ли Сара и Лотти и не прыгнуть ли онѣ на него. Но наконецъ онѣ рѣшился и прыгая сталъ приближаться къ крошкамъ, а затѣмъ, быстро схвативъ самую большую изъ нихъ, поспѣшно улетѣлъ съ ней на трубу.

— Теперь онѣ знаетъ, что его не обидятъ, и онѣ прилетитъ за другими крошками.

И воробей, дѣйствительно, прилетѣлъ и даже не одинъ, а съ своимъ другомъ, который, тоже схвативъ крошку, улетѣлъ и привелъ съ собой всю родню. Воробышки принялись угощаться и весело щебетать и чирикать, посматривая на Лотти и Сару. Лотти была въ такомъ восторгѣ, что совсѣмъ забыла непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее комнатою Сары. Затѣмъ Сара сняла ее со стола и стала указывать ей на красоты своей комнаты, о существованіи которыхъ и сама не подозрѣвала до этой минуты.

— Видишь, какая это маленькая комната, и она такъ высоко надъ землей,—говорила она,—что похожа на гнѣздышко на деревѣ. А покатый потолокъ какой странный! Если выпрямиться, такъ у той стѣны упруешься въ него головой. Утромъ, лежа въ постели, я смотрю въ это окно прямо на небо. Передъ восходомъ солнца часто надъ окномъ медленно проплываютъ маленькія розовыя облака, и тогда они такъ близко отъ меня, что мнѣ кажется, будто я могу дотронуться до нихъ рукой. А когда идетъ дождь, капли начинаютъ стучать и стучать по крышѣ, какъ будто хотятъ рассказать что-то интересное. Когда же наступаетъ ночь, въ окно начинаютъ ярко свѣтить ясныя звѣздочки, и тогда я смотрю, какъ онѣ сверкаютъ, и пробую сосчитать, сколько ихъ помѣщается въ окнѣ, а въ немъ помѣщается такъ много, что ихъ и не сосчитать!.. А теперь посмотри на эту ржавую

рѣшетку передъ каминомъ!.. Если бы ее вычистить да затопить каминъ, подумай только, какъ хорошо было бы здѣсь!.. Теперь ты сама видишь, какая у меня хорошенькая комната.

Описывая красоты своей комнаты, Сара ходила вокругъ нея, держа Лотти за руку, и той стало казаться, что комната, дѣйствительно, прекрасна. Лотти всегда видѣла передъ собой то, что описывала Сара.

— Вотъ здѣсь,—продолжала Сара,—могъ бы лежать мягкій толстый индѣйскій коверъ, а въ этомъ углу могла бы стоять мягкая кушетка съ подушками, на которыя можно было бы облокотиться, а надъ ней могла бы висѣть полка съ книгами, чтобы легко было доставать ихъ. Тамъ, передъ каминомъ, могла бы лежать шкура тигра, а на стѣны можно было бы повѣсить портьеры и красивыя картины, но онѣ должны быть маленькія и очень хорошія; а тамъ могла бы стоять лампа съ темно-розовымъ абажуромъ, а по срединѣ столъ съ чайнымъ приборомъ. Надъ огнемъ въ каминѣ могъ бы висѣть маленькій чайникъ, весело чапѣвающий пѣсенку, а тутъ стояла бы мягкая постель, съ прекраснымъ шелковымъ одѣяломъ. И тогда здѣсь было бы прекрасно! И мы заманивали бы сюда воробышковъ и подружились бы съ ними, такъ что они сами прилетали бы сюда и стучали въ окно, чтобы ихъ выпустили!..

— О, Сара!—воскликнула Лотти,—я хотѣла бы жить здѣсь!

Сара съ трудомъ уговорила дѣвочку идти внизъ. Проводивъ Лотти, она вернулась на чердакъ и осмотрѣлась. Очарованіе, вызванное ея воображеніемъ для Лотти, исчезло. Постель была жесткая, одѣяло старое, стѣны грязныя съ обвалившейся штукатуркой, полъ холодный безъ ковра, рѣшетка въ каминѣ ржавая и сломанная, а вмѣсто мягкой кушетки стояла старая ножная скамеечка.

Сара съѣла на нее и закрыла лицо руками. Послѣ посѣщенія Лотти все здѣсь стало какъ будто еще хуже.

„Должно быть, и узники,—подумала Сара,—также чувствуютъ сильнѣе свое одиночество послѣ ухода близкихъ. Какъ здѣсь угрюмо! Иногда мнѣ кажется, что это самое печальное мѣсто въ мірѣ!“

Сара присидѣла нѣсколько минутъ въ глубокомъ раздумѣ, какъ вдругъ услышала вблизи какой-то шорохъ. Она посмотрѣла въ ту сторону, откуда онъ доносился, и увидѣла большую крысу, которая, сидя на заднихъ лапкахъ, усиленно нюхала воздухъ. Нѣсколько крошекъ отъ лепешки Лотти упало на полъ, и ихъ запахъ привлекъ крысу.

У крысы былъ такой странный видъ, и она была такъ похожа на карлика или гнома съ сѣдой бородой, что Сара смотрѣла на нее какъ очарованная. Крыса также смотрѣла на Сару своими блестящими глазками, какъ бы желая спросить ее о чемъ-то. Крыса была такъ боязлива, что, глядя на нее, у Сары мелькнула странная мысль.

„Надо сознаться, тяжело быть крысой!—подумала Сара.—Никто ихъ не любитъ. Всѣ вскакиваютъ при видѣ крысы и убѣгаютъ съ крикомъ: „ахъ, противная крыса!“ Мнѣ было бы очень тяжело, если бы люди, увидѣвъ меня, вскакивали съ крикомъ: „ахъ, противная Сара!“ и ставили бы мнѣ ловушки, притворяясь, что хотятъ угостить меня обѣдомъ. Быть воробышкомъ гораздо лучше. Но эту крысу никто не спрашивалъ, хочетъ ли она быть крысой, и никто не предложилъ ей быть воробышкомъ.“

Сара сидѣла такъ тихо, что крыса набралась смѣлости. Хотя она очень боялась Сары, но чутье подсказало ей, что Сара существо безъ когтей. Крыса была очень голодна; у нея была, вѣроятно, подъ поломъ большая семья, голодавшая уже много дней. Покинувъ свою нору съ отчаянно пищавшими дѣтьми, она вышла на промыселъ и рѣшила те-

перъ рискнуть ради нѣсколькихъ крошекъ и снести ихъ семьѣ; крыса осторожно опустила на переднія лапки.

— Иди, иди! — прошептала Сара, — я не ловушка! Возьми эти крошки, бѣдняжка! Узники въ Бастиліи дружились съ крысами. Представь себѣ, что я тоже твой другъ!

Крыса какъ будто поняла, что Сара не обидитъ ее, хотя она и крыса. Она какъ-бы чувствовала, что сидѣвшее на скамеечкѣ существо не вскочитъ, не испугаетъ ее крикомъ

и не швырнетъ въ нее чѣмъ-нибудь тяжелымъ. Увѣрившись, что ее не обидятъ, крыса осторожно приблизилась къ крошкамъ и принялась ѣсть ихъ. Во время ѣды она то и дѣло, взглядывала на Сару съ такой робостью, что это тронуло дѣвочку.

Сара продолжала сидѣть неподвижно и слѣдила за крысой. Одна крошка была больше другихъ, и крысѣ, по-видимому, очень хотѣлось овладѣть ею, но она не рѣшалась, потому что крошка лежала очень близко отъ скамеечки.

„Она, вѣроятно, хочетъ отнести эту крошку своимъ дѣткамъ,—подумала Сара,—и если я не буду шевелиться, она пожалуй, подойдетъ и возьметъ ее.“

Сара была очень заинтересована и сидѣла неподвижно, притаивъ дыханіе. Крыса медленно подошла поближе и съѣла еще нѣсколько крошекъ. Затѣмъ она остановилась и, обнюхивая воздухъ, стала искоса поглядывать на сидѣвшую на скамейкѣ Сару, а потомъ вдругъ бросилась на кусочекъ лепешки съ такой же смѣлостью, какъ передъ тѣмъ воробей. Въ слѣдующее мгновеніе она уже подбѣжала къ щели и скрылась въ своей норѣ.

— Да, ей очень хотѣлось взять этотъ кусочекъ для своихъ дѣтокъ,—пробормотала Сара.—Надѣюсь, мнѣ удастся подружиться съ ней.

Недѣлю спустя Эрменгардъ удалось снова незамѣтно пробраться на чердакъ къ Сарѣ. Она тихонько постучалась въ дверь, но Сара не отвѣтила ей: въ комнатѣ было такъ тихо, что Эрменгарда подумала, не заснула ли ея подруга. Но потомъ она къ удивленію своему услышала, какъ Сара тихо разсмѣялась и ласково сказала:

— Вотъ, возьми, Мельхиседекъ, и снеси домой дѣткамъ!

Сара отворила дверь и выглянувъ увидѣла Эрменгарду, стоящую на порогѣ съ широко открытыми отъ изумленія глазами.

— Съ кѣмъ... съ кѣмъ ты говорила, Сара?—прошептала она.

Сара пропустила ее въ комнату и, весело улыбаясь, отвѣтила:

— Я расскажу тебѣ, но ты обѣщай мнѣ не пугаться и не кричать.

При этихъ словахъ Эрменгарда едва не закричала отъ страха, но скоро овладѣла собой. Она оглядѣла комнату и не увидѣла никого, а-между тѣмъ Сара говорила съ кѣмъ-то. Не съ привидѣніемъ-ли говорила Сара?

— Это... это что-нибудь... страшное?—боязливо спросила Эрменгарда.

— Да, нѣкоторые боятся ихъ, а другіе нѣтъ,—отвѣтила Сара.—Сначала и я боялась, а теперь не боюсь!

— Это... это... привидѣнія?—испуганно спросила Эрменгарда.

— Нѣтъ,—засмѣялась Сара,—это была моя крыса.

Эрменгарда въ ужасѣ прыгнула на постель и, подобравъ подъ себя ноги, закуталась въ красную шаль, но не закричала.

— О, Боже мой!.. — шептала она сквозь слезы. — Крыса! крыса!

— Я такъ и знала, что ты испугаешься.—сказала Сара.— Но ты не бойся, я приручила ее. Она знаетъ меня и выходитъ, когда я зову ее... Хочешь посмотрѣть на нее?

Въ теченіе послѣдней недѣли Сара каждый день приносила изъ кухни крошки и разные объѣдки и бросала крысѣ; такимъ образомъ она скоро приручила ее, и крыса довѣрчиво подбѣгала къ ней.

Сначала Эрменгарда очень испугалась и сидѣла на постели скорчившись, съ поджатыми ногами. Но, выслушавъ разсказъ Сары о томъ, какъ Мельхиседекъ въ первый разъ навѣстилъ ее, Эрменгарда заинтересовалась и захотѣла посмотрѣть на него. Не сходя съ кровати, она стала слѣдить, затѣмъ, какъ Сара подошла къ дырѣ у плинтуса и опустилась на колѣни.

— А она не вскочить на постель? — спросила боязливо Эрменгарда.

— Нѣтъ, онъ ведетъ себя прилично,—отвѣтила Сара,—совсѣмъ какъ человѣкъ. Ну, теперь смотри.

И Сара начала свистѣть такъ тихо и ласково, что свистъ этотъ можно было слышать только при полной тишинѣ. Сара нѣсколько разъ повторила свой зовъ, а Эрменгардѣ

оказалось все это такимъ таинственнымъ, что она подумала, не колдуетъ ли Сара. Наконецъ изъ щели показалась маленькая головка съ сѣдыми усами и блестящими глазами. Сара высыпала на полъ хлѣбныя крошки, и Мельхиседекъ покойно сѣлъ ихъ, а кусочекъ хлѣба, лежавшій среди крошекъ, съ очень дѣловымъ видомъ понесъ домой.

— Вотъ видишь, — сказала Сара, — онъ понесъ хлѣбъ женѣ и дѣткамъ. Онъ очень хорошій и самъ ѣстъ только крошки, а кусочки побольше несетъ домой семьѣ. Я всегда слышу, съ какимъ радостнымъ пискомъ его встрѣчаютъ дома. И тамъ всегда раздаются три разныхъ писка: и я знаю теперь, когда пищать дѣти, когда м-съ Мельхиседекъ, и когда самъ мистеръ Мельхиседекъ.

Эрменгарда разсмѣялась.

— О Сара! — воскликнула она. — Какая ты странная, но какая хорошая!

— Я знаю, что я странная. — согласилась Сара, — и стараюсь быть хорошей.

Она потеряла себѣ лобъ, и на лицѣ ея появилось нѣжное смущенное выраженіе.

— Папа всегда смѣялся надо мной; онъ находилъ меня странной, но ему нравилось, когда я придумывала разные вещи. А я не могу не придумывать, и, мнѣ кажется, я безъ этого не могла бы жить здѣсь, — тихо добавила она, оглядывая комнату.

— Когда ты рассказываешь о чемъ-нибудь, — сказала Эрменгарда, — мнѣ всегда кажется, что это правда. Ты говоришь о Мельхиседекѣ, какъ будто онъ человѣкъ.

— Онъ и похожъ на человѣка, — отвѣтила Сара. — Онъ чувствуетъ голодъ и страхъ, какъ и мы; онъ женатъ, и у него есть дѣти, какъ у людей, и, можетъ быть, онъ тоже размышляетъ, какъ и мы. У него такіе умные глазки, точно у человѣка.

Сара сѣла на полъ въ своей любимой позѣ, обхвативъ руками колѣни.

— Кромѣ того,—продолжала она,—Мельхиседекъ крыса Бастиліи, посланная сюда въ тюрьму для того, чтобы быть моимъ другомъ. Я каждый день приношу ему кусочекъ хлѣба, выброшенный кухаркой, и этого вполне довольно для него и его семьи.

— Значитъ, тутъ Бастилія?—спросила Эрменгарда.—И ты представляешь себѣ, что ты въ Бастиліи?

— Да, почти всегда,—отвѣтила Сара.—Иногда же я представляю себѣ, что это что-нибудь другое; но Бастилія подходитъ больше всего, особенно, когда холодно.

Въ эту минуту раздались два удара въ стѣну.

Эрменгарда вздрогнула отъ испуга.

— Что это такое?..—вскрикнула она.

— Это стучить узница въ сосѣдней камерѣ, — трагично отвѣтила Сара, поднимаясь съ пола.

— Бекки!—въ восхищеніи воскликнула Эрменгарда.

— Да, Бекки, — отвѣтила Сара. — Два стука означаютъ вопросъ: „узникъ, ты здѣсь?“.

И она постучала въ стѣну три раза, какъ бы въ отвѣтъ.

— Это означаетъ: „Да, я здѣсь, все благополучно“.

Со стороны Бекки раздались четыре удара.

— Это значитъ,—объяснила Сара:—„Такъ ляжемъ спать. товарищъ! Спокойной ночи!“

Эрменгарда сіяла отъ восторга.

— О, Сара!—прошептала она.—Это совсѣмъ какъ въ сказкѣ,

— Въ жизни все сказка, — сказала Сара. — Ты сказка, я сказка, миссъ Минчинъ сказка!

Поболтавъ еще нѣкоторое время, Сара напомнила Эрменгардѣ, что ей нельзя остаться всю ночь въ Бастиліи и нужно тихонько прокрасться внизъ и лечь въ свою постель.

ГЛАВА X.

Джентльменъ изъ Индіи.

рогулки Эрменгарды и Лотти на чердакъ были далеко небезопасны. Онѣ никогда не были увѣрены, застанутъ ли тамъ Сару, и кромѣ того должны были опасаться миссъ Амеліи, которая вечеромъ часто обходила спальни, чтобы убѣдиться, что воспитанницы уже спятъ. Поэтому Эрменгарда и Лотти рѣдко навѣщали свою подругу на чердакѣ, которая вела одинокую жизнь.

Но внизу Сара еще болѣе чувствовала свое одиночество. Когда ее посылали съ порученіями, и она шла по улицамъ съ корзиной и пакетами, и вѣтеръ рвалъ съ ея головы шляпу, а липкая грязь просачивалась въ ея башмаки, она еще сильнѣе чувствовала свое одиночество среди равнодушной толпы, безучастно проходившей мимо нея.

Когда она была принцессой Сарой и каталась въ своемъ красивомъ экипажѣ по улицамъ или гуляла съ Маріеттой, видъ ея живого личика и роскошный костюмъ часто заставляли прохожихъ оглядываться на нее. Счастливая, краси-

вая дѣвочка всегда обращаетъ на себя вниманіе; а бѣдно одѣтыя дѣти никого не интересуютъ, встрѣчаются часто и не вызываютъ ни у кого желанія съ улыбкой оглянуться на нихъ.

Теперь никто не смотрѣлъ на Сару и никто, казалось, не видѣлъ ее, когда она спѣшила по тротуару людной улицы съ корзиной въ рукахъ.

Сара стала очень быстро расти, и ей пришлось донашивать свои старыя, теперь короткія платья, которыя придавали ей какой-то странный, жалкій видъ. Иногда, когда она проходила мимо окна зеркальнаго магазина и мелькомъ видѣла въ немъ свою жалкую фигуру, она готова была смѣяться, а иной разъ лицо ея заливала яркая краска, и она, прикусивъ губу и отворачиваясь, ускоряла шаги.

Вечеромъ, проходя мимо домовъ, окна которыхъ были освѣщены, Сара нерѣдко останавливалась посмотреть въ окна на теплыя, красивыя комнаты и на людей, сидящихъ передъ каминомъ или вокругъ столовъ, и потомъ придумывала про нихъ разныя вещи.

Въ томъ же кварталѣ, по сосѣдству съ мѣстъ Минчинъ, жило нѣсколько семействъ, съ которыми Сара хорошо познакомилась такимъ образомъ. Особенно интересовалась она „Большой семьей“, какъ она ее называла. Но Сара называла ее такъ не потому, что члены семьи были большого роста, напротивъ, большинство изъ нихъ были дѣти. Семья эта состояла изъ восьми дѣтей, здоровой румяной матери, здороваго румянаго отца, здоровой румяной бабушки и множества слугъ. Дѣти эти часто ходили гулять съ нарядными няньками или катались съ своей мамой, а вечеромъ они весело бѣжали къ двери встрѣчать своего папу и, прыгая вокругъ, цѣловали его, стаскивали съ него пальто, шарили въ его карманахъ, надѣясь найти гостинцы, и со смѣхомъ возились въ дѣтской.

Сарѣ всѣ они очень нравились, и она дала имъ всѣмъ имена, взятыя изъ книгъ,—очень поэтичныя имена, и фамилію Монморенси. Толстенъкую, хорошенькую беби въ кружевномъ чепцѣ она назвала Эдельбертой Бошанъ Монморенси; слѣдующую за ней малютку—Віолеттой Хомонделей Монморенси, а маленькаго мальчика съ толстыми ножками, только что начавшаго ходить, — Сиднеемъ Сесиль Вивіанъ Монморенси; затѣмъ слѣдовали Лилиана Эванжелина Модъ Маріонъ, Розалинда Глэдисъ, Гюи Кларенсъ, Вероника Евстесія и Клодъ Гаральдъ Гекторъ.

Однажды вечеромъ дѣти Монморенси собирались на дѣтскій праздникъ. Подходя къ ихъ дому, Сара увидѣла у подъѣзда карету. Вероника Евстесія и Розалинда Глэдисъ въ бѣлыхъ кружевныхъ платицахъ съ прелестными кушаками сѣли въ карету, а пятилѣтній Гюи Кларенсъ слѣдовалъ за ними. Это былъ такой красивый румяный и кудрявый мальчикъ съ голубыми глазами, что Сара совсѣмъ забыла о своей корзинѣ и поношенномъ пальто и остановилась полюбоваться на него.

Это случилось во время рождественскихъ праздниковъ, и маленькимъ Монморенси много рассказывали о бѣдныхъ дѣтяхъ-сироткахъ, у которыхъ нѣтъ ни папы, ни мамы, и которымъ никто не прячетъ подарки въ чулки, которыхъ никто никогда не беретъ въ театръ, и которыя плачутъ отъ голода и зябнуть безъ теплой одежды. Но обыкновенно эти рассказы кончались тѣмъ, что являлись добрые люди, а иногда добрые маленькіе мальчики или дѣвочки, которые помогали этимъ несчастнымъ дѣтямъ, давали имъ деньги или богатые подарки, или же приглашали ихъ къ себѣ домой на прекрасныя обѣды. Гюи Кларенсъ какъ разъ въ это послѣобѣда былъ растроганъ до слезъ при чтеніи такого рассказа и страстно желалъ найти такого бѣднаго мальчика или дѣвочку и дать ему тѣ шесть пенсовъ, которые ему подарили.

Онъ былъ убѣжденъ, что эти шесть пенсовъ навсегда обезпечать бѣднаго ребенка.

Эти шесть пенсовъ лежали у Гюи Кларенса въ карманѣ, когда онъ вышелъ изъ подъѣзда, чтобы сѣсть въ карету. Въ ту минуту, когда Розалинда Глэдисъ собиралась войти въ экипажъ, онъ увидѣлъ Сару, которая стояла на мокрой

панели въ своемъ поношенномъ платьѣ и старой шляпѣ съ корзиной въ рукахъ и пристально смотрѣла на него.

Гюи Кларенсъ подумалъ, что она, должно быть, оттого глядитъ такъ, что, вѣроятно, давно ничего не ѣла. Онъ не зналъ, что она смотритъ такъ потому, что жаждетъ участія,

ласки и такой же счастливой жизни, которая выпали на его долю, и что ей страстно хотѣлось обнять и расцѣловать его. Онъ видѣлъ только, что у нея большіе глаза, блѣдное лицо, худенькія ножки, простая корзинка и бѣдное платье, и потому онъ вынулъ свои шесть пенсовъ изъ кармана и подошелъ къ ней.

— Вотъ тебѣ, бѣдная дѣвочка,—сказалъ онъ.—Это шесть пенсовъ, возьми ихъ.

Сара вздрогнула и теперь только поняла, что похожа на тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ она видѣла въ свои лучшіе дни, которая часто останавливались на тротуарѣ, чтобы посмотреть, какъ она выйдетъ изъ экипажа, и которымъ она часто давала деньги.

Сара сильно покраснѣла, а затѣмъ поблѣднѣла, чувствуя, что не можетъ взять этой монетки.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно сказала она.—Благодарю васъ, я не возьму.

Ея голосъ и манеры были такъ непохожи на голосъ и манеры обыкновенныхъ уличныхъ нищихъ, и такъ напоминали благовоспитанную дѣвочку, что Вероника Евстесія, настоящее имя ея было Дженетъ, и Розалинда Глэдисъ, которую звали Норой, выглянули изъ кареты, чтобы лучше слышать.

Но Гюн Кларенсъ не хотѣлъ упустить такого удобнаго случая сдѣлать доброе дѣло и всунулъ Сарѣ въ руку свои шесть пенсовъ.

— Нѣтъ, ты должна взять ихъ! — рѣшительно сказалъ онъ. — Тогда ты можешь купить себѣ что-нибудь поѣсть. Въдь это цѣлыхъ шесть пенсовъ!

Глядя на его милое, ласковое лицо, Сара поняла, что онъ будетъ очень огорченъ ея отказомъ, и потому она краснѣя взяла деньги. Въ этомъ случаѣ гордость была бы неумѣстна.

— Благодарю васъ, — сказала она смутившись. — Вы очень добрый милый мальчикъ!

Гюи Кларенсъ весело вскочилъ въ экипажъ, а Сара взволнованная пошла дальше. Она попыталась улыбнуться, но глаза ея затуманились слезами. Она знала, что бѣдно одѣта, но не думала, что ее можно принять за нищю.

Когда карета Большой семьи отѣхала, дѣти съ оживленіемъ заговорили:

— Ахъ, Дональдъ! — такъ звали Гюи Кларенса — воскликнула взволнованно Дженетъ, — зачѣмъ ты далъ этой дѣвочкѣ свои шесть пенсовъ? Я увѣрена, что она не нищя!

— Да, она говорила не такъ, какъ говорятъ нищія! — прибавила Нора. — Да и съ виду она совсѣмъ не похожа на нищю!

— Кромѣ того, она не просила милостыни, — замѣтила Дженетъ. — Я очень боялась, что она обидится на тебя. Вѣдь бѣдные люди всегда обижаются, если ихъ принимаютъ за нищихъ.

— Нѣтъ, она не обидѣлась, — отвѣтилъ нерѣшительно Дональдъ. — Она даже немножко улыбнулась и назвала меня добрымъ милымъ мальчикомъ. И я былъ добрымъ мальчикомъ! — прибавилъ онъ. — Я отдалъ ей все мои шесть пенсовъ.

Дженетъ и Нора переглянулись.

— Нищя никогда не сказала бы такъ, — рѣшила Дженетъ. — Она сказала бы: „Очень благодарю васъ, маленькій джентльменъ“, или „благодарю васъ, сэръ“, и, можетъ быть, она бы еще низко поклонилась.

Съ этихъ поръ Большая семья стала очень интересоваться Сарой, какъ и Сара ими. Въ окнахъ дѣтской всегда стали появляться дѣтскія головки, когда она проходила мимо, а вечеромъ у камина часто говорили и спорили о ней.

— Эта дѣвочка что-то вродѣ прислуги въ пансіонѣ, —

сказала однажды Дженетъ.— Она, должно быть, сирота, но она не нищая, хотя и очень бѣдно одѣта.

Послѣ этого всѣ дѣти стали называть Сару „Бѣдная дѣвочка, но не нищая“. Это было очень длинное имя и звучало очень странно, особенно, когда младшіе быстро произносили его.

Сара провертѣла дырочку въ монеткѣ, продѣла въ нее узенькую ленточку и повѣсила на шею. Она еще больше полюбила Большую семью и всѣхъ тѣхъ, кого могла любить.

Любовь ея къ Бекки возрастала съ каждымъ днемъ, и Сара съ нетерпѣніемъ ждала уроковъ французскаго языка, которые давала маленькимъ ученицамъ два раза въ недѣлю. Она горячо привязалась къ нимъ, и тѣ, въ свою очередь, любили ее, ласкались къ ней и спорили между собой, кому изъ нихъ стоять ближе къ Сарѣ. Эта любовь насыщала ея голодное сердце. Кромѣ того, она очень подружилась съ воробьями и, когда становилась на столъ и, выглядывая изъ окна чердака, начинала чирикать, тотчасъ же въ отвѣтъ слышала хлопанье крыльевъ и усиленное чириканье маленькой стаи голодныхъ птичекъ, которыя спѣшили къ ней и жадно набрасывались на хлѣбныя крошки. Съ Мельхиседекомъ она также очень подружилась, и онъ иногда приводилъ съ собой миссисъ Мельхиседекъ, а иногда даже одного или двухъ дѣтенышей; и, когда Сара заговаривала съ нимъ, онъ смотрѣлъ съ такимъ видомъ, какъ будто понималъ ее.

Въ душѣ Сары росло странное чувство къ Эмили; она хотѣла вѣрить, что Эмили понимаетъ и сочувствуетъ ей. Иногда Сара усаживала ее въ кресло, а сама садилась напротивъ нея на старую скамеечку и, пристально глядя на нее, представляла себѣ, что Эмили добрая фея, у которой она можетъ найти защиту отъ злыхъ людей. И она такъ увлекалась этой мыслью, что задавала Эмили вопросы, чувствуя,

что вотъ сейчасъ Эмили отвѣтитъ. Но та продолжала молчать.

— Вѣдь я тоже, когда можно, никогда не отвѣчаю,—старалась утѣшить себя Сара.—Когда люди тебя обижаютъ, самое лучшее молчать и не отвѣчать имъ, а только смотрѣть на нихъ. Миссъ Минчинъ блѣднѣетъ отъ гнѣва, когда я это дѣлаю, а миссъ Амелія пугается, какъ и дѣвочки. Я почти никогда не отвѣчаю своимъ недругамъ. Можетъ быть. Эмили похожа на меня и не хочетъ отвѣчать даже друзьямъ своимъ!

Иногда Сара весь день проводила на побѣгушкахъ, не взирая на вѣтеръ, холодъ и дождь, а когда возвращалась измокшая и голодная, ее снова посылали. Никто не хотѣлъ вспомнить, что она еще ребенокъ, что она продрогла и устала. Когда же ее въ довершеніе всего кухарка и другія служанки осыпали бранью и презрительными взглядами, и миссъ Минчинъ была въ скверномъ настроеніи, а воспитанницы посмѣиваясь поглядывали на ея поношенное платье,—въ такіе дни Сара теряла способность представлять себѣ

что-нибудь лучшее и не вѣрила, что Эмили понимаетъ и жалѣеть ее.

Послѣ одного изъ такихъ дней Сара поднялась къ себѣ на чердакъ голодная и озябшая, съ бурей негодованія въ сердцѣ, и лицо Эмили показалось ей такимъ безсмысленнымъ, а глаза такими глупыми, что Сара потеряла всякое самообладаніе. У нея не было никого на свѣтѣ, никого, кромѣ Эмили!

— Я скоро умру,—сказала ей Сара.

Эмили все такъ же безучастно смотрѣла на нее.

— Я не могу больше выносить такой жизни,—продолжала бѣдная дѣвочка, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Я знаю, что скоро умру. Мнѣ холодно, я вся промокла, я умру съ голода. Я прошла сегодня тысячу миль, и всѣ только бранили меня съ утра до ночи. И, когда вечеромъ кухарка послала меня въ лавку, и я не нашла того, что ей нужно было, меня оставили безъ ужина. Нѣкоторые прохожіе смѣялись надо мной, когда я поскользнулась въ моихъ старыхъ дырявыхъ башмакахъ и упала въ грязь. Я и теперь вся въ грязи, а они смѣялись. Ты слышишь, Эмили?

Сара посмотрѣла на равнодушное лицо и стеклянные глаза Эмили, и отчаяніе и гнѣвъ охватили ее. Она подняла руку и, столкнувъ Эмили со стула, горько зарыдала,—та Сара, которая никогда не плакала!

— Ты самая простая кукла! — воскликнула она; — ты только кукла, кукла, кукла! Ты никого не любишь! Ты набита опилками. У тебя никогда не было сердца! Ты ничего не чувствуешь!.. Ты кукла!..

Эмили лежала на полу съ отбитымъ кончикомъ носа, но съ такимъ же спокойнымъ, полнымъ достоинства видомъ, какъ и раньше.

Сара закрыла лицо руками и снова зарыдала. Въ это

время крысы подняли подъ поломъ сильный пискъ. Вѣроятно, Мельхиседекъ наказывалъ кого-нибудь изъ дѣтей.

Рыданія Сары вскорѣ совсѣмъ стихли, и она сама очень удивилась, что могла до такой степени упасть духомъ. Нѣсколько минутъ спустя она подняла голову и посмотрѣла на Эмили, которая, казалось, тоже смотрѣла на нее и теперь какъ будто съ сочувствіемъ.

Сара нагнулась и подняла ее, какъ бы устыдившись своего гнѣва.

— Ты не можешь не быть куклой, — сказала она со вздохомъ, — также какъ Лавинія и Джесси не могутъ не быть злыми и завистливыми. Мы не всѣ одинаковы. Можетъ быть, ты еще лучше другихъ куколъ!

И Сара поцѣловала Эмили, поправила ей платье и снова посадила на стулъ.

Сарѣ очень хотѣлось, чтобы кто-нибудь снялъ пустовавшій сосѣдній домъ. Ея слуховое окно было совсѣмъ близко отъ окна сосѣдняго дома, и она надѣялась, когда-нибудь увидѣть въ немъ кого-нибудь.

„Если покажется пріятное лицо, — думала она, — я скажу: Здравствуйте! — и мы можемъ иногда переговариваться. Но, вѣроятно, тамъ будетъ спать только прислуга.“

Однажды утромъ, закупивъ все необходимое въ зеленой, мясной и булочной, Сара возвращалась домой и увидѣла, къ своему великому удовольствію, что у парадныхъ дверей сосѣдняго дома остановился большой возъ съ мебелью, которую слуги вносили въ домъ.

— Его сняли! — прошептала Сара. — Надѣюсь, что кто-нибудь поселится на чердакѣ!

Если бы у нея было время, она охотно постояла бы на тротуарѣ и посмотрѣла бы на вещи, которыя вносили въ домъ. Ей казалось, что она по мебели новыхъ жильцовъ сможетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о нихъ самихъ.

„Столы и стулья миссъ Минчинъ совсѣмъ похожи на нее,—подумала она.—Помню, что какъ только я увидѣла ее, то тотчасъ подумала это, хотя была тогда еще маленькой. Потомъ я сказала это папѣ, и онъ засмѣялся и сказалъ, что это правда. Я увѣрена, что у Большой семьи большіе удобные кресла и диваны, а обои съ красными цвѣточками совсѣмъ похожи на нихъ самихъ. У нихъ все красиво, тепло и уютно“.

Когда Сару нѣсколько времени спустя послали въ зеленую за петрушкой, она къ немалой своей радости увидѣла, что мебель снята съ воза и стоитъ на тротуарѣ. Между прочимъ тамъ былъ прекрасный столъ изъ дорогого дерева и нѣсколько стульевъ и ширмы, покрытыя богатой восточной вышивкой. Видъ ихъ напомнилъ Сарѣ о чемъ-то родномъ. Въ Индіи она видѣла такія вещи, и капитанъ Крю прислалъ ей въ пансіонъ рѣзной пюпитръ изъ такого же дерева, который миссъ Минчинъ отняла у нея вмѣстѣ со всѣми другими вещами.

„Это прекрасныя вещи, — подумала Сара, — и, вѣроятно, онѣ принадлежатъ хорошему человѣку. Это, должно быть, очень богатая семья“.

Цѣлый день одинъ за другимъ подъѣзжали возы съ мебелью, и Сара, которую нѣсколько разъ посылали за покупками, видѣла, какъ вносили вещи. Съ воевъ снимали роскошную мебель, большей частью восточную, прекрасные дорогіе ковры, драпировки, украшенія, множество картинъ и столько книгъ, что изъ нихъ можно было бы составить большую бібліотеку. Между прочимъ тамъ находилась также прекрасная статуя Будды рѣдкой работы.

„Кто-нибудь изъ этой семьи былъ въ Индіи,—подумала Сара.—Они любятъ индійскія вещи. Какъ я рада этому! Я буду считать ихъ моими друзьями, если даже никто изъ нихъ никогда не выглянетъ изъ окна на чердакъ“.

Когда вечеромъ она пошла за молокомъ для кухарки, то увидѣла нѣчто еще болѣе интересное. Черезъ улицу переходилъ красивый румяный м-ръ Монморенси и съ дѣловымъ видомъ, какъ свой человѣкъ, быстро поднялся по лѣстницѣ параднаго подъѣзда сосѣдняго дома. Онъ оставался въ домѣ довольно долго, но нѣсколько разъ выходилъ и отдавалъ приказанія носильщикамъ. По всему видно было, что онъ находится въ близкихъ отношеніяхъ къ новымъ жильцамъ и хлопочетъ для нихъ.

„Если у нихъ есть дѣти,—думала Сара,—то дѣти Большой семьи, навѣрно, будутъ приходить играть съ ними, а можетъ быть, ради забавы они заглянутъ и на чердакъ“.

Поздно вечеромъ, окончивъ работу, Бекки пришла навѣстить Сару.

— Знаете, миссъ, рядомъ съ нами поселился джентльменъ изъ Индіи,—сказала она.—Не знаю, черный онъ или бѣлый, но онъ изъ Индіи. Онъ очень богатъ, но боленъ, а господинъ Большой семьи его повѣренный. У этого джентльмена было много горя, и потому онъ боленъ. И онъ поклоняется идоламъ, миссъ, и молится дереву и камню, миссъ! Я видѣла, какъ къ нему понесли идола!..

Сара засмѣялась.

— Онъ, навѣрное, не поклоняется ему,—сказала она;—многіе любятъ имѣть красивыя интересныя вещи, и такого идола держать только потому, что это красивая вещь. У моего папы былъ такой же идолъ, но папа не поклонялся ему.

Однако, Бекки предпочитала думать, что ихъ новый сосѣдъ—язычникъ. Это было гораздо интереснѣе, чѣмъ если бы онъ, какъ другіе, ходилъ въ церковь съ молитвенникомъ. Бекки просидѣла у Сары въ этотъ вечеръ очень долго, бесѣдуя о томъ, каковъ этотъ джентльменъ, на кого похожа его жена, если онъ женатъ, и на кого похожи его дѣти,

если у него они есть. При этомъ Сара замѣтила, что ей очень хотѣлось, чтобы всѣ они были черныя, носили тюрбаны и были бы такія же язычники, какъ и самъ индійскій джентльменъ.

— Я никогда не видѣла язычниковъ, миссъ, — сказала Бекки; — и мнѣ очень хочется узнать, какіе они и какъ живутъ.

Прошло нѣсколько недѣль, раньше чѣмъ она узнала все это, и тогда оказалось, что новый сосѣдъ былъ одинокій холостякъ и къ тому же совсѣмъ больной и несчастный.

Однажды къ сосѣднему дому подъѣхалъ экипажъ и остановился у подъѣзда. Когда ливрейный лакей соскочилъ съ козелъ и открылъ дверцы кареты, изъ нея вышелъ м-ръ Монморенси, а за нимъ сидѣлка въ форменномъ платьѣ. Потомъ изъ дому выбѣжали два лакея и высадили изъ кареты закутаннаго въ мѣха исхудалаго джентльмена съ изнуреннымъ страдальческимъ лицомъ. Слуги внесли его по лѣстницѣ, и за нимъ послѣдовалъ очень озабоченный м-ръ Монморенси.

Вскорѣ послѣ этого пріѣхала карета съ докторомъ, который поспѣшно поднялся къ больному.

— Въ сосѣднемъ домѣ живетъ теперь желтый джентльменъ, Сара, — шепнула Лотти во время французскаго урока. — Какъ ты думаешь, не китаецъ ли онъ? Въ географіи говорится, что всѣ китайцы желтые.

— Нѣтъ, онъ не китаецъ, — шепнула ей въ отвѣтъ Сара; — но онъ очень боленъ... Продолжай, Лотти, свое упражненіе. „Non, monsieur, je n'ai pas le canif.“

Это было начало исторіи о джентльменѣ изъ Индіи.

ГЛАВА XI.

Рамъ Дассъ.

Взглядъ солнца всегда прекрасенъ, если ничто не мѣшаетъ любоваться имъ. Сара знала это и очень любила смотрѣть изъ своего окна, откуда открывался прекрасный видъ на небо. Когда ей во время заката удавалось вырваться изъ кухни на нѣсколько минутъ, она сѣла къ себѣ на чердакъ, становилась на столъ и, высунувшись изъ окна, смотрѣла, какъ медленно плыли золотисто-багряныя тучки, окаймленные ослѣпительнымъ блескомъ солнца, проносились маленькія перистыя облачки, похожія на розовыхъ голубей, быстро летѣвшихъ въ лазурной синевѣ или превращавшихся иногда въ розовые острова или высокія снѣжныя горы, окружавшія бирюзовые озера.

Окна другихъ чердаковъ были всегда закрыты; они, по-видимому, никогда не открывались, и только воробьи своимъ

веселымъ чириканьемъ нарушали царившую на крышахъ и чердакахъ тишину.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ джентльменъ изъ Индіи переѣхалъ въ свой новый домъ, Сара, покончивъ свои работы на кухнѣ, побѣжала къ себѣ на чердакъ. Взобравшись на столъ, она высунулась изъ окна и залюбовалась волшебной картиной: на западѣ какъ бы разлились надъ небосклономъ снопы расплавленного золота; казалось, даже воздухъ сдѣлался розовато-золотистымъ, и пролетающія надъ домами птицы казались совсѣмъ черными.

— Какой чудесный закатъ!—прошептала Сара.—Но онъ пугаетъ меня! Мнѣ всегда кажется, что сейчасъ случится что-то необыкновенное!..

Услышавъ, что вблизи отворилось окно сосѣдняго чердака, Сара посмотрѣла въ ту сторону, думая, что кто-то также пришелъ посмотрѣть на закатъ солнца. Но это была не дѣвочка и не служанка, какъ ожидала Сара. Изъ окна смотрѣлъ настоящій индусъ въ бѣломъ тюбанѣ съ темнымъ лицомъ и блестящими глазами.

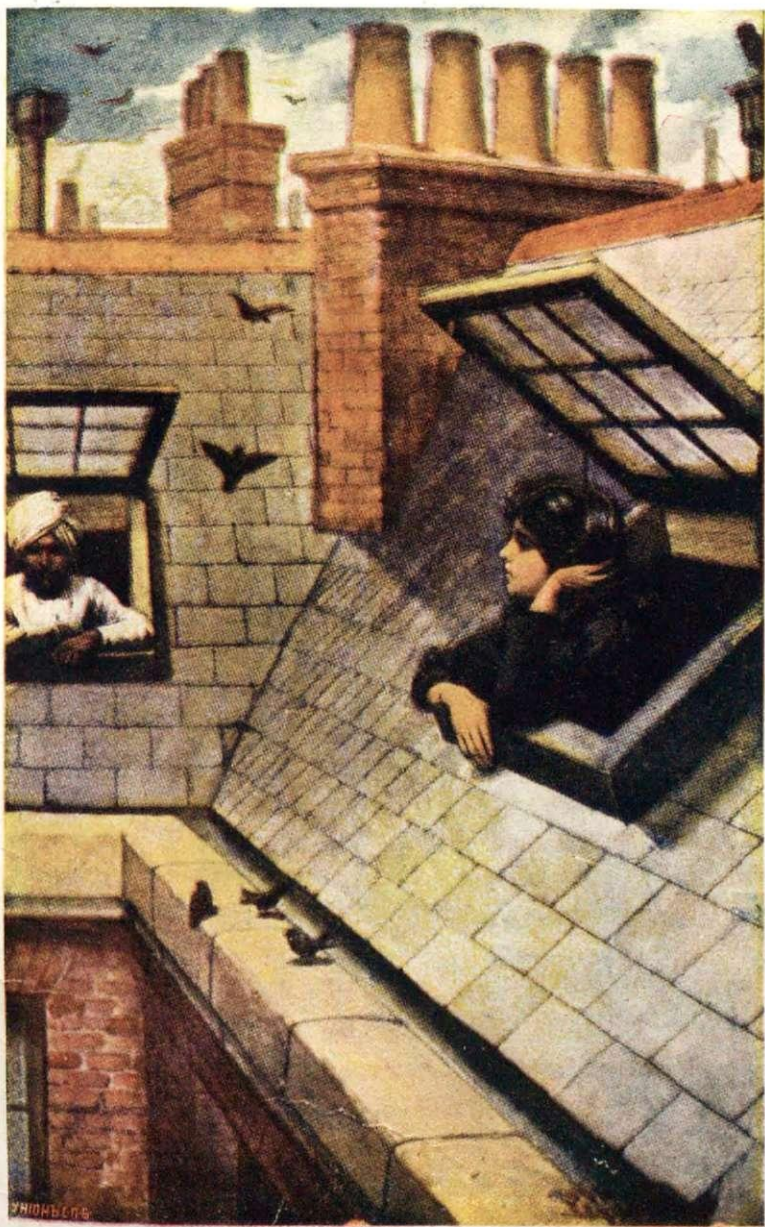
„Это ласкаръ“, подумала Сара, глядя на индуса.

Онъ нѣжно держалъ на рукахъ маленькую обезьянку, которая, прижимаясь къ нему, что-то тихо болтала.

Сара взглянула на индуса. Онъ тоже смотрѣлъ на нее. При этомъ она замѣтила, что лицо его было грустное. Вѣроятно, онъ тоже пришелъ на чердакъ посмотрѣть на солнце, которое не часто свѣтитъ въ Англіи.

Съ минуту Сара съ любопытствомъ смотрѣла на индуса, а затѣмъ улыбнулась ему. Она знала, какъ пріятно видѣть улыбку, даже на незнакомомъ лицѣ.

Очевидно, ея улыбка доставила индусу большое удовольствіе. Выраженіе его лица прояснилось, и онъ также улыбнулся, показавъ свои блестящіе бѣлые зубы, рѣзко отбѣнявшіе его смуглое лицо.

Изъ окна смотрѣлъ индусъ въ бѣломъ турбанѣ (стр. 128).

Поклонившись Сарѣ, индусъ нечаянно выпустилъ изъ рукъ обезьянку, и шаловливый звѣрокъ въ одно мгновеніе выскочилъ на крышу и очутился на плечѣ Сары, а затѣмъ спрыгнулъ въ ея комнату.

Сара весело засмѣялась. Но обезьяну слѣдовало возвратить „ласкару“, а Сара не знала, какъ это сдѣлать. Удастся ли ей поймать этого звѣрка? А вдругъ она выскочить

изъ окна и побѣжить по крышамъ дальше и потеряется. Нѣтъ, этого нельзя допустить. Вѣроятно, обезьянка принадлежит джентльмену изъ Индіи, и онъ, навѣрное, любитъ ее.

Сара обернулась къ „ласкару“ и, очень довольная тѣмъ, что еще не совсѣмъ забыла говорить по-индусски, спросила его:

— Позволить ли она поймать себя?

Смуглое лицо индуса преобразилось отъ удивленія и восторга, когда она заговорила съ нимъ на его родномъ языкѣ. Онъ сталъ также по-индусски горячо и почтительно разсыпаться въ благодарностяхъ, говоря, что онъ покорный слуга мисси саибъ, что обезьянка ласковая и не кусается, но что ее трудно поймать: она какъ молнія прыгаетъ съ мѣста на мѣсто; но она очень хорошая, не злая, только очень непослушная и даже не всегда слушается его, Рамъ Дасса. Рамъ Дассъ тоже ее любитъ. Если мисси саибъ позволитъ, Рамъ Дассъ самъ перейдетъ по крышѣ въ ея комнату и поймастъ шалунью.

И индусъ нерѣшительно посмотрѣлъ на Сару, какъ бы опасаясь, что она не позволитъ ему войти въ ея комнату. Но Сара тотчасъ согласилась.

— Можете ли вы перейти по крышѣ?—спросила она.

— Могу,—отвѣтилъ индусъ.

— Такъ идите; обезьянка, кажется, испугалась и прыгаетъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ!

Рамъ Дассъ вылезъ на крышу и перешелъ къ окну Сары такъ увѣренно, какъ будто всю жизнь ходилъ по крышамъ. Онъ влезъ въ окно и, безшумно спрыгнувъ въ комнату, поклонился Сарѣ по-восточному.

Увидѣвъ его, обезьянка тихо взвизгнула, а Рамъ Дассъ поспѣшно закрылъ окно и началъ ее ловить. Эта охота длилась не долго. Нѣсколько минутъ обезьянка увертывалась отъ него, очевидно, изъ шалости, а затѣмъ вскочила къ

нему на плечо и, что-то болтая, прильнула къ его шеѣ, обхвативъ ее своими мохнатыми лапками.

Сара замѣтила, какъ быстрые живые глаза индуса однимъ взглядомъ охватили всю неприглядную обстановку ея комнаты; но онъ не выказалъ этого и говорилъ съ нею такъ почтительно, какъ будто съ дочерью раджи.

Рамъ Дассъ благодарилъ Сару за ея доброту и позволеніе явиться къ ней за обезьяной, говоря, что эта шалунья не такъ дурна, какъ кажется; она иногда забавляетъ его больного господина, и онъ былъ бы очень огорченъ, если бы она потерялась.

Затѣмъ Рамъ Дассъ снова поклонился Сарѣ по-восточному и, выбравшись на крышу, зашагалъ по черепицамъ съ такой ловкостью, какъ будто самъ былъ обезьяной.

Послѣ его ухода Сара нѣкоторое время продолжала стоять посреди комнаты. Она глубоко задумалась: его лицо, восточный костюмъ, низкіе поклоны вызвали въ ней воспоминаніе о прошломъ, и ей казалось страннымъ, что она, простая служанка, которой кухарка часъ тому назадъ наговорила столько обиднаго, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ была окружена людьми, которые обращались съ ней съ такимъ же почтеніемъ, какъ Рамъ Дассъ; они привѣтствовали ее по-восточному, когда она проходила, а если она заговаривала съ ними, то кланялись ей до земли. Все это теперь походило на сонъ; и все это прошло и никогда не вернется. Ей казалось, что въ ея жизни не произойдетъ никакой перемѣны,—она знала, какое будущее готовить ей миссъ Минчинъ. Теперь она еще слишкомъ молода, чтобы быть учительницей, и ее будутъ держать при школѣ какъ служанку на побѣгушкахъ, но въ то же время будутъ требовать, чтобы она не забывала того, чему научилась, и продолжала учиться, хотя бы даже ночью, а затѣмъ ее будутъ экзаменировать и сдѣлаютъ ей строгій выговоръ, если она не вы-

кажетъ успѣховъ. Миссъ Минчинъ знала, что Сара любитъ учиться и обойдется безъ учителей. Стоитъ только дать ей книги, и она примется за нихъ съ такимъ усердіемъ, что выучитъ ихъ наизусть. Потомъ, когда она вырастетъ, ее сдѣлаютъ учительницей и потребуютъ, чтобы она работала въ классахъ такъ же, какъ теперь работаетъ въ кухнѣ. Тогда ее одѣнуть получше, но платья будутъ, конечно, очень простыя и некрасивыя, и она все-таки будетъ похожа на служанку. Сара сознавала, что все это ждетъ ее въ будущемъ, и задумчиво продолжала стоять посреди своей комнаты.

Вдругъ щеки ея вспыхнули, глаза заблестѣли, и она высоко подняла голову.

— Но что бы ни случилось,—воскликнула она,—ничто не можетъ помѣшать мнѣ оставаться въ душѣ принцессой, хотя бы и въ лохмотьяхъ! Легко быть принцессой, когда ходишь въ золотѣ и шелковыхъ платьяхъ, но быть принцессой, когда никто этого не знаетъ,—это гораздо труднѣе. Вотъ Марія-Антуанетта была королевой даже тогда, когда была въ темницѣ въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, и всѣ смѣялись надъ ней и оскорбляли ее. Тогда она была еще больше похожа на королеву, чѣмъ раньше во дворцѣ, и такой она мнѣ больше нравится

Эта мысль не разъ поддерживала и утѣшала Сару въ тяжелые дни. У ней часто было такое гордое, спокойное выраженіе на лицѣ, что миссъ Минчинъ готова была выйти изъ себя. Ей казалось тогда, что дѣвочка мысленно живетъ въ какомъ-то другомъ мірѣ и почти не слышитъ тѣхъ грубыхъ и язвительныхъ словъ, которыя ей говорятъ, а если и слышитъ, то не обращаетъ на нихъ вниманія. Иногда, когда миссъ Минчинъ грубо дѣлала ей какой-нибудь выговоръ, она замѣчала, что дѣвочка молча смотритъ на нее спокойными не-дѣтскими глазами, въ которыхъ свѣтится

какъ будто гордая усмѣшка. Миссъ Минчинъ не знала, что Сара въ такія минуты говорила себѣ:

„Вы и не подозреваете, что оскорбляете принцессу, и что, если бы я только захотѣла, то могла бы приказывать васъ. Но я принцесса и потому помилую васъ, а вы глупая, грубая и безсердечная старуха и быть лучше не умѣете и не можете“.

Сарѣ становилось легче на душѣ, когда она воображала себя принцессой, и тогда она терпѣливо переносила грубое обращеніе и насмѣшки.

— Принцесса должна быть всегда вѣжлива,—говорила она себѣ.

И когда служанки, по примѣру миссъ Минчинъ, бранили ее и смѣялись надъ нею, Сара гордо смотрѣла на нихъ и отвѣчала имъ съ такой изысканной вѣжливостью, что онѣ часто съ изумленіемъ смотрѣли на нее.

— Эта дѣвочка держитъ себя такъ важно, какъ будто она явилась изъ Букингѣмскаго дворца,—смѣясь говорила иногда кухарка:—я часто теряю терпѣніе и браню ее, но она никогда не забывается и всегда очень вѣжливо говорить: „пожалуйста, кухарка“, „будьте такъ добры, кухарка“, „извините, кухарка“, „позвольте попросить васъ, кухарка“. Она всегда такъ и сыплетъ въ кухнѣ такими вѣжливыми словечками!

На слѣдующее утро, послѣ посѣщенія Рамъ Дасса и его обезьяны, Сара давала маленькимъ воспитанницамъ въ классѣ урокъ французскаго языка.

Окончивъ урокъ, она собрала учебники и задумалась надъ тѣмъ, сколько тяжелыхъ минутъ приходилось иногда переживать королямъ. Напримѣръ, Альфредъ Великій одно время жилъ у пастуха, и жена пастуха была его. Какъ испугалась бы она, если бы узнала, что ударила короля! И что сказала бы миссъ Минчинъ, если бы узнала, что Сара

настоящая принцесса, хотя и въ рваныхъ башмакахъ?.. При этой мысли на лицѣ Сары появилось то выраженіе, которое такъ злило миссъ Минчинъ.

Миссъ Минчинъ, стоявшая въ это время около Сары, замѣтила на лицѣ дѣвочки это ненавистное ей выраженіе и вспыхнула отъ гнѣва. Не владѣя собой, она быстро подошла къ Сарѣ и дала ей пощечину, — совсѣмъ какъ жена пастуха королю Альфреду. Сара вздрогнула отъ неожиданнаго удара и, очнувшись отъ своихъ мечтаній, глубоко вздохнула; съ минуту она стояла тихо, а затѣмъ судорожно засмѣялась.

— Чему вы смѣетесь, дерзкая дѣвчонка?—крикнула ей миссъ Минчинъ.

Прошло нѣсколько секундъ, раньше чѣмъ Сара опомнилась и вспомнила, что она принцесса. Щека ея горѣла отъ полученнаго удара.

— Я думала,—отвѣтила она.

— Сейчасъ просите у меня прощенія! — строго сказала ей миссъ Минчинъ.

Сара съ минуту колебалась, раньше чѣмъ отвѣтить.

— Я попрошу у васъ извиненія за то, что я засмѣялась,—отвѣтила Сара,—но не буду извиняться за то, что я думала!

— А что вы думали?—спросила миссъ Минчинъ.—И какъ вы смѣете думать?... Что же вы думали?...

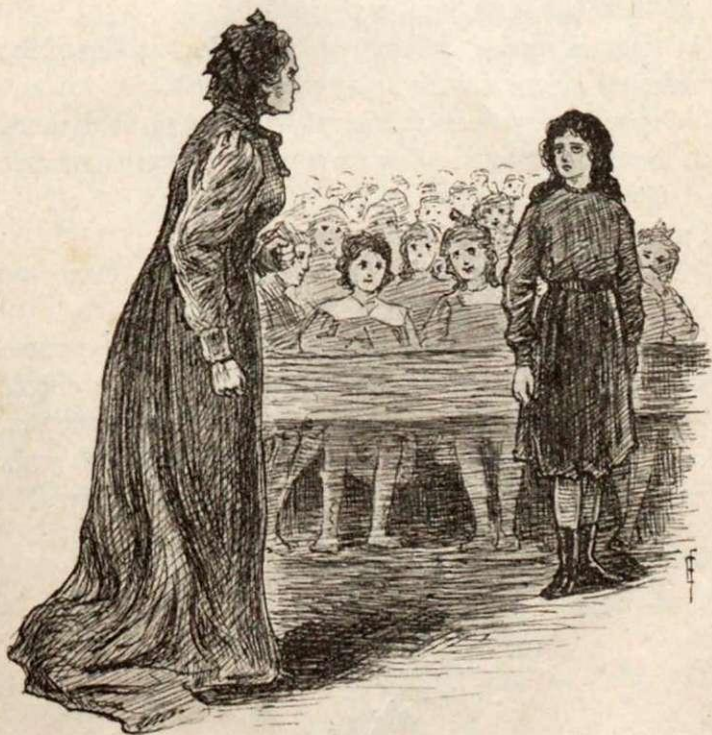
Джесси и Лавинія захихикали, подталкивая другъ друга локтями, а другія дѣвочки стали прислушиваться. Ихъ всѣхъ всегда интересовало, когда миссъ Минчинъ нападала на Сару, а Сара, совсѣмъ не пугаясь, отвѣчала ей всегда какъ-то странно.

Сара и теперь не испугалась, хотя щеки ея горѣли, и глаза блестѣли.

— Я думала, что вы сами не знаете, что дѣлаете! — отвѣтила спокойно и съ достоинствомъ Сара.

— Я... не знаю, что дѣлаю? — переспросила озадаченная миссъ Минчинъ.

— Да, — отвѣтила Сара, — и я думала, что бы случилось,

если бы я была принцессой, а вы ударили бы меня по лицу, — что бы я тогда сдѣлала съ вами!... А потомъ я подумала, что, если бы я была принцессой, вы никогда не осмѣлились бы ударить меня и очень удивились и испугались бы, если бы вдругъ узнали...

Сара такъ живо представляла себѣ все это и говорила такъ увѣренно, что произвела впечатлѣніе даже на миссъ Минчинъ, которой показалось, что, вѣроятно, подъ словами дѣвочки кроется нѣчто необыкновенное.

— Что?—спросила она.—Что узнала бы я?...

— Что я, дѣйствительно, принцесса,—отвѣтила Сара,—и могу дѣлать все—все, что захочу!

Дѣвочки смотрѣли во всѣ глаза на Сару, а Лавинія даже наклонилась впередъ, чтобы лучше видѣть.

— Ступайте въ свою комнату!—крикнула, задыхаясь отъ гнѣва, миссъ Минчинъ.—Сію же минуту уходите изъ класса!... А вы, дѣти, продолжайте заниматься!

Сара слегка поклонилась.

— Извините меня, что я засмѣялась, это было невѣжливо,—сказала Сара и вышла изъ комнаты.

Миссъ Минчинъ старалась овладѣть своимъ гнѣвомъ и успокоиться, а дѣвочки перешептывались между собой.

— Ты видѣла, Лавинія, какъ странно она смотрѣла? — шепнула подругѣ Джесси. — Меня нисколько не удивить, если вдругъ окажется, что она не то, чѣмъ кажется!

ГЛАВА XII.

З а с т ѣ н о й.

Когда живешь въ большомъ городѣ, то иногда невольно спрашиваешь себя, что дѣлають и говорятъ въ это время за стѣной сосѣдняго дома. И Сара также нерѣдко пыталась представить себѣ, что происходитъ за стѣной, отдѣлявшей пансіонъ миссъ Минчинъ отъ дома индійскаго джентльмена. Она знала, что классная комната примыкала къ его кабинету, и надѣялась, что черезъ стѣну не слышенъ шумъ, поднимавшійся иногда въ классѣ послѣ уроковъ.

— Я начинаю любить этого джентльмена,—говорила она Эрменгардѣ, — и хотѣла бы, чтобы его не беспокоили. Я считаю его моимъ другомъ, хотя никогда не говорила съ нимъ. Знаешь, можно любить и жалѣть даже совсѣмъ незнакомыхъ людей. И, когда часто думаешь о нихъ, они становятся тебѣ какъ будто родными. Меня иногда очень тревожить, что докторъ заходитъ къ нему два раза въ день.

— У меня мало родныхъ, — задумчиво сказала Эрменгарда. И это меня очень радуетъ. Я не люблю своихъ родныхъ. Мои двѣ тети всегда говорятъ мнѣ: „Боже мой, какая ты толстая, Эрменгарда! Ты не должна ѣсть такъ много сладкаго“. А мой дядя всегда спрашиваетъ меня: „когда Эдуардъ III вступилъ на престолъ“, или „кто скончался, объѣвшись миногами“.

Сара засмѣялась.

— Незнакомые люди не будутъ задавать такихъ вопросовъ, — сказала она, — и я увѣрена, что индійскій джентльменъ не сталъ бы дѣлать этого, если бы даже былъ знакомъ съ тобою. Я люблю его!

Сара полюбила Большую семью за то, что она была счастлива, а индійскаго джентльмена за то, что онъ былъ боленъ и, повидимому, несчастливъ.

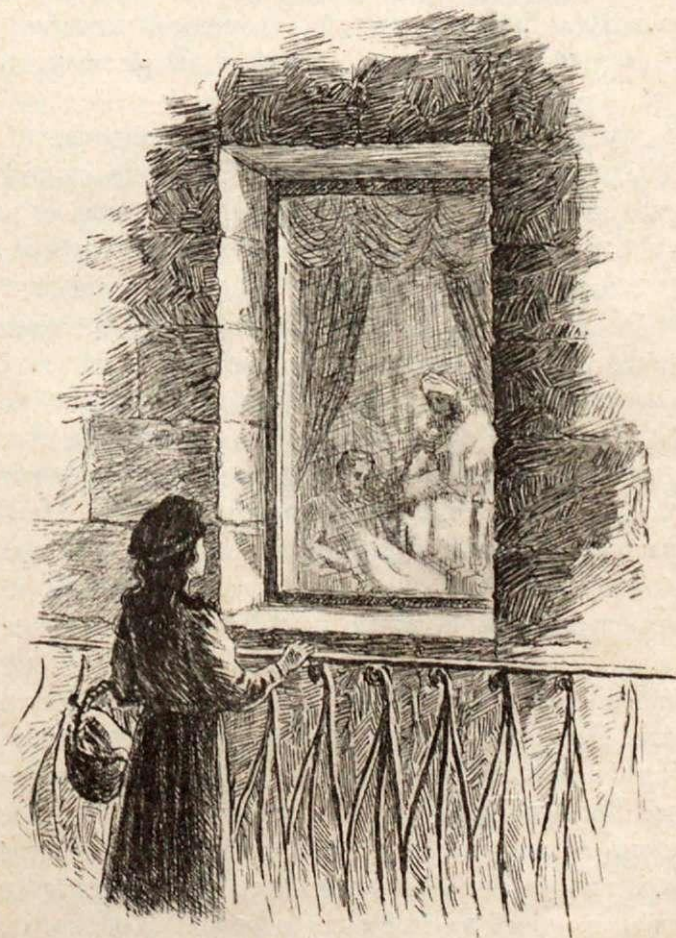
Въ кухнѣ прислуга какъ-то узнала его прошлое и много рассказывала о немъ. Говорили, что онъ не настоящій индійскій джентльменъ, а англичанинъ, долго жившій въ Индiи, что его постигло большое несчастье, и онъ одно время думалъ, что ему грозитъ разореніе и позоръ. Все это такъ сильно подѣйствовало на него, что у него сдѣлалась нервная горячка, и онъ былъ близокъ къ смерти. Съ тѣхъ поръ здоровье его сильно пошатнулось, несмотря на то, что все его состояніе уцѣлѣло, и онъ разбогатѣлъ еще болѣе; а его горе и болѣзнь имѣли какую-то связь съ алмазными розсыпями.

— Знаемъ мы эти алмазныя розсыпи! — замѣтила кухарка, искоса взглянувъ на Сару. — Съ ними не разбогатѣешь!

„Онъ пережилъ то же, что папа, — подумала Сара. — Онъ былъ боленъ, какъ папа; но онъ не умеръ“.

И Сара еще больше полюбила индійскаго джентльмена. Когда ее вечеромъ посылали куда-нибудь, она шла очень охотно, въ надеждѣ, что шторы въ сосѣднемъ домѣ не спу-

щены, и она хоть мелькомъ увидить своего незнакомаго друга. Когда вблизи никого не было, она иногда останавливалась и, глядя въ окно, желала ему доброй ночи.

— Можетъ быть, добрыя пожеланія проникаютъ даже черезъ окна, двери и стѣны, — шептала она, — и ему сдѣлается теплѣе и уютнѣе, когда я, стоя здѣсь на холодѣ,

желаю ему счастья и здоровья. Я искренно жалѣю васъ.— шептала она,—и хотѣла бы, чтобы у васъ была „маленькая миссусъ“, которая могла бы ласкать и лелѣять васъ, какъ я обыкновенно ласкала папу, когда у него болѣла голова. Я сама хотѣла бы быть вашей „маленькой миссусъ“, мой бѣдный другъ! Доброй ночи, доброй ночи! Да хранить васъ Господь!

Отъ этихъ пожеланій у самой Сары становилось легче на душѣ, и ей казалось, что ея состраданіе должно какими-нибудь путями отозваться на немъ, когда онъ одиноко сидѣлъ въ креслѣ передъ каминомъ и, подперевъ голову рукой, безнадежно смотрѣлъ на огонь. Сарѣ казалось, что онъ не только испыталъ много горя въ прошломъ, но что у него и теперь еще большое горе на душѣ.

„Кажется, его постоянно терзаетъ какая-то мысль, — думала Сара.—Своего богатства онъ не потерялъ и, вѣроятно, со временемъ выздоровѣетъ, и казалось бы, ему нечего тревожиться, а между тѣмъ онъ постоянно груститъ о чемъ-то“.

Сара была увѣрена, что причина его горя была извѣстна м-ру Монморенси. Онъ часто навѣщалъ больного, и м-съ Монморенси съ дѣтьми также навѣщали его, хотя и не такъ часто.

Индійскій джентльменъ очень любилъ двухъ старшихъ дѣвочекъ, Дженетъ и Нору, которые такъ взволновались, когда ихъ маленькій братъ Дональдъ далъ Сарѣ свои шесть пенсовъ. Дженетъ и Нора также любили больного и съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда имъ разрѣшали навѣстить его.

Эти визиты были весьма непродолжительны, и дѣти всегда старались не шумѣть, чтобы не беспокоить больного.

Дженетъ, какъ старшая, слѣдила за младшими, и она рѣшала, когда можно было попросить индійскаго джентльмена рассказать что-нибудь объ Индіи. Когда же она замѣчала, что больной утомился, она безшумно уводила дѣтей домой

и посылала къ нему Рамъ Дасса. Дѣти очень любили индуса, и онъ могъ бы рассказать имъ многое объ Индіи, если бы умѣлъ говорить по-англійски.

Дженетъ какъ-то рассказала м-ру Кэррисфорду, такъ звали индійскаго джентльмена, о „бѣдной дѣвочкѣ, но не нищей“, и онъ очень заинтересовался ею, въ особенности послѣ того, какъ Рамъ Дассъ рассказалъ ему о приключеніи съ обезьянкой на крышѣ. Рамъ Дассъ описалъ ему убогую комнатку Сары съ обвалившейся штукатуркой и заряженной рѣшеткой камина, который, видимо, никогда не топился, и жесткой узкой постелью.

— Кэрмикель, — сказалъ м-ръ Кэррисфордъ м-ру Монморенси, — интересно было бы знать, сколько несчастныхъ дѣвочекъ-служанокъ живутъ на чердакахъ въ этомъ кварталѣ и спятъ на жесткихъ постеляхъ, въ то время какъ я, измученный, мечусь на пуховыхъ подушкахъ? Меня тяготитъ это богатство, большая часть котораго принадлежитъ не мнѣ!

— Дорогой другъ, — весело замѣтилъ м-ръ Кэрмикель, — чѣмъ скорѣе вы перестанете мучить себя этимъ, тѣмъ лучше будетъ для васъ. Если бы вы обладали даже всѣми богатствами Индіи, то не могли бы помочь всѣмъ бѣднякамъ и омеблировать всѣ чердаки.

Кусая свои ногти, м-ръ Кэррисфордъ молча смотрѣлъ на пылавшій въ каминѣ огонь.

— Какъ вы думаете, — спросилъ онъ тихо послѣ минутнаго молчанія, — могла ли та дѣвочка, о которой я думаю день и ночь, дойти до такого же положенія, какъ эта бѣдняжка на сосѣднемъ чердакѣ?

М-ръ Кэрмикель съ тревогой взглянулъ на него. Онъ зналъ, что упорная мысль о разыскиваемой дѣвочкѣ очень вредно вліяетъ на здоровье больного.

— Если дѣвочка, бывшая въ пансіонѣ madame Паскаль

въ Парижѣ, та самая, которую вы ищете, — отвѣтилъ онъ успокоительно, — то вамъ нечего беспокоиться за нее. Ее, какъ говорила madame Паскаль, усыновили богатые бездѣтныя русскіе, потому что она была подругой ихъ единственной умершей дочери.

— И она даже не постаралась узнать, куда они увезли дѣвочку! — съ досадой замѣтилъ м-ръ Кэррисфордъ.

М-ръ Кэрмикель пожалъ плечами.

— Madame Паскаль — легкомысленная свѣтская французка и была, очевидно, очень рада, что можетъ избавиться отъ ребенка, который послѣ смерти отца остался совсѣмъ безъ средствъ. Такія женщины не беспокоятся о судьбѣ бѣдныхъ дѣтей.

— Но вѣдь вы не знаете, та ли это дѣвочка, которую мы ищемъ. Вы сами говорите „если это она“. Въ фамиліи тоже есть разница!

— Madame Паскаль называла ее Кэрю вмѣсто Крю; но это была, вѣроятно, ошибка въ произношеніи. Все же остальное удивительно схоже: англійскій офицеръ, жившій въ Индіи, помѣстилъ въ пансіонъ свою маленькую дочь; потомъ онъ внезапно скончался, потерявъ все свое состояніе, — м-ръ Кэрмикель помолчалъ съ минуту, какъ будто у него явилась новая мысль, а потомъ спросилъ:

— Увѣрены ли вы, что дѣвочку помѣстили въ пансіонъ въ Парижѣ?

— Другъ мой, я ни въ чемъ не увѣренъ и никогда не видѣлъ ни дѣвочки, ни ея матери. Я былъ очень друженъ съ Ральфомъ Крю въ училищѣ, но потомъ мы только много лѣтъ спустя встрѣтились въ Индіи. Тамъ я увлекся разработкой алмазныхъ росышей, и онъ тоже заинтересовался ими. Предпріятіе было такое колоссальное, что вскружило намъ головы, и мы при встрѣчѣ говорили только о немъ. Я зналъ

только, что дѣвочку помѣстили куда-то въ школу, и теперь не могу даже припомнить, какъ я это узналъ.

М-ръ Кэррисфордъ начиналъ волноваться каждый разъ, когда вспоминалъ о прошлыхъ несчастьяхъ.

М-ръ Кэрмикель съ тревогой посмотрѣлъ на него. Необходимо было узнать еще кое-что, но это надо было сдѣлать осторожно и осмотрительно.

— Есть ли у васъ основаніе думать, что это школа въ Парижѣ?

— Есть. Мать ея была француженка, и я слышалъ, что она желала, чтобы ея дочь воспитывалась въ Парижѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что отецъ отдалъ ее въ парижскую школу.

— Да, это болѣе, чѣмъ вѣроятно, — замѣтилъ м-ръ Кэрмикель.

— Я долженъ найти ее, Кэрмикель! — воскликнулъ м-ръ Кэррисфордъ, ударивъ по столу своей исхудалой рукой. — Можетъ быть, она одинока, безъ друзей и безъ средствъ, — это моя вина. Развѣ можно поправиться съ такимъ горемъ на душѣ?.. Счастье вернулось ко мнѣ, и наши смѣлыя надежды на алмазныя розсыпи оправдались самымъ блестящимъ образомъ, наши несбыточные мечты осуществились, а бѣдная дочь моего друга, можетъ быть, проситъ теперь милостыню на улицѣ!...

— Нѣтъ, нѣтъ, — утѣшалъ его м-ръ Кэрмикель. — Успокойтесь! Не забудьте, что, когда мы найдемъ ее, у нея будетъ огромное состояніе!

— И какъ могъ я такъ растеряться, когда дѣла пошли плохо!.. — простоналъ больной съ отчаяніемъ. — Я думаю, что не растерялся бы такъ, если бы мнѣ не приходилось отвѣчать за чужія деньги... Бѣдный Крю! Онъ вложилъ въ это дѣло все свое состояніе! Онъ вѣрилъ мнѣ... любилъ меня... и скончался съ мыслью, что я разорилъ его, — я, Томъ Кэр-

рисфордъ, игравшій съ нимъ когда-то въ крокетъ въ Итонѣ!... Какимъ негодяемъ онъ, должно быть, считалъ меня!

— Не упрекайте себя такъ жестоко!

— Я упрекаю себя въ томъ, что потерялъ мужество и бѣжалъ какъ обманщикъ, какъ воръ, потому что не могъ смотрѣть въ глаза моему лучшему другу и сказать ему, что я разорилъ его и его дочь.

— Вы бѣжали потому, что у васъ сдѣлалась нервная горячка, помутившая вашъ разумъ, — возразилъ м-ръ Кэрмикель, положивъ ему руку на плечо. — Вы тогда почти помѣшались. Если бы этого не случилось, вы уладили бы дѣло съ алмазными розсыпями. Два дня спустя послѣ вашего бѣгства вы уже лежали въ больницѣ въ сильномъ бреду. Вспомните это!

М-ръ Кэррисфордъ опустилъ голову на руки.

— О, Боже милостивый! — воскликнулъ онъ. — Да, я едва не сошелъ съ ума отъ страха и ужаса и не спалъ цѣлыми недѣлями! Въ ту ночь, когда я шатаюсь ушелъ изъ дому, мнѣ казалось, что меня съ крикомъ преслѣдуютъ и дразнятъ какія-то ужасныя видѣнія.

— Уже это вполне оправдываетъ васъ, — замѣтилъ м-ръ Кэрмикель. — Человѣкъ въ бреду не можетъ разсуждать здраво!

М-ръ Кэррисфордъ покачалъ головой.

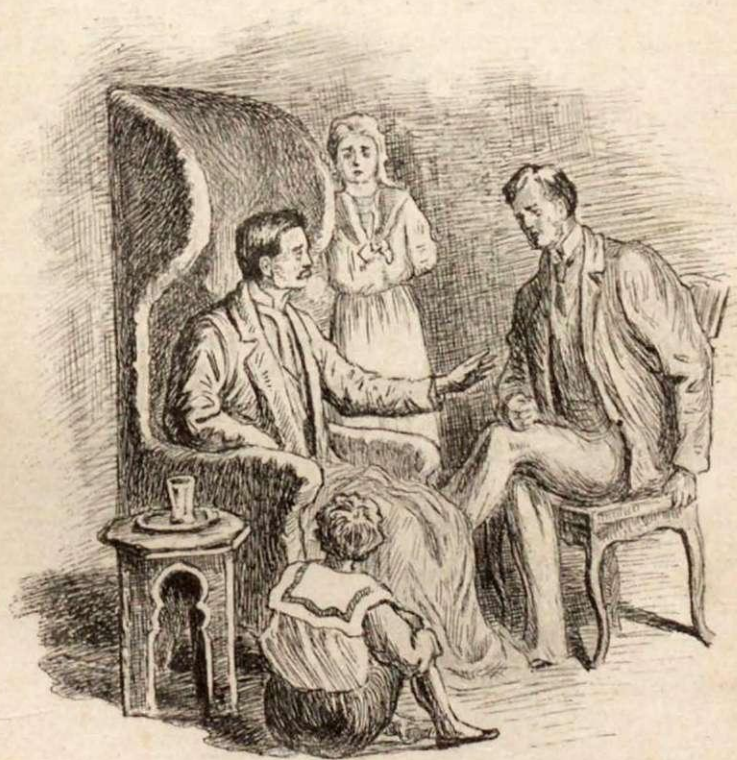
— А когда ко мнѣ вернулось сознаніе, бѣдный Крю былъ уже похороненъ. У меня же такъ ослабѣла память, что я забылъ о дочери моего друга. Когда же я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вспомнилъ о ней, мнѣ все казалось какъ-бы въ туманѣ.

Онъ замолчалъ на минуту, потирая себѣ лобъ.

— Это случается со мною и теперь, когда я пытаюсь вспомнить что-нибудь. Очень вѣроятно, что другъ мой го-

ворилъ мнѣ, въ какую школу онъ отвезъ свою дочь. Не правда ли?

— Но, можетъ быть, и не говорилъ. Вѣдь вы не знаете даже имени его дочери!

— Онъ всегда называлъ ее своей „маленькой миссусъ“. Но наши мысли были заняты только алмазными розсыпями, и мы рѣдко говорили о дѣвочкѣ. Можетъ быть, Ральфъ и называлъ мнѣ школу, но я забылъ, совсѣмъ забыть!... И уже никогда не вспомню!...

— Успокойтесь и не волнуйтесь,—утѣшалъ м-ръ Кэрмикель.—Мы найдемъ дѣвочку. Madame Паскаль говорила, что усыновившіе дѣвочку русскіе живутъ въ Москвѣ. Я поѣду въ Москву и разыщу ихъ.

— Я поѣхалъ бы съ вами, если бы могъ перенести это далекое путешествіе,—сказалъ съ грустью м-ръ Кэррисфордъ,—но я вынужденъ сидѣть здѣсь въ мѣхахъ передъ каминомъ. И, когда я смотрю на огонь, мнѣ кажется, что я вижу веселое, улыбающееся лицо моего друга, который какъ будто хочетъ спросить меня о чемъ-то. Иногда я вижу его во снѣ, и онъ всегда спрашиваетъ меня объ одномъ и томъ же. Угадайте, Кэрмикель, о чемъ онъ спрашиваетъ меня?

— Не знаю,—отвѣтилъ тихо м-ръ Кэрмикель.

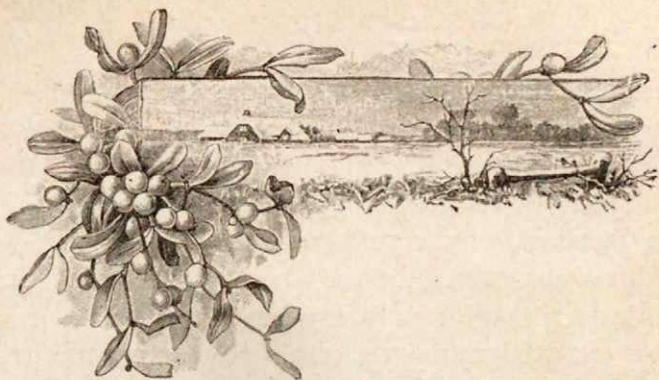
— Онъ всегда спрашиваетъ: „Томъ, мой старый другъ, гдѣ же моя „маленькая миссусъ?“—И, схвативъ руку Кэрмикеля, м-ръ Кэррисфордъ крѣпко сжалъ ее.—Я долженъ отвѣтить ему, я долженъ!—воскликнулъ онъ.—Помогите мнѣ найти ее! Помогите!

Въ это время, по другую сторону стѣны, Сара сидѣла на своемъ чердакѣ и бесѣдовала съ Мельхиседекомъ, который явился за своимъ ужиномъ.

— Сегодня мнѣ трудно было быть принцессой, Мельхиседекъ,—сказала она.—Труднѣе, чѣмъ прежде; это особенно трудно, когда на улицѣ становится холодно и грязно. Когда я сегодня проходила по коридору, Лавинія засмѣялась при видѣ моей грязной юбки: я хотѣла рѣзко отвѣтить ей, но удержалась во-время. Принцессѣ не слѣдуетъ пререкаться съ такими дѣвочками. Сегодня мнѣ было очень холодно, Мельхиседекъ, а теперь еще холоднѣе.

И Сара опустила свою черную головку на руки.

— О, папа! — прошептала она, — кажется, прошло ужъ много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я была твоей „маленькой миссусъ“!

ГЛАВА XIII.

Маленькая нищенка.

има была суровая. Сарѣ часто приходилось ходить съ порученіями въ плохой одеждѣ и рваныхъ башмакахъ по грязному снѣгу, таявшему на солнцѣ. Бывали и такіе дни, когда туманъ непроницаемой стѣной окутывалъ весь городъ, и фонари горѣли съ утра до ночи; тогда Лондонъ напоминалъ Сарѣ тотъ день, когда она нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прижавшись къ отцу, вѣхала въ пансіонъ миссъ Минчинъ. Въ такіе дни домъ Большой семьи казался очень уютнымъ; но болѣе всего Сарѣ нравился кабинетъ индійскаго джентльмена, въ которомъ пылавшій каминъ распространялъ пріятную теплоту. Но на чердакѣ у Сары было мрачно и холодно. Сара не могла больше любоваться восходомъ и закатомъ солнца; даже звѣзды рѣдко проглядывали изъ-за свинцовыхъ тучъ. Все небо было покрыто сѣрыми облаками, низко нависшими надъ чердачными окнами, и почти каждый день шелъ дождь. Въ

четыре часа пополудни, даже если не было тумана, становилось такъ темно, что когда Сарѣ нужно было за чѣмъ-нибудь подняться на чердакъ, она должна была зажигать свѣчу. Прислуга въ кухнѣ сдѣлалась раздражительнѣе, и бѣдную Бекки погоняли какъ маленькую рабыню.

— Такая жизнь не для васъ, миссъ!—сказала Бекки однажды Сарѣ, поднявшись вечеромъ на чердакъ.—Если бы здѣсь не была Бастилія, и я не была узницей по сосѣдству съ вами, я бы умерла. Теперь здѣсь совсѣмъ какъ въ тюрьмѣ. Миссъ Минчинъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе похожа на главнаго палача. Я даже вижу большіе ключи отъ камеръ, которые она всегда носитъ съ собою. А кухарка похожа на помощника палача. Расскажите мнѣ, пожалуйста, миссъ, еще что-нибудь о подземномъ ходѣ, который мы вырыли подъ стѣной.

— Нѣтъ въ подземельяхъ холодно. Надо придумать что-нибудь потеплѣе,—сказала Сара, дрожа отъ холода.—Закутайся въ свое одѣяло, а я закутаюсь въ мое; прижмемся другъ къ другу на постели, и я расскажу тебѣ о тропическихъ лѣсахъ, гдѣ живутъ такія же обезьяны, какъ та, которая у индійскаго джентльмена. Когда я вижу, какъ она, сидя на столѣ, грустно смотритъ изъ окна на улицу, мнѣ всегда кажется, что она вспоминаетъ родной тропическій лѣсъ, гдѣ она, зацѣпившись хвостомъ за вѣтку, качалась на кокосовыхъ деревьяхъ. Интересно было бы знать, кто ее поймалъ, и осталась ли у нея семья, которая тамъ качается на деревьяхъ?

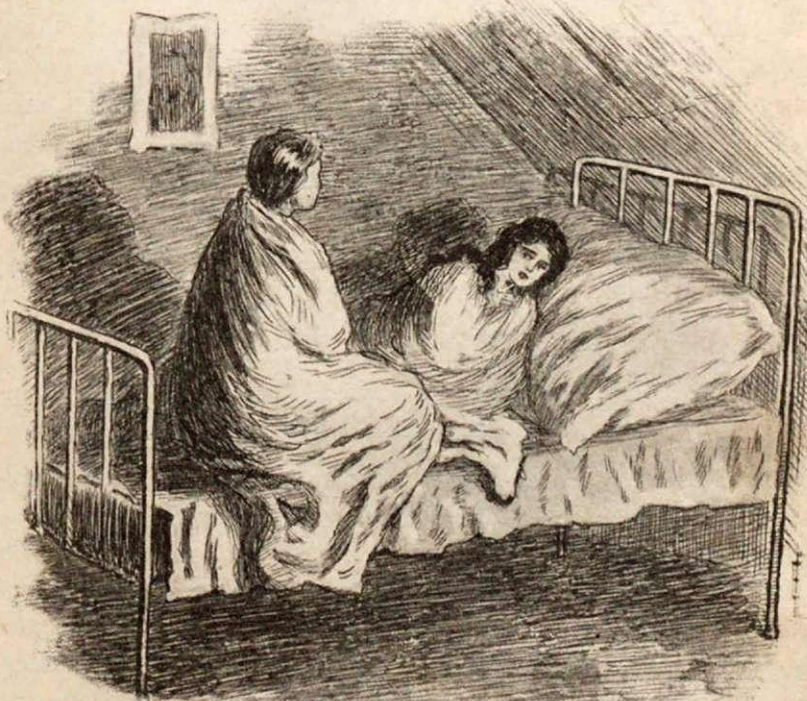
— Это теплѣе подземелья, миссъ,—весело сказала Бекки; —но иногда и въ Бастиліи бываетъ тепло, когда вы рассказываете о ней.

— Это потому, что ты тогда думаешь о чемъ-нибудь другомъ,—сказала Сара, закутавшись такъ плотно въ одѣяло, что видно было только ея смуглое личико.—Я это за-

мѣтила. Когда забнешь или голодаешь, надо думать о чемъ-нибудь другомъ.

— И вы можете это сдѣлать, миссъ?—прошептала Бекки, съ восхищеніемъ глядя на нее.

Сара на минуту задумалась.

— Иногда могу, иногда нѣтъ, — бодро отвѣтила она. — Но когда я могу, то чувствую себя хорошо. За послѣднее время я часто стараюсь дѣлать это. Когда же мнѣ очень, очень тяжело, я все упорнѣе думаю, что я принцесса, и говорю себѣ: „я принцесса и фея, а такъ какъ я фея, то ничто не

можетъ оскорбить меня или сдѣлать несчастной“. Ты не повѣришь, какъ легко становится послѣ этого!—закончила Сара со смѣхомъ.

Сарѣ часто приходилось заставлятъ себя думать о чемъ-нибудь другомъ и представлять себѣ, что она принцесса. Но однажды въ ненастный день ее постигло тяжкое испытаніе, о которомъ она впослѣдствіи часто вспоминала и котораго никогда не могла забыть.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней дождь лилъ безъ перерыва: окутанныя туманомъ улицы были покрыты талымъ снѣгомъ и лишкою грязью. Въ этотъ день Сарѣ предстояло по обыкновенію исполнить множество порученій. Едва успѣвала она исполнить одно, какъ ее посылали снова. Скоро ея поношенное платье промокло насквозь, старыя перья на ея жалкой шляпѣ помялись, и ея истоптанные башмаки совсѣмъ промокли. Кромѣ того миссъ Минчинъ въ наказаніе оставила ее безъ обѣда.

Въ этотъ день Сара очень озябла и такъ сильно проголодалась, что нѣкоторые прохожіе съ состраданіемъ посматривали на ея усталое, измученное лицо. Но она этого не замѣчала и быстро шла впередъ, стараясь думать о чемъ-нибудь другомъ. Однако, въ этотъ день ей было трудно не думать о холодѣ и голодѣ, хотя она и пыталась представить себѣ что-нибудь лучшее. Она продолжала упрямо не думать объ этомъ, и въ то время, какъ грязная вода просачивалась сквозь ея рваные башмаки, а вѣтеръ пытался сорвать съ нея ея легкую кофточку, она тихо шептала себѣ:

— Предположимъ, что на мнѣ сухое платье, хорошіе башмаки, теплое пальто, шерстяные чулки и недыравый зонтикъ. И предположимъ... предположимъ... что какъ разъ въ то время, какъ я подхожу къ булочной, гдѣ продаются горячія булки, я вдругъ нашла бы монетку въ шесть пенсовъ... совсѣмъ ничьи шесть пенсовъ... Тогда я вошла бы

въ булочную и купила бы шесть самыхъ горячихъ булочекъ и съѣла бы ихъ всё сразу.

И съ Сарой случилась странная вещь. Думая объ этомъ, она переходила улицу по непролазной грязи и, глядя себѣ подъ ноги, выбирала дорогу; добравшись до тротуара, она вдругъ увидѣла въ грязи что-то блестящее. Это была маленькая серебряная монета въ четыре пенса, почти совсѣмъ втопанная въ грязь прохожими. Сара быстро подняла ее своей посинѣвшей отъ холода рукой.

— Какъ я думала, такъ и случилось! — прошептала она радостно.

Осмотрѣвшись, она увидѣла передъ собою булочную. Въ эту минуту краснощекая добродушная булочница ставила на окно подносъ съ свѣжими только-что испечеными булками; онѣ были очень большія, пышныя, румяныя и съ изюмомъ.

У Сары на минуту закружилась голова отъ вкуснаго запаха горячихъ булокъ, доносившагося изъ окна булочной.

Она знала, что спокойно можетъ воспользоваться найденной монетой, которая, вѣроятно, уже давно лежала въ грязи.

„Но, можетъ быть, булочница потеряла ее, — подумала Сара.— Пойду спрошу ее“.

Она подошла къ булочной и, собираясь войти, вдругъ остановилась.

На ступенькѣ у дверей сидѣла скорчившись дѣвочка въ лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ ее босыя грязныя ноги, покраснѣвшія отъ холода. Надъ лохмотьями торчала голова съ копной спутанныхъ волосъ и грязнымъ лицомъ съ большими впалыми голодными глазами. Взглянувъ на нее, Сара тотчасъ поняла, что дѣвочка голодна, и ей стало очень жаль ее.

— Это нищенка, и она голодиѣ меня, — прошептала Сара со вздохомъ.

Дѣвочка пристально посмотрѣла на Сару и отодвинулась, чтобы дать ей пройти. Она привыкла сторониться передъ всѣми и знала, что, если полицмэнъ случайно увидить ее, онъ прикажетъ ей уйти.

Сара сжала въ рукѣ свои четыре пенса и съ минуту смотрѣла на дѣвочку, а потомъ спросила ее:

— Вы голодны?

— Конечно, голодна!—сурово отвѣтила дѣвочка.

— Развѣ вы не обѣдали?

— Нѣтъ, не обѣдала, и даже не завтракала и не ужинала.

— Съ которыхъ поръ?—спросила Сара.

— Не знаю. Сегодня никто не подалъ мнѣ. Я просила, просила, и никто не подалъ мнѣ ни одного пенни!

Видъ этой маленькой нищенки еще сильнѣе возбудилъ голодъ Сары: но воображеніе ея продолжало работать.

„Всѣ принцессы въ изгнаніи сближались съ бѣдными и всегда дѣлились съ ними,—думала она,—и я должна слѣдовать ихъ примѣру. Каждая булка стоитъ одинъ пенсъ, значить, я могу купить четыре булки. Этого очень мало для насъ обѣихъ. Но все-таки лучше, чѣмъ ничего.

— Подождите минуту,—сказала она нищенкѣ, входя въ булочную.

Тамъ было тепло, и по всей комнатѣ разносился пріятный запахъ свѣже-испеченаго хлѣба. Булочница только что принесла еще одинъ подносъ съ горячими булками и собиралась поставить его также на окно.

— Скажите, пожалуйста,—обратилась къ ней Сара,—не потеряли ли вы четыре пенса?—и она протянула булочницѣ маленькую монетку.

Женщина посмотрѣла сначала на монету, а потомъ на Сару и на грязное, когда-то дорогое платье.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—А вы нашли ее?

— Да, нашла около тротуара.

— Такъ возьмите себѣ,—сказала булочница.—Вѣроятно, она уже давно лежала тамъ, и Богъ вѣдаетъ, кто ее потерялъ! Этого вы никогда не узнаете.

— Я такъ и думала,—сказала Сара,—но хотѣла сначала спросить васъ.

— Немногіе поступили бы такъ,—возразила булочница, добродушно глядя на Сару.

— Не хотите ли купить чего-нибудь?—спросила она, замѣтивъ, что Сара пристально смотритъ на булки.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, четыре булки по одному пенсу,—сказала Сара.

Булочница подошла къ окну и положила въ бумажный мѣшокъ нѣсколько булокъ.

Сара замѣтила, что она положила вмѣсто четырехъ шесть.

— Я просила четыре,—сказала она.—У меня только четыре пенса.

— Я положила двѣ лишнихъ на прибавку,—отвѣтила добродушно булочница,—и думаю, что вы ихъ какъ-нибудь скушаете. Развѣ вы не голодны?

У Сары на глазахъ показались слезы.

— Я очень голодна,—отвѣтила она,—и очень благодарю васъ за вашу доброту. Но тамъ на улицѣ...

Она хотѣла добавить: „но тамъ на улицѣ сидитъ дѣвочка, которая болѣе голодна, чѣмъ я“.

Но въ эту минуту въ булочную вошли двѣ покупательницы, и Сара, снова поблагодаривъ булочницу, вышла.

Маленькая нищенка все еще сидѣла скорчившись на ступенькѣ. Въ своихъ промокшихъ лохмотьяхъ она казалась очень жалкой и несчастной. Она тупо съ страдальческимъ видомъ смотрѣла прямо передъ собой, и Сара замѣтила, какъ она смахнула своей грязной рукой навернувшіяся на глаза слезы.

Сара открыла бумажный мѣшокъ и вынула одну горячую булку. Онѣ были еще настолько горячія, что отъ нихъ у Сары немного согрѣлись ея холодныя руки.

— Вотъ возьмите булочку, она горячая и вкусная, — сказала Сара, кладя булку на колѣни нищенкѣ.

Дѣвочка вздрогнула и взглянула на Сару, а потомъ схватила булку и стала съ жадностью ѣсть ее большими кусками.

— Ахъ, какъ вкусно! — бормотала она. — Ахъ, какъ вкусно!

Сара вынула изъ мѣшка еще три булки, и дѣвочка съ жадностью схватила ихъ.

Ея сильный голодный голосъ пугалъ Сару.

— Она голоднѣе меня, — прошептала Сара. — Она умираетъ съ голоду! — и ея рука немного задрожала, когда она подала дѣвочкѣ пятую булку. — Я же не умираю еще съ голода!

Маленькая нищенка продолжала жадно ѣсть и даже не поблагодарила Сару, когда та повернулась, чтобы уйти.

— Прощайте, — сказала ей Сара, но та ничего не отвѣтила.

Сара перешла улицу и оглянулась. У дѣвочки въ каждой рукѣ было по булкѣ, и она съ кускомъ во рту смотрѣла ей вслѣдъ. Сара кивнула ей, и дѣвочка, вытаращивъ глаза, тряхнула ей въ отвѣтъ своей лохматой головой.

Въ эту минуту изъ окна булочной выглянула булочница.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула она. — Эта дѣвочка отдала всѣ свои булки нищей, хотя сама была очень голодна!

Булочница отворила дверь и спросила маленькую нищенку:

— Кто далъ тебѣ эти булки?

Дѣвочка молча указала головой на удалявшуюся Сару.

— Что сказала она тебѣ?

— Она спросила меня, голодна ли я?

— А что ты отвѣтила?

— Что я очень голодна!

— А потомъ она вошла въ булочную, купила булки и отдала ихъ тебѣ, не такъ ли?

Дѣвочка кивнула головой.

— Сколько булокъ дала она тебѣ?

— Пять.

— А себѣ оставила только одну,—пробормотала булочница,—хотя была такъ голодна, что могла бы съѣсть всѣ шесть... Это я видѣла по ея глазамъ!... Жаль, что я не дала ей дюжину булокъ!

И она посмотрѣла вслѣдъ удалявшейся щедрой дѣвочкѣ.

— А ты и теперь еще голодна?—спросила она нищую.

— Я всегда голодна, но теперь меньше, чѣмъ давеча.

— Войди сюда, — сказала булочница, отворяя дверь булочной.

Дѣвочка нерѣшительно вошла и остановилась у дверей. Ей казалось невѣроятнымъ, что ее пригласили въ теплую комнату, гдѣ было такъ много хлѣба.

— Обогрѣйся здѣсь, — сказала ей булочница, указывая на ярко пылавшій каминъ въ маленькой задней комнатѣ и подавая ей нѣсколько булокъ.—А когда опять проголодаешься, приходи ко мнѣ, и я тебя накормлю ради той доброй дѣвочки.

Сара съ наслажденіемъ съѣла оставшуюся булку. Она была очень вкусная и теплая. Возвращаясь домой, Сара отламывала отъ нея по кусочку и ѣла медленно, чтобы продолжить удовольствіе.

„Вотъ было бы хорошо,—думала она,—если бы эта булка была волшебная, и одного кусочка было бы довольно, чтобы сытно пообѣдать!... Тогда я объѣлась бы, если бы съѣла всю булку“.

Было уже темно, когда Сара подходила къ дому Большой семьи. Всюду были уже зажжены лампы, но шторы не были еще спущены въ той комнатѣ, гдѣ она часто видѣла всю семью Монморенси въ сборѣ. Обыкновенно въ это время дня м-ръ Монморенси сидѣлъ въ большомъ креслѣ, окруженный дѣтьми, которыя, болтая и смѣясь, сидѣли на ручкахъ кресла или взбирались на колѣни къ отцу, нѣжно прижимаясь къ нему.

Но въ этотъ вечеръ м-ръ Монморенси не сидѣлъ въ своемъ креслѣ, хотя дѣти и теперь окружали его. Въ домѣ всѣ суетились, и, повидимому, дѣлались сборы для дальняго путешествія м-ръ Монморенси. Передъ подъѣздомъ стоялъ экипажъ, а на крышѣ его былъ привязанъ большой чемоданъ. Дѣти прыгали вокругъ отца, шумѣли и вѣшались ему на шею, а красивая, румяная м-съ Монморенси стояла передъ нимъ и какъ будто разспрашивала его о чемъ-то. Сара видѣла, какъ отецъ поднималъ и цѣловалъ маленькихъ, а потомъ перецѣловалъ и старшихъ.

„Кажется, онъ уѣзжаетъ надолго,—подумала Сара.—Чемоданъ очень великъ. О, какъ скучно будетъ дѣтямъ безъ него! И я тоже буду скучать безъ него, хотя онъ даже со-всѣмъ не знаетъ меня!“

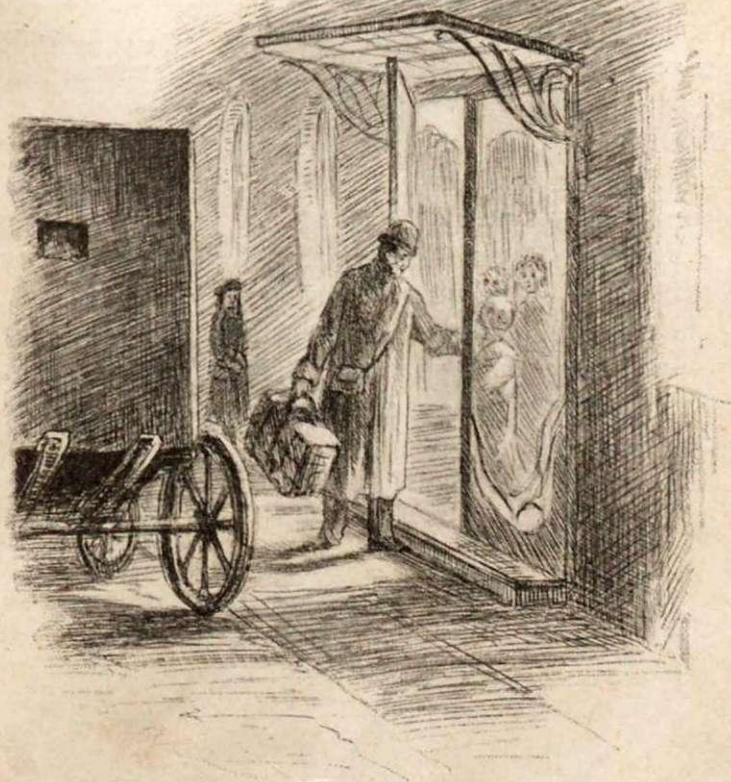
Когда дверь отворилась, Сара отошла въ сторону, вспомнивъ поданные ей шесть пенсовъ, и увидѣла свѣтлую переднюю, куда вышелъ м-ръ Монморенси, окруженный старшими дѣтьми.

— Теперъ, должно быть, вся Москва покрыта снѣгомъ, и тамъ повсюду ледъ!—замѣтила Дженетъ.

— А ты будешь, папа, ѣздить тамъ на дрожкахъ?.. Ты увидишь царя?—спрашивали другіе.

— Я напишу вамъ обо всемъ, — смѣясь отвѣтилъ м-ръ Кэрмикель,—и пришлю вамъ разныя картинки изъ русскаго быта. Ну, бѣгите наверхъ! Сегодня такъ сыро и холодно,

и мнѣ пріятнѣе было бы остаться съ вами, чѣмъ ѣхать въ Москву. Доброй ночи! Спокойной ночи, мои цыпочки! Да хранить васъ Господь!

И м-ръ Кэрмикель сбѣжалъ по лѣстницѣ и сѣлъ въ экипажъ.

— Если найдешь маленькую дѣвочку, скажи ей, что мы ждемъ ее съ нетерпѣніемъ! — крикнулъ Гю Кларенсъ, прыгая на коврикъ у дверей.

Затѣмъ дѣти ушли, и дверь затворилась.

— Видѣла ты „Бѣдную дѣвочку, но не нищую“, Нора?— спросила Дженетъ, когда онѣ вернулись въ комнату.— Она стояла недалеко отъ подъѣзда и смотрѣла на насъ. Она, кажется, совсѣмъ промокла и очень озябла. Ее и днемъ и вечеромъ посылають за покупками несмотря на самую ужасную погоду. Мама говоритъ, что, вѣроятно, какая-нибудь богатая дѣвочка подарила ей свои старыя платья, — онѣ сшиты изъ дорогой матеріи.

Сара дрожала отъ холода, переходя улицу и направляясь къ пансіону миссъ Минчинъ. Она чувствовала сильную слабость и очень устала.

— Интересно было бы знать, кто та маленькая дѣвочка, которую онѣ поѣхалъ искать?— думала Сара, поднимаясь по черной лѣстницѣ съ своей тяжелой корзиной въ то время, какъ м-ръ Монморенси уѣзжалъ въ Москву разыскивать маленькую дочь капитана Крю.

ГЛАВА XIV.

Что слышалъ и видѣлъ Мельхиседекъ.

Въ этотъ день въ отсутствіе Сары, на чердакѣ происходило нѣчто странное. Одинъ Мельхиседекъ видѣлъ и слышалъ это; но онъ былъ такъ встревоженъ, что поспѣшилъ скрыться въ свою нору и притаившись со страхомъ и любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на чердакѣ.

Послѣ того, какъ Сара рано утромъ спустилась въ кухню, на чердакѣ водворилась полная тишина. Только дождь безъ перерыва барабанилъ по окну и черепицамъ крыши. Мельхиседекъ находилъ это очень скучнымъ; и когда дождь прекращался и снова наступала тишина, онъ выходилъ на развѣдки, зная, что Сара такъ рано не вернется. Шныряя по комнатѣ, онъ обнюхивалъ всѣ углы и совершенно неожиданно нашелъ крошку хлѣба, забытую имъ послѣ вчерашняго ужина.

Вдругъ онъ услышалъ какой-то непонятный шумъ на крышѣ и сталъ прислушиваться къ нему съ бьющимся серд-

цемъ. На крышѣ раздавались чьи-то шаги; они приближались къ окну и остановились около него. Затѣмъ окно тихо отворилось, и въ немъ показалось смуглое лицо, а за нимъ другое, съ любопытствомъ заглянувшія въ комнату. То были Рамъ Дассъ и молодой секретарь индійскаго джентльмена, которые собирались войти въ комнату черезъ окно. Но Мельхиседекъ, конечно, не зналъ этого. Онъ зналъ только, что эти люди нарушили тишину на чердакѣ; а когда одинъ изъ нихъ, съ темнымъ лицомъ, влѣзъ въ окно и безшумно соскочилъ на полъ, Мельхиседекъ страшно испугался и убѣжалъ въ свою норку. Сары онъ не боялся, зная, что она никогда не броситъ ему ничего кромѣ крошекъ и никогда не кричитъ, а только тихо ласково свиститъ, но этихъ незнакомыхъ людей онъ боялся. Притаившись у входа своей норы, онъ сталъ слѣдить за ними своими блестящими, испуганными глазками. Не знаю, понялъ ли Мельхиседекъ, что-нибудь изъ разговора этихъ людей, но если бы понялъ, то заинтересовался бы имъ.

Бѣлокурый секретарь соскочилъ въ комнату такъ же безшумно, какъ Рамъ Дассъ, и замѣтилъ только хвостъ убѣгавшаго Мельхиседека.

— Кажется, это была крыса? — шепотомъ спросилъ онъ Рамъ Дасса.

— Да, крыса, саибъ. Здѣсь ихъ очень много! — отвѣтилъ также шепотомъ Рамъ Дассъ.

— Тьфу, какая гадость! — воскликнулъ молодой человекъ. — Удивительно, какъ это дѣвочка не боится ихъ!

— Эта дѣвочка любитъ всѣхъ, саибъ, — отвѣтилъ Рамъ Дассъ почтительно улыбаясь. — Она непохожа на другихъ дѣтей. Я часто наблюдалъ за нею и пробирался по крышѣ къ ея окну посмотреть, здорова ли она; незамѣтно для нея, я часто слѣжу за ней изъ моего окна. Стоя на этомъ столѣ, она часто любитъ небомъ; воробьи прилетаютъ на ея зовъ,

зная, что она бросить имъ крошки; крысу она также приручила и разговариваетъ съ ней и кормить ее. Маленькой бѣдной служанкѣ живется въ этомъ домѣ очень плохо, и эта дѣвочка всегда утѣшаетъ ее. Кромѣ того къ ней на чердакъ приходитъ тайкомъ маленькая дѣвочка и называетъ ее мамой; приходитъ еще и другая постарше, которая очень любитъ ее и готова слушать ея рассказы безъ конца. Я видѣлъ все это, когда подкрадывался по крышѣ къ этому окну. Хозяйка дома злая женщина и обращается съ этой дѣвочкой, какъ съ паріей, но дѣвочка держитъ себя, какъ принцесса.

— Вы, кажется, знаете очень многое о ней, — замѣтилъ секретарь.

— Я знаю, какъ она живетъ, — отвѣтилъ Рамъ Дассъ. — Знаю, когда она выходитъ и когда возвращается, знаю ея печали и маленькія радости и, какъ она терпитъ и холоды и голоды. Я знаю, когда она одна сидитъ до поздней ночи и учится по книгамъ; знаю, когда ея подруги тайкомъ приходятъ къ ней, и тогда она бываетъ счастлива, что можетъ шепотомъ поболтать и посмѣяться съ ними. Если бы она заболѣла, я бы тотчасъ узналъ это и пришелъ бы услужить и помочь ей всѣмъ, чѣмъ только могу.

— Вы увѣрены, что никто кромѣ нея не приходитъ сюда, и что сама она не вернется скоро? Она очень испугалась бы, если бы застала насъ здѣсь, и тогда не удался бы планъ саиба Кэррисфорда.

Рамъ Дассъ осторожно подошелъ къ двери и сталъ прислушиваться.

— Никто кромѣ нея сюда не приходитъ, — сказалъ онъ, — а она ушла изъ дому съ своей корзиной и не скоро вернется. Кромѣ того я услышу ея шаги раньше, чѣмъ она успѣетъ подняться сюда.

Секретарь вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку.

— Прислушивайтесь хорошенько, — сказалъ онъ и началъ осторожно обходить убогую комнатку и быстро дѣлать пометки въ своей записной книжкѣ.

Сначала онъ подошелъ къ узкой кровати и пощупалъ матрацъ.

— Жесткій какъ камень! — воскликнулъ онъ. — Его надо переменить днемъ, когда дѣвочки не будетъ дома. Сегодня вечеромъ этого сдѣлать нельзя.

Затѣмъ онъ поднялъ одеяло и посмотрѣлъ на тоненькую подушку.

— Покрывало грязное, старое, одеяло тонкое, простыня въ заплаткахъ и рваная! — замѣтилъ онъ. — Развѣ можетъ ребенокъ спать на такой постели! И это въ домѣ, который сама хозяйка называетъ приличнымъ! И каминъ, кажется, давно уже не топили!... — замѣтилъ онъ, взглянувъ на заржавленную рѣшетку камина.

— Я ни разу не видѣлъ, чтобы онъ топился, — сказалъ Рамъ Дассъ. — Хозяйка думаетъ только о себѣ и не хочетъ знать, что другіе тоже могутъ забнуть.

Секретарь быстро записалъ что-то въ своей книжкѣ, затѣмъ вырвалъ изъ нея листокъ и положилъ въ карманъ.

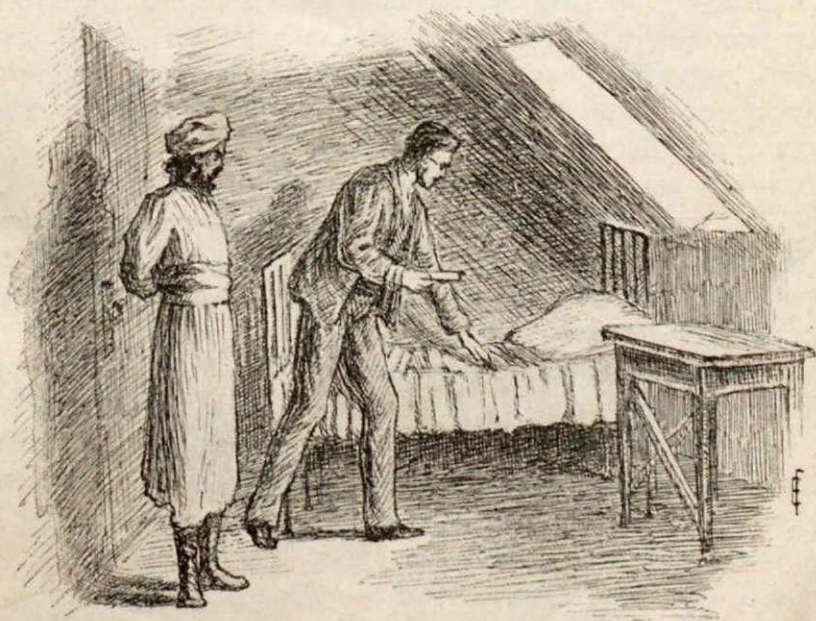
— Значитъ, мы будемъ дѣлать все тайкомъ! — сказалъ онъ. — Кто это придумалъ?

Рамъ Дассъ скромно поклонился.

— Я придумалъ это, саибъ, — сказалъ онъ. — Я люблю эту дѣвочку, — мы оба одиноки. Она и навела меня на эту мысль. Однажды вечеромъ, когда мнѣ было очень грустно, я подкрался къ открытому чердачному окну и сталъ прислушиваться. Дѣвочка описывала своей подружкѣ, чѣмъ могла бы сдѣлаться эта жалкая комнатка, если бы ее убрать и украсить. И она рассказывала это съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто уже видѣла передъ собой ту волшебную перемену, которая произошла въ ея комнатѣ. На слѣдую-

щій день, когда саибъ чувствовалъ себя особенно несчастнымъ, я рассказалъ ему объ этой фантазіи дѣвочки, чтобы позабавить его. Саибъ заинтересовался дѣвочкой и сталъ спрашивать о ней, а потомъ ему понравилась мысль осуществить ея фантазію.

— И вы думаете, что это можно будетъ сдѣлать ночью, когда она спитъ? А если она прѣснется? — возразилъ секретарь, которому также понравилась эта мысль.

— Я умѣю ходить такъ тихо, какъ кошка, — возразилъ Рамъ Дассъ; — къ тому же дѣти спать крѣпко, даже несчастныя. Я могу войти въ эту комнату ночью такъ тихо, что дѣвочка даже не пошевелинется на своей постели, и если кто-нибудь будетъ передавать мнѣ вещи въ окно, я устрою все такъ, что она ничего не услышитъ; а когда прѣснется, подумаетъ, что здѣсь былъ волшебникъ.

Лицо Рамъ Дасса освѣтилось радостной улыбкой.

— Это будетъ точно изъ сказки „Тысяча и одна ночь“, — замѣтилъ секретарь, также улыбаясь. — Только восточный человѣкъ могъ придумать это! Среди лондонскихъ тумановъ не придумаешь ничего подобнаго.

Къ большому утѣшенію Мельхиседека эти незнакомые люди пробыли недолго въ комнатѣ Сары. Шопотъ и движенія ихъ казались ему зловѣщими.

Между тѣмъ, заинтересованный планомъ Рамъ Дасса секретарь записалъ все, что слѣдовало измѣнить: полъ, каминъ, сломанную скамеечку, старый столъ и стѣны. Увидѣвъ нѣсколько старыхъ гвоздей, вбитыхъ въ стѣны, онъ сказалъ Рамъ Дассу:

— На нихъ вы можете повѣсить разные вещи!

— Вчера, когда дѣвочки не было дома, — отвѣтилъ Рамъ Дассъ съ загадочной улыбкой; — я принесъ сюда маленькіе, острые гвозди, которые можно воткнуть въ стѣну, не вбивая ихъ молоткомъ.

Секретарь индійскаго джентльмена еще разъ оглянулъ всю комнату и, положивъ свою книжку въ карманъ, сказалъ:

— Кажется, я записалъ все. Теперь можно идти. У саиба Кэррисфорда доброе сердце. Какъ жаль, что онъ не можетъ найти ту дѣвочку!

— Если онъ найдетъ ее, къ нему снова вернется здоровье, — замѣтилъ Рамъ Дассъ. — Да поможетъ ему Богъ найти ту дѣвочку!

Затѣмъ Рамъ Дассъ и секретарь ушли черезъ окно такъ же безшумно, какъ вошли.

Послѣ ихъ ухода Мельхиседекъ совсѣмъ успокоился и снова вышелъ изъ своей норки въ надеждѣ, что, можетъ быть, эти люди выронили изъ своихъ кармановъ нѣсколько крошекъ.

ГЛАВА XV.

Волшебство.

Когда Сара проходила мимо сосѣдняго дома, она увидѣла Рамъ Дасса, закрывавшаго ставни, и успѣла заглянуть въ комнату индѣйскаго джентльмена.

„Прошло уже много, много времени съ тѣхъ поръ, какъ я не была въ такихъ красивыхъ комнатахъ,“—подумала она.

Тамъ по обыкновенію ярко пылалъ каминъ, а передъ нимъ грустно сидѣлъ м-ръ Кэррисфордъ.

— Бѣдный!—прошептала Сара.—Хотѣла бы я знать, о чемъ онъ такъ груститъ?

А думы м-ра Кэррисфорда витали въ эту минуту далеко.

„Если Кэрмикель и найдетъ въ Москвѣ тѣхъ русскихъ, то легко можетъ статься, что дѣвочка, взятая ими изъ пансіона мадаме Паскаль, не та, которую мы ищемъ. Что мнѣ тогда дѣлать?“

Вернувшись домой, Сара встрѣтила миссъ Минчинъ, вышедшую изъ кухни, гдѣ она дѣлала выговоръ кухаркѣ.

— Гдѣ вы пропадали такъ долго?—спросила она Сару.

— Сегодня на улицѣ очень грязно и скользко,—отвѣтила Сара,—и мнѣ было тяжело идти въ дырявыхъ башмакахъ... они скользятъ...

— Не извиняйтесь,—прервала ее миссъ Минчинъ,—и не лгите!

Сара направилась въ кухню. Кухарка была въ дурномъ настроеніи и, увидѣвъ Сару, обрадовалась, что можетъ на комъ-нибудь сорвать свой гнѣвъ.

— Гдѣ вы были такъ долго?—вскричала она.—Недоставало, чтобы вы пришли ночью!

— Вотъ покупки,—сказала Сара, положивъ пакеты на столъ.

Кухарка оглянула ихъ, проворчавъ что-то.

— Можно мнѣ поѣсть чего-нибудь?—робко спросила Сара.

— Чай давно отпили, и все убрано,—грубо отвѣтила кухарка.—Неужели вы думаете, что я для васъ снова буду заваривать чай?

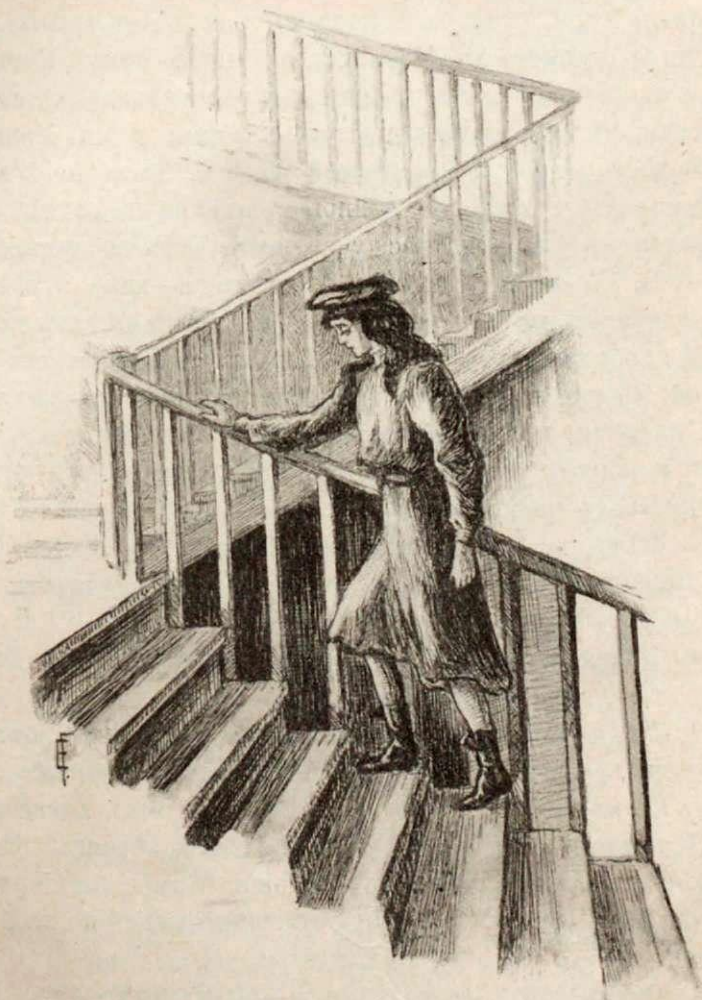
Сара съ минутой постояла молча.

— Я не обѣдала,—сказала она почти шепотомъ, опасаясь, что у нея задрожитъ голосъ.

— Тамъ въ шкафу лежитъ хлѣбъ!—рѣзко сказала кухарка.—Въ такую позднюю пору у меня для васъ нѣтъ ничего другого!

Сара достала изъ шкафа кусокъ хлѣба,—онъ былъ совсѣмъ черствый. Кухарка была въ очень скверномъ настроеніи и потому не дала ей ничего другого. Этимъ она всегда срывала свою злобу на Сарѣ. Сара съѣла хлѣбъ и стала подниматься наверхъ въ свою комнату. Когда она уставала днемъ, ей всегда тяжело было подниматься въ четвертый этажъ на чердакъ. Она часто находила, что лѣстница очень высока и крута, а въ этотъ вечеръ Сарѣ казалось, что ей не будетъ конца, и нѣсколько разъ она вынуждена была

остановиться, чтобы отдышаться. Добравшись до верхней площадки, она обрадовалась, замѣтивъ свѣтъ, исходившій

изъ-подъ щели ея двери,—это Эрменгардѣ удалось незамѣтно пробраться наверхъ. Въ этомъ Сара находила боль-

шое утѣшеніе. Одно присутствіе толстой, милой Эрменгарды, закутанной въ красную шаль, согрѣвало ее.

Отворивъ дверь, она увидѣла, что Эрменгарда сидитъ на ея постели, подобравъ подъ себя ноги,—она никакъ не могла привыкнуть къ Мельхиседеку и его семьѣ. Когда она была на чердакѣ одна, то всегда предпочитала сидѣть на постели, пока Сара не вернется. Въ это время Мельхиседекъ часто выходилъ изъ своей норы и, бѣгая по комнатѣ, обнюхивалъ всѣ уголки, а иногда садился на заднія лапки и, глядя въ упоръ на нее, усердно нюхалъ воздухъ.

— О, Сара,—воскликнула Эрменгарда,—какъ я рада, что ты наконецъ пришла! Мельхи все время бѣгалъ по комнатѣ и обнюхивалъ всѣ уголки. Я уговаривала его уйти домой, но онъ не хотѣлъ. Ты вѣдь знаешь, что я люблю его; но меня всегда пугаетъ, когда онъ садится передо мной и обнюхиваетъ меня! Какъ ты думаешь, онъ никогда не прыгнетъ на кровать?

— Нѣтъ, не бойся,—отвѣтила Сара.

Эрменгарда подвинулась къ краю постели, чтобы поближе посмотрѣть на Сару.

— Какая ты блѣдная сегодня!—сказала она.—Должно быть, ты очень устала, Сара?

— Да, я устала,—отвѣтила Сара, садясь на сломанную скамеечку.—А вотъ и бѣдный Мельхиседекъ,—онъ пришелъ за ужиномъ.

Услыхавъ шаги Сары, Мельхиседекъ тотчасъ вышелъ изъ своей норы и довѣрчиво подошелъ къ ней. Сара опустила руку въ карманъ и, вывернувъ его, покачала головой.

— Очень жаль,—сказала она,—но у меня нѣтъ ни одной крошки. Ступай домой, Мельхиседекъ, и скажи женѣ, что сегодня у меня ничего нѣтъ. Къ сожалѣнію, я забыла о тебѣ, слушая упреки кухарки и миссъ Минчинъ.

Мельхиседекъ, казалось, понялъ ея слова и покорно пошелъ обратно въ свою нору.

— Я не ждала тебя сегодня, Эрми, — сказала Сара.

— Миссъ Амелія ушла ночевать къ своей старой теткѣ, — объяснила Эрменгарда, кутаясь въ свою красную шаль, — а кромѣ нея никто не заглядываетъ въ спальни послѣ того, какъ мы легли спать. Сегодня я могла бы остаться здѣсь хоть до утра!.. Знаешь, Сара, — прибавила она съ отчаяніемъ, — папа прислалъ мнѣ еще нѣсколько книгъ! Вотъ онѣ! — и она указала на столъ подъ окномъ, на которомъ лежали книги.

Сара подбѣжала къ столу и, схвативъ толстый томъ, стала быстро перелистывать страницы. На минуту она забыла всѣ свои горести.

— Вотъ хорошо! — воскликнула она. — „Французская революція“ Карлейля. Мнѣ очень хотѣлось прочесть ее!

— А я не хочу! — сказала Эрменгарда. — Но папа разсердится, если я не прочту ее, и, когда я на праздникъ приѣду домой, онъ будетъ спрашивать меня, что написано въ этой книгѣ, а я ничего не понимаю въ ней. Что мнѣ дѣлать?

Сара перестала перелистывать книгу и посмотрѣла на Эрменгарду съ разгорѣвшимися щеками.

— Знаешь что! — воскликнула она. — Если ты оставишь мнѣ эти книги, я прочту ихъ, а потомъ расскажу тебѣ такъ, что ты запомнишь все.

— О, Боже! — воскликнула Эрменгарда. — Неужели ты можешь сдѣлать это?

— Да, могу, — отвѣтила Сара. — Маленькія всегда запоминаютъ все, что я имъ рассказываю.

— Если ты это сдѣлаешь, Сара, — воскликнула Эрменгарда, — и сумѣешь заставить меня все запомнить, я дамъ тебѣ все, что ты захочешь!

— Я ничего не возьму отъ тебя, — возразила Сара. — Мнѣ

нужны только твои книги. Мнѣ очень хочется прочитать ихъ!

И глаза ея расширились и заблестѣли, а щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Такъ возьми ихъ,—сказала Эрменгарда.— Я хотѣла бы, чтобы онѣ были мнѣ нужны, но я ничего, ничего не понимаю въ нихъ. Я глупа, а папа мой уменъ и хочетъ, чтобы я тоже была умная!

— Что ты скажешь своему папѣ, когда я расскажу тебѣ все такъ, что ты запомнишь мой рассказъ?—спросила Сара, просматривая одну книгу за другой.

— Онъ не долженъ ничего знать! Пусть думаетъ, что я сама читала эти книги.

— Это все равно, что лгать,—сказала Сара, опуская книгу и слегка покачавъ головой.— А ложь это большой порокъ. Почему ты не хочешь сказать отцу, что я читала ихъ и пересказала тебѣ?

— Онъ хочетъ, чтобы я сама прочла ихъ!—возразила Эрменгарда, озадаченная замѣчаніемъ Сары.

— Онъ хочетъ, чтобы ты знала, что въ нихъ написано,—сказала Сара.—И если я могу рассказать тебѣ это такъ, что ты запомнишь все, то думаю, что онъ будетъ доволенъ.

— Да, онъ будетъ доволенъ, лишь бы я знала, что въ нихъ написано, и ему все равно, какъ я выучу,—отвѣтила Эрменгарда.—А ты была бы довольна, если бы была моимъ папой?

— Не твоя вина, что...—начала Сара, но спохватилась и замолчала.

Она хотѣла сказать: „не твоя вина, что ты глупа“.

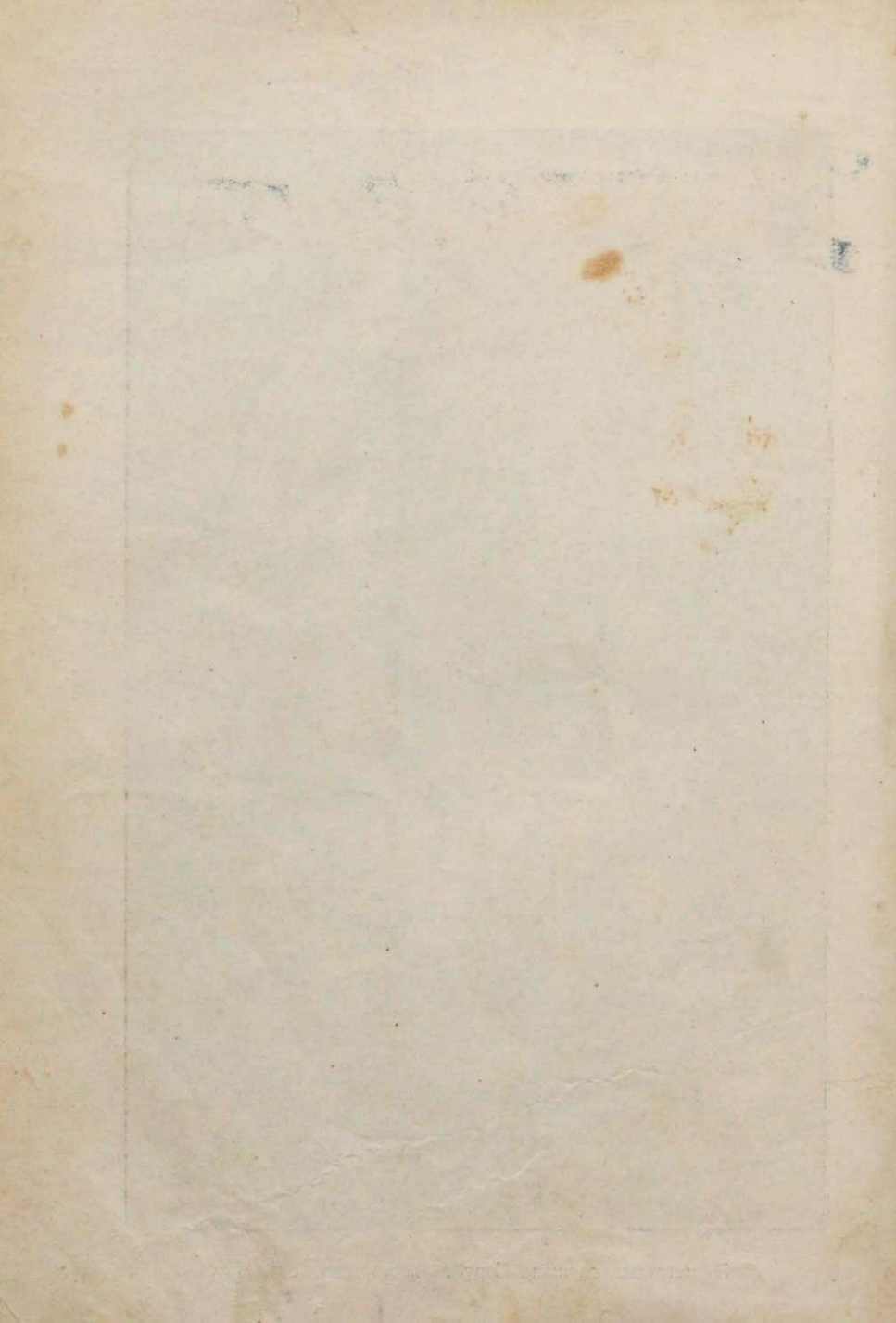
— Что что?—спросила Эрменгарда.

— Что ты не можешь быстро выучивать уроки,—поправилась Сара.—Одни могутъ, другіе нѣтъ—вотъ и все.

Она всегда относилась къ Эрменгардѣ съ нѣжностью и

Эфменгарда слушала Сару съ восторгомъ (стр. 170).

старалась, чтобы ея подруга не слишкомъ чувствовала свою неспособность учиться. Глядя на ея пухлое лицо, у Сары мелькнула недѣтская мысль.

— Къ тому же,—прибавила она,—быть умной и способной еще не такъ важно. Важнѣе всего быть доброй! Если бы миссъ Минчинъ была умной и знала все на свѣтѣ, но оставалась такой же злой, какъ теперь, ее всѣ ненавидѣли бы. Многіе умные люди дѣлали часто много зла. Напримѣръ, хотя бы Робеспьеръ.

Сара посмотрѣла на Эрменгарду, которая растерялась отъ ея взгляда.

— Развѣ ты не помнишь?—спросила она.—Я тебѣ недавно рассказывала о немъ.

— Я забыла почти все!—отвѣтила Эрменгарда.

— Хорошо, такъ подожди минутку,—сказала Сара.—Я только сниму мое мокрое платье, а потомъ закутаюсь въ одѣяло и расскажу тебѣ снова о немъ.

Сара сняла шляпу и жакетку и повѣсила ихъ на гвоздь, вмѣсто мокрыхъ башмаковъ одѣла старыя туфли и, вскочивъ на постель, натянула себѣ на плечи одѣяло.

— Теперь слушай,—сказала она, обнявъ руками колѣни.

И она такъ живо стала описывать кровавые эпизоды изъ французской революціи, что глаза Эрменгарды сдѣлались совсѣмъ круглыми отъ испуга. Тѣмъ не менѣе, она слушала съ восторгомъ, не проронивъ ни одного слова, и, вѣроятно, послѣ этого навсегда запомнила исторію о Робеспьерѣ и принцессѣ Ламбаль.

Когда Сара кончила рассказъ, дѣвочки рѣшили сообщить мистеру Сентъ-Джонъ, что всѣ книги будетъ сначала прочитывать Сара, а затѣмъ объяснять ихъ Эрменгардѣ.

— А теперь поговоримъ о другомъ,—сказала Сара.—Какъ ты справляешься со своими французскими уроками?

— Гораздо лучше послѣ того, какъ ты прошлый разъ

объяснила мнѣ спряженія Миссъ Минчинъ удивилась и не могла понять, почему я на слѣдующее утро такъ хорошо написала свои упражненія!

Сара засмѣялась и крѣпче обхватила руками свои колѣни.

— Она тоже удивляется тому, что Лотти такъ хорошо дѣлаетъ сложеніе,—сказала Сара,—и не знаетъ, что Лотти тайкомъ приходитъ сюда, и я помогаю ей.

Сара осмотрѣлась.

— А здѣсь на чердакѣ было бы недурно, если бы не было такъ плохо,—сказала она и разсмѣялась. — Но зато здѣсь хорошо представлять себѣ самыя необыкновенныя вещи.

Эрменгарда совсѣмъ не знала, какъ тяжело жилось Сарѣ, и не могла представить себѣ, какія лишенія ей приходилось переносить ежедневно. Когда же ей изрѣдка удавалось пробраться къ Сарѣ, она видѣла только ту сторону ея жизни, которую рисовала ей Сара. Иногда Эрменгарда замѣчала, что Сара была блѣдна и очень похудѣла, но не обращала на это особеннаго вниманія, потому что Сара никогда не жаловалась, хотя нерѣдко голодала, какъ и въ этотъ вечеръ. Она росла быстро, и постоянная ходьба и бѣготня за покупками вызывали у нея сильный голодъ, а между тѣмъ она питалась очень скудно и къ тому же тогда, когда кухаркѣ угодно было накормить ее.

„Вѣроятно, солдаты тоже часто голодаютъ, когда дѣлаютъ длинные и тяжелые переходы,“—часто думала Сара.

И эта мысль утѣшала ее. Кромѣ того, она была очень довольна тѣмъ, что была полной хозяйкой на своемъ чердакѣ.

— Если бы я жила въ собственномъ замкѣ,—разсуждала она,—а у Эрменгарды былъ бы другой замокъ, она навѣщала бы меня съ своими рыцарями и вассалами, которые сопро-

вождали бы ее съ развѣвающимися знаменами. И когда они, подъѣзжая къ подъемному мосту моего замка, затрубили бы въ рогъ, я вышла бы встрѣтить ее и устроила бы блестящее празднество въ парадныхъ залахъ, гдѣ менестрели воспѣвали бы ее и развлекали музыкой. Теперь же, когда она приходитъ ко мнѣ на чердакъ, я вмѣсто угощенія могу лишь рассказывать ей интересныя исторіи и скрыть отъ нея все непріятное. Мнѣ кажется, бѣдныя владѣтельницы замковъ тоже дѣлаютъ такъ, когда, послѣ нашествія враговъ, имъ приходится голодать вмѣстѣ съ народомъ!

Сара воображала себя тоже маленькой владѣтельницей замка и гостепріимно предлагала своимъ гостямъ все, что могла—свои сны, мечты и фантазіи, въ которыхъ сама находила столько утѣшенія.

Итакъ, сидя рядомъ съ Сарой на постели и слушая ея рассказъ, Эрменгарда даже не подозрѣвала, что ея подруга совсѣмъ измучена и, можетъ быть, не заснетъ въ эту ночь отъ голода.

— Я хотѣла бы тоже такъ похудѣть, какъ ты, Сара,—сказала вдругъ Эрменгарда.—Мнѣ кажется, ты еще больше похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла тебя въ послѣдній разъ! И глаза твои сдѣлались очень большими, а посмотри-ка, какъ кость выступаетъ на твоемъ локтѣ.

Сара прикрыла поднявшійся рукавъ.

— Я всегда была худенькая,—отвѣтила она,—и у меня всегда были большіе зеленые глаза.

— Мнѣ очень нравятся твои глаза, они такіе странные!—замѣтила Эрменгарда, съ восхищеніемъ глядя на Сару.—Они всегда смотрятъ куда-то далеко, далеко... Я люблю ихъ, и мнѣ очень нравится, что они зеленые, но они почти всегда бываютъ черными!

— У меня глаза, какъ у кошки!—засмѣялась Сара;—но я ничего не вижу въ темнотѣ, хотя очень хотѣла бы видѣть.

Въ эту минуту у окна на крышѣ послышался какой-то легкій шумъ, и, если бы дѣвочки оглянулись, онѣ увидѣли бы въ окнѣ смуглое лицо, которое осторожно заглянуло въ комнату и тотчасъ скрылось. У Сары былъ чуткій слухъ, она оглянулась и посмотрѣла на окно.

— Что тамъ такое?... Нѣтъ, это былъ не Мельхиседекъ,— тихо сказала она.

— О чемъ ты говоришь?—спросила тревожно Эрменгарда.

— Ты ничего не слышала?

— Н-нѣтъ!—запнулась Эрменгарда.—А ты слышала?

— Мнѣ показалось, что кто-то тихо пробирался по крышѣ.

— Кто бы это могъ быть?... Ужъ не воры ли?

— Нѣтъ,—отвѣтила улыбаясь Сара,— здѣсь нечего воров...

Сара остановилась на полусловѣ. Онѣ услышали шумъ, заставившій Сару замолчать. Шумъ раздавался не на крышѣ, а внизу на лѣстницѣ,—то былъ гнѣвный голосъ миссъ Минчинъ. Сара послѣпно соскочила съ постели и задула свѣчу.

— Она бранить Бекки,—прошептала Сара, стоя въ темнотѣ,—и Бекки плачетъ!..

— Пожалуй, она придетъ сюда?—прошептала Эрменгарда въ испугѣ.

— Нѣтъ, она думаетъ, что я сплю. Не шевелись.

Насколько помнила Сара, миссъ Минчинъ никогда не поднималась на чердакъ. Но теперь она была разгнѣвана чѣмъ-то и, поднимаясь наверхъ, казалось, гнала передъ собою Бекки.

— Вы безстыдная наглая дѣвчонка!—кричала она.—Кухарка говоритъ, что у нея уже нѣсколько разъ пропадало мясо и прочее!

— Это не я, миссъ,—оправдывалась всхлипывая Бекки.— Я была очень голодна, но это не я!

— Васъ слѣдовало бы посадить въ тюрьму!—продолжала

кричать миссъ Минчинъ.—Утащить цѣлую половину пирога! Вѣдь это воровство!

— Это не я,—съ плачемъ увѣряла Бекки.—Я была такъ голодна, что могла бы съѣсть цѣлый пирогъ, но я не тронулась до него.

Миссъ Минчинъ задыхалась отъ гнѣва и подъема по лѣстницѣ. Пирогъ она сама собиралась съѣсть за ужиномъ. Дѣвочкамъ показалось, что она деретъ Бекки за уши.

— Не лгите!—кричала она.—Сю минуту ступайте въ вашу комнату!

Сара и Эрменгарда слышали звукъ пощечины и затѣмъ шаги Бекки, бѣжавшей въ своихъ стоптанныхъ сапогахъ по лѣстницѣ на чердакъ. Затѣмъ онѣ слышали, какъ она затворила за собою дверь и бросилась на постель.

— Я могла бы съѣсть даже два пирога!—съ плачемъ говорила Бекки,—но я не тронула ни одного кусочка! Кухарка сама съѣла его!

Сара стояла въ темнотѣ посреди комнаты, крѣпко стиснувъ свои маленькіе зубы и гнѣвно сжимая руки. Она едва могла стоять спокойно. Наконецъ миссъ Минчинъ спустилась внизъ и все затихло.

— Злая, жестокая женщина!—невольно вырвалось у Сары.—Кухарка всегда беретъ себѣ самые лакомые куски и потомъ обвиняетъ въ пропажѣ ихъ Бекки, которая никогда не тронетъ ничего чужого и иногда съ голоду подбираетъ даже брошенные корки!

Сара закрыла лицо руками и такъ зарыдала, что Эрменгарда испугалась. Сара плачетъ!.. Сара, которая никогда не плакала!.. Что это значить? Вдругъ въ головѣ доброй, но недалъновидной дѣвочки мелькнула ужасная мысль. Она сползла съ постели, подошла къ столу и, чиркнувъ спичку, зажгла свѣчу, а затѣмъ бросилась къ Сарѣ и заглянула ей въ лицо.

— Сара,—сказала она въ смущеніи,—ты... ты... никогда не говорила мнѣ... я не хочу обидѣть тебя... но... ты бываешь голодна?...

Сара отняла руки отъ лица и страстно заговорила:

— Да, бываю голодна! А сегодня я такъ голодна, что могла бы съѣсть даже тебя! Но бѣдная Бекки еще болѣе голодна.

— О, Боже!—вскричала Эрменгарда,—а я не знала этого!

— Я не хотѣла, чтобы ты знала,—сказала Сара.—Мнѣ тогда казалось бы, что я уличная нищая!.. Я и теперь похожа на нищую!

— Нѣтъ. Сара, ты совсѣмъ не похожа на нищую!—прервала ее Эрменгарда.—Твоя одежда немного поношена, но ты не можешь быть похожа на нищую. У тебя лицо не такое, какъ у нищей!

— Однажды маленькій мальчикъ изъ милости подаль мнѣ шесть пенсовъ,—усмѣхаясь, съ горечью сказала Сара.—Вотъ они!—и она сняла съ шеи ленточку съ монетой.—Онъ не далъ бы мнѣ этой монеты, полученной имъ въ подарокъ на Рождество. если бы я не была похожа на нищую.

При видѣ маленькой монетки дѣвочки засмѣялись, хотя у обѣихъ были слезы на глазахъ.

— Кто этотъ мальчикъ?—спросила Эрменгарда, разглядывая монету.

— Это милый, маленькій мальчикъ съ толстыми ножками, котораго я называю Гью Кларенсъ. Вѣроятно, его дѣтская была завалена рождественскими подарками и корзинками съ пирожнымъ. А когда онъ вышелъ, чтобы ѣхать на какой-то праздникъ, и увидѣлъ меня около подъѣзда, то, вѣроятно, подумалъ, что у меня нѣтъ ничего, и подаль мнѣ свои шесть пенсовъ.

Эрменгарда отступила на шагъ. Слова Сары напомнили ей о чемъ-то.

— О, Сара!—воскликнула она.—Какая я нехорошая, что не подумала объ этомъ раньше. Какъ разъ сегодня моя любимая тетя прислала мнѣ цѣлый ящикъ съ разными вкусными вещами. Я еще не дотрагивалась до нихъ, потому что слишкомъ наѣлась за обѣдомъ пуддинга, и меня очень огорчили книги, которыя мнѣ прислалъ папа. Тетя прислала мнѣ сладкій пирогъ, пирожки съ мясомъ и съ вареньемъ, сладкія булки, апельсины, изюмное вино, шоколадъ и многое другое. Я проберусь тихонько въ мою комнату и принесу сюда все.

Сара сжала руку Эрменгардѣ.

— Удастся ли тебѣ сдѣлать это?—спросила Сара.

— Конечно!

И Эрменгарда побѣжала къ двери, осторожно отворила ее и стала прислушиваться.

— Лампы потушены,—сказала она Сарѣ.— Всѣ спятъ. Я пойду такъ тихо, что никто не услышитъ.

— Эрми!—воскликнула Сара, и глаза ея заблестѣли отъ удовольствія.—Представимъ себѣ, что у насъ будетъ большой праздникъ!.. Но... развѣ ты не пригласишь узницу изъ сосѣдней камеры?..

— Да! да! постучи въ стѣну. Палачъ не услышитъ!

Сара подошла къ стѣнѣ и постучала въ стѣну четыре раза.

— Это значитъ: „Приходи ко мнѣ черезъ потайной ходъ подъ стѣной,—объяснила она.—Мнѣ надо сказать тебѣ кое-что“.

Въ отвѣтъ на это Бекки стукнула пять разъ.

— Она сейчасъ придетъ,—пояснила Сара.

Минуту спустя дверь отворилась, и вошла Бекки. Глаза ея были красны отъ слезъ, а чепчикъ съѣхалъ на-сторону. Увидѣвъ Эрменгарду, она стала нервно тереть лицо передникомъ.

— Не стѣсняйся, Бекки, — сказала ей Эрменгарда.

— Миссъ Эрменгарда приглашаетъ тебя на праздникъ, — сказала ей Сара, — она сейчасъ принесетъ сюда цѣлый ящикъ вкусныхъ вещей.

Эти слова такъ обрадовали Бекки, что чепчикъ ея чуть не слетѣлъ съ головы.

— Вкусныхъ, миссъ? — радостно спросила она.

— Да, вкусныхъ! — отвѣтила Сара. — И мы представимъ себѣ, что у насъ сегодня праздникъ!

— И вы будете ѣсть, Бекки, сколько захотите, — прибавила Эрменгарда. — Я сейчасъ принесу сюда все.

И она поспѣшно вышла на цыпочкахъ изъ комнаты, не замѣтивъ, какъ уронила свою красную шаль.

— О, миссъ! о, миссъ! — воскликнула радостно Бекки. — Это вы попросили ее пригласить меня! И, когда я думаю объ этомъ, мнѣ хочется плакать! — и она посмотрѣла на Сару съ невыразимой любовью.

А въ глазахъ Сары заблестѣлъ прежній огонекъ, и въ воображеніи ея рисовался уже другой міръ. Здѣсь, на чердакѣ, въ эту холодную ночь, послѣ того, какъ она такъ много ходила по грязнымъ улицамъ и видѣла голодные глаза маленькой нищенки, которыхъ она не могла забыть, это маленькое происшествіе казалось волшебнымъ.

Сара вздохнула съ облегченіемъ.

— Послѣ худого всегда случается что-нибудь хорошее! Даже когда кажется, что надѣяться не на что. Если бы я только всегда это помнила! — сказала она и ободряюще пожала Бекки руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо плакать! Намъ надо скорѣе накрыть столъ!

— Накрыть столъ, миссъ? — спросила Бекки, оглядывая комнату. — Что же мы накроемъ?..

Сара также осмотрѣлась.

— Да, кажется, здѣсь ничего нѣтъ! — отвѣтила она смѣясь и вдругъ замѣтила на полу красную шаль Эрменгарды. — Вотъ прекрасная скатерть! — воскликнула она. — Я знаю, что Эрменгарда не обидится, — накроемъ ее на столъ!

Онѣ выдвинули старый столъ и накрыли его шалью. Красная скатерть придавала всей комнатѣ очень уютный видъ.

— Ахъ, какъ красивъ былъ бы на полу красный коверъ! — воскликнула Сара. — Представимъ себѣ, что полъ покрытъ краснымъ ковромъ! — и она съ восхищеніемъ оглянула голыя доски, на которыхъ, какъ ей казалось, уже лежалъ коверъ.

— И какой онѣ мягкій и толстый! — сказала она съ улыбкой, осторожно ступая и какъ бы чувствуя подъ ногами коверъ.

Бекки все время молча съ восхищеніемъ смотрѣла на нее.

— А что будетъ дальше? — спросила Сара, закрывъ глаза руками. — Если я подожду немного, волшебникъ навѣрное скажетъ мнѣ! — тихо прошептала она.

— Вотъ! нашла! — воскликнула Сара черезъ минуту съ сіяющимъ лицомъ. — Надо поискать въ моемъ старомъ сундукѣ, который былъ у меня, когда я была принцессой.

И она подбѣжала къ сундуку, который стоялъ въ углу, и опустилась передъ нимъ на колѣни. Въ немъ не было ничего, кромѣ хлама. Но Сара знала, что найдетъ что-нибудь подходящее. Въ уголокѣ лежалъ маленькій пакетикъ, который миссъ Минчинъ не замѣтила въ сундукѣ, и Сара нашла его и хранила какъ дорогую память. Въ немъ была дюжина маленькихъ бѣлыхъ носовыхъ платковъ, отороченныхъ кружевами. Сара схватила ихъ и, весело подбѣжавъ къ столу, стала раскладывать ихъ на красной скатерти.

— Это тарелки, — сказала она Бекки. — Это золотыя та-

релки! А, это салфетки съ богатой вышивкой! Ихъ вышивали въ монастыряхъ испанскія монахини.

— Вышивали монахини, миссъ? — удивилась Бекки.

— Да, ты должна представить себѣ это и тогда ты ихъ увидишь.

— Понимаю, миссъ, — сказала Бекки, и, когда Сара снова подошла къ сундуку, она попыталась представить себѣ золотыя тарелки и вышитыя монахинями салфетки.

Когда Сара случайно оглянулась, то къ удивленію своему увидѣла, что Бекки стоитъ около стола съ закрытыми глазами, сморщивъ лицо и дѣлаетъ какія-то странныя гримасы; руки ея были опущены и напряженно вытянуты, точно она старалась поднять какую-то страшную тяжесть.

— Что съ тобою, Бекки? — воскликнула Сара. — Что ты дѣлаешь?

Бекки вздрогнула и открыла глаза.

— Я хотѣла представить себѣ, миссъ, — робко отвѣтила она, — я хотѣла увидѣть все, какъ вы! И я чуть не увидѣла. — сказала она улыбаясь — Но это очень трудно!

— Трудно потому, что ты не привыкла! — сказала привѣтливо Сара. — Но когда будешь чаще дѣлать это, тогда будетъ легче. Посмотри-ка на это!...

Сара держала въ рукѣ старую лѣтнюю шляпу съ цвѣтами, которую нашла на днѣ сундука.

— Этими цвѣтами мы украсимъ столъ, — сказала она, снимая со шляпы цвѣты. — Слышишь, какой чудесный запахъ разносится отъ нихъ?... Пожалуйста, дай мнѣ кружку и мыльницу съ умывальника. Надо ихъ поставить на середину стола.

Бекки почтительно подала ихъ Сарѣ.

— Что онѣ теперь представляютъ, миссъ? — спросила она. — Кажется, онѣ сдѣланы изъ фаянса, но я знаю, что онѣ теперь уже не такія!

— Это рѣзной бокаль,—пояснила Сара, обвивая цвѣтами кружку. — А это,—прибавила она, укладывая на мыльницу розы,—это ваза изъ настоящаго алебастра съ инкрустаціями изъ драгоценныхъ камней!

И счастливая улыбка озарила личико Сары, когда она оглядѣла украшенный столъ.

— Ахъ, какъ это красиво!—шептала Бекки.

— Если бы у насъ было что-нибудь для конфетъ,—пробормотала Сара. — А, вспомнила! — воскликнула она и снова подбѣжала къ сундуку.

Тамъ она нашла мотокъ шерсти, завернутый въ красную и бѣлую тонкую бумагу. Сара быстро сложила маленькія тарелочки изъ бѣлой бумаги, а подсвѣчникъ украсила красной бумагой и оставшимися цвѣтами.

Затѣмъ она отступила на нѣсколько шаговъ и залюбовалась столомъ, видя передъ собой не этотъ столъ, накрытый хламомъ, а другой, который ей рисовало воображеніе.

— Это все еще Бастилія, миссъ? — спросила шепотомъ Бекки, съ восхищеніемъ глядя на столъ. — Или теперь превратилось во что-то другое?

— Конечно, другое!—сказала Сара.—Это зало для торжественныхъ пировъ.

— Ахъ, какое чудесное зало! — воскликнула Бекки, съ восхищеніемъ оглядывая комнату.

— Видишь, здѣсь сводчатые потолки и галлерей для менестрелей и громадный каминъ, гдѣ пылаютъ дубовыя полѣнья. А по стѣнамъ мерцаютъ восковыя свѣчи,—фантазировала Сара.

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошла Эрменгарда съ тяжелой корзиной. Она радостно вскрикнула, неожиданно очутившись передъ украшеннымъ по праздничному столомъ.

— О, Сара! — воскликнула она. — Никто, кроме тебя, не придумалъ бы ничего подобнаго!

И Эрменгарда съ Сарой принялись выкладывать изъ корзины и разставлять на столъ пирожки, пирожные, конфеты, фрукты и вино.

— У насъ будетъ настоящій пиръ! — воскликнула Эрменгарда.

— Какъ у королевы, — прошептала Бекки.

— Знаешь что, Сара? — вдругъ радостно воскликнула Эрменгарда. — Вообразимъ, что ты принцесса и позвала насъ въ свой дворецъ на большой праздникъ!

— Но вѣдь это твой праздникъ! — возразила Сара. — И ты должна быть принцессой, а мы будемъ твоими придворными дамами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, — сказала Эрменгарда, — я такая толстая! Будь ужъ ты принцессой!

— Хорошо, если ты такъ хочешь, — согласилась Сара.

Вдругъ она вспомнила о чемъ-то и подбѣжала къ камину.

— Здѣсь брошено много бумаги и хламу! — весело воскликнула она — Если мы зажгемъ это, у насъ на нѣсколько минутъ будетъ огонь, и намъ будетъ казаться, что каминъ топится.

И Сара, чиркнувъ спичку, зажгла бумагу, которая загорѣлась яркимъ пламенемъ, освѣтившимъ всю комнату.

— Ахъ, какъ хорошо! — воскликнула она, любуясь огнемъ. — А теперь пора садиться за столъ! — добавила она, граціознымъ движеніемъ руки приглашая Эрменгарду и Бекки къ столу.

— Прошу васъ, прекрасныя дамы, — сказала она съ счастливой улыбкой, — садитесь къ столу. Мой благородный отецъ, король, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. Онъ отправился въ далекое путешествіе и приказалъ мнѣ устроить

для васъ празднество! — и, повернувъ голову въ уголь комнаты, она громко сказала: — Начинайте, менестрели!... Мы охотно послушаемъ васъ! Принцессы, — объяснила она Эрменгардъ и Бекки, — всегда приглашаютъ менестрелей на свои празднества, а теперь представьте себѣ, что тамъ въ углу галерея для менестрелей!... Прошу васъ, прекрасныя дамы! — сказала Сара, указывая на лежавшія на столѣ яства.

Но едва успѣли онѣ взять по пирожному, какъ вскочили съ мѣста и блѣднѣя стали прислушиваться, устремивъ глаза на дверь.

Кто-то тяжело поднимался по лѣстницѣ. Въ этомъ не было сомнѣнія. Онѣ узнали знакомые тяжелые шаги и поняли, что празднику наступилъ конецъ.

— Это... миссусъ! — задыхаясь пробормотала Бекки и уронила со страха свой кусокъ на полъ.

— Да, это она! — сказала Сара, и испуганные глаза ея сдѣлались еще больше на ея маленькомъ блѣдномъ личикѣ. — Миссъ Минчинъ накрыла насъ!

Миссъ Минчинъ отворила дверь и блѣдная отъ гнѣва вошла въ комнату. Взглянувъ на испуганные лица дѣвочекъ, она перевела глаза на уставленный лакомствами столъ, а затѣмъ на потухающій каминъ.

— Я подозрѣвала кое-что въ этомъ родѣ, — сказала она; — но не ожидала такой дерзости. Лавинія сказала правду!

Итакъ, дѣвочки узнали, что Лавинія, провѣдавъ какъ-то ихъ тайну, выдала ихъ. Миссъ Минчинъ подошла къ Бекки и стала бить ее по щекамъ.

— Ахъ, ты наглая дѣвчонка! — вскричала она. — Я завтра же выгоню тебя!

Сара стояла совсѣмъ спокойно, и только глаза ея дѣлались все больше, а лицо становилось блѣднѣе. Эрменгарда залилась слезами.

— Не прогоняйте ее, миссъ Минчинъ!—сказала она сквозь слезы.—Тетя прислала мнѣ корзину съ разными сластями, и... мы только хотѣли устроить маленькій праздникъ.

— Я это вижу, — грозно сказала миссъ Минчинъ. — Съ принцессой Сарой во главѣ... Это ваша, продѣлка! — обратилась она къ Сарѣ. — Эрменгарда никогда не придумала бы ничего подобнаго. И вы же, вѣроятно, украсили столъ этимъ хламомъ!... Ступай въ свою комнату!—крикнула она Бекки, топнувъ ногой.

Бекки спрятала лицо въ передникъ и, вздрагивая плечами, поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Извольте утромъ явиться ко мнѣ, а теперь предупреждаю васъ, что вы останетесь завтра безъ завтрака, обѣда и ужина!

— Я и сегодня не обѣдала и не ужинала, миссъ Минчинъ,—скромно сказала Сара.

— Тѣмъ лучше. Это будетъ вамъ хорошимъ урокомъ! Что же вы стоите? Сложите все обратно въ корзину!

И миссъ Минчинъ начала сама складывать все со стола въ корзину. При этомъ она увидѣла новыя книги Эрменгарды.

— Зачѣмъ вы принесли ихъ сюда, на этотъ грязный чердакъ?—обратилась она къ Эрменгардѣ.—Соберите ихъ и ступайте спать. Завтра вы останетесь на весь день въ своей комнатѣ, и я напишу вашему папѣ обо всемъ этомъ. Что бы онъ сказалъ, если бы зналъ, гдѣ вы были сегодня ночью?

На лицѣ Сары появилось то серьезное задумчивое и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное выраженіе, которое всегда раздражало миссъ Минчинъ.

—О чемъ вы задумались?... Что вы такъ смотрите на меня?—гнѣвно спросила она.

— Я думала...

— Что вы думали?...

— Я думала,—сказала грустно, но спокойно тихимъ голосомъ Сара, — что бы сказалъ мой папа, если бы видѣлъ меня здѣсь.

Эти слова такъ разгнѣвали миссъ Минчинъ, что она подбѣжала къ Сарѣ и встряхнула ее.

— Вы наглая дѣвчонка!—крикнула она. —Какъ вы смѣете! какъ вы смѣете!

И она сбросила со стола всѣ остатки въ корзину, сунула ее Эрменгардѣ въ руки и толкнула ее къ двери.

— Теперь думайте, сколько угодно,—сказала она Сарѣ.— Сейчасъ же ложитесь спать!

И она захлопнула дверь за собой, слѣдуя за спотыкавшейся съ тяжелой корзиной Эрменгардой, и Сара осталась одна.

Чудесный сонъ разсѣялся. Послѣдняя искра сгорѣвшей бумаги потухла въ каминѣ, оставивъ кучку черной золы; со стола все исчезло вмѣстѣ съ скатертью, а золотыя тарелки, вышитыя салфетки и ароматныя гирлянды снова превратились въ старые носовые платки, обрѣзки красной и бѣлой бумаги и оборванные искусственные цвѣты; менестрели также исчезли, и музыка замолкла. Эмили сидѣла, прислонясь къ стѣнѣ, и пристально смотрѣла вдаль. Сара подошла къ ней и подняла ее своими дрожащими руками.

— Праздникъ кончился, Эмили,—грустно сказала она.— Здѣсь нѣтъ больше принцессы! Въ Бастиліи осталась только узница!

И Сара закрыла лицо руками.

Если бы Сара не закрыла лица и взглянула на окно, то увидѣла бы Рамъ Дасса, который осторожно заглядывалъ въ комнату, какъ сдѣлалъ это часъ тому назадъ, когда у нея была Эрменгарда.

Но Сара продолжала сидѣть молча, опустивъ свою чер-

ную головку на руки и какъ бы переживая что-то тяжелое, а затѣмъ встала и тихо подошла къ постели.

— Нѣтъ, сегодня я не могу ничего представить себѣ!— пробормотала она.—Надо заснуть,—можетъ быть, увижу во снѣ что-нибудь хорошее.

И она почувствовала такую усталость, вѣроятно, отъ голода, что въ изнеможеніи присѣла на край постели.

— Какъ пріятно было бы, если бы теперь въ каминѣ пылалъ огонь,—пробормотала она,—а передъ нимъ стояло бы удобное кресло, а рядомъ съ нимъ маленькій столикъ съ теплымъ ужиномъ... и постель была бы мягкая съ чистыми простынями и большими пуховыми подушками,—продолжала она, натягивая на себя тонкое одѣяло,—и если бы... если бы...

И глаза Сары сомкнулись, и она заснула крѣпкимъ сномъ.

Сара такъ устала за день, что спала очень крѣпко. Она не проснулась бы даже тогда, если бы Мельхиседекъ со всей семьей вышелъ изъ своей норы, и его дѣти вздумали бы съ визгомъ драться, шумѣть и играть.

Но вдругъ Сара проснулась. Она сама не знала, что разбудило ее; между тѣмъ она проснулась отъ стука захлопнувагося окна. Она не видѣла, что окно закрылось за гибкой бѣлой фигурой, которая, проскользнувъ изъ него, притаилась на крышѣ, чтобы видѣть все, что будетъ происходить въ комнатѣ.

Сначала Сара продолжала лежать съ закрытыми глазами. Ей очень хотѣлось спать, но странно! — въ комнатѣ было такъ тепло и пріятно! Ей даже не вѣрилось, что она проснулась—такъ тепло и хорошо она чувствовала себя только во снѣ.

— Какой пріятный сонъ!—прошептала она.—Мнѣ совсѣмъ тепло! Я... не... хочу... просыпаться!

Дѣйствительно, это былъ сонъ. Ей казалось, что она покрыта теплымъ, прекраснымъ одеяломъ, а когда она положила на него руку, ей показалось, что оно шелковое, пуховое.

„Какой чудесный сонъ!—думала она.—Буду лежать тихо. Пусть онъ продолжается какъ можно дольше. Не надо просыпаться!“

Но, хотя она и старалась не открывать глазъ, какой-то легкій трескъ заставилъ ее проснуться. Это потрескивалъ разгоравшійся уголь въ каминѣ.

— Я проснулась, — грустно прошептала она. — Исчезъ прекрасный сонъ!

Сара открыла глаза и улыбнулась, увидѣвъ у себя въ комнатѣ то, чего тамъ никогда не было и не могло быть.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не проснулась, я все еще вижу чудесный сонъ, — прошептала она, приподнимаясь на локтѣ и озираясь кругомъ. — Я сплю еще!

Въ каминѣ горѣлъ яркій огонь; надъ нимъ кипѣлъ и клочкоталъ маленькій котелокъ; на полу былъ разостланъ толстый красный коверъ; передъ каминомъ стояло мягкое складное кресло съ подушками, около него складной столъ, покрытый бѣлой скатертью, а на немъ маленькія покрытыя крышками блюда, чашка съ блюдечкомъ и чайникъ; на постели лежало новое шелковое пуховое одѣяло; около кровати висѣлъ шелковый на ватѣ халатикъ, на полу лежали теплыя туфли, на маленькой книжной полочкѣ стояло нѣсколько книгъ, а на столѣ горѣла лампа съ розовымъ абажуромъ, уютно освѣщавшая комнату своимъ мягкимъ свѣтомъ. Комната измѣнилась какъ въ сказкѣ и превратилась въ такую, какую передъ тѣмъ рисовалась въ мечтахъ Сары.

Сара сѣла, опираясь на локоть; она дышала порывисто.

— Нѣтъ, сонъ не исчезаетъ, — шептала она. — Никогда не видѣла я такого сна!

Она не рѣшалась шевельнуться и продолжала сидѣть неподвижно. Но наконецъ она откинула одѣяло и спустила ноги на полъ съ счастливой улыбкой.

— Я сплю... и вижу, что встаю съ постели, — шептала она, прислушиваясь къ своему шепоту и оглядывая комнату. — Все это снится мнѣ и только кажется, что я вижу все это наяву!... Или я или все здѣсь заколдовано?..

— Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть, чтобы все это было настоящее!—воскликнула она.—Но какъ все это кажется настоящимъ!..

Ея вниманіе привлекъ пылавшій огонь въ каминѣ; она подошла къ нему, опустила передъ каминомъ на колѣни и протянула руки къ огню, но тотчасъ отдернула ихъ.

— Если бы это было во снѣ, огонь не обжегъ бы меня!—воскликнула Сара.

Она быстро вскочила и дотронулась до стола, до блюдъ, до ковра; потомъ подошла къ кровати и потрогала одѣяло, а затѣмъ взяла мягкій теплый халатикъ и прижала его къ груди и щекамъ.

— Онъ теплый, онъ мягкій! — прошептала она. — И онъ настоящій!

Сара набросила его себѣ на плечи и одѣла туфли.

— Онѣ тоже настоящія!... Здѣсь все настоящее!...—воскликнула она.—И я не сплю!... не сплю!...

Она подбѣжала къ книгамъ и раскрыла верхнюю. На главномъ листѣ было что-то написано, всего нѣсколько словъ:

„Маленькой дѣвочкѣ на чердакѣ. Отъ друга.“

Прочитавъ это, Сара прижала книгу къ груди и зарыдала.

— Не знаю, кто написалъ это,—прошептала она,—но у меня есть другъ, и онъ заботится обо мнѣ!

Она взяла свѣчу и пошла къ Бекки.

— Бекки, Бекки!—тихо позвала она, подойдя къ ея постели.—Проснись!

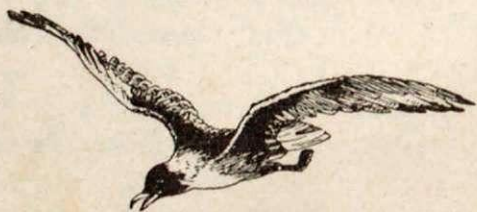
Бекки приподнялась на постели и съ изумленіемъ устремила свои заплаканные глаза на маленькую фигурку, стоявшую передъ нею съ сіяющимъ лицомъ, со свѣчей въ рукѣ и въ роскошномъ шелковомъ халатикѣ. То была принцесса Сара, совсѣмъ такая же, какой она ее помнила прежде.

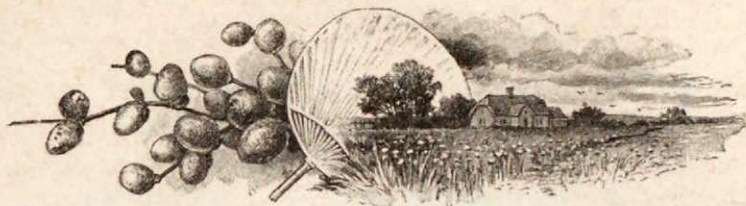
— Пойдемъ, Бекки, пойдемъ скорѣе!—сказала ей Сара.

Бекки такъ испугалась, что не могла выговорить ни слова. Она молча поднялась съ постели и послѣдовала за Сарой съ широко открытыми глазами.

Сара ввела ее въ свою теплую свѣтлую комнатку, полную разныхъ чудесныхъ вещей, при видѣ которыхъ у голодной Бекки закружилась голова.

— Это все настоящее! все настоящее! — воскликнула Сара.—Я трогала всѣ вещи, и онѣ такія же настоящія, какъ мы сами. Пока мы спали, сюда приходилъ волшебникъ и сдѣлалъ все это! Волшебникъ сжалился надъ нами и не хочетъ, чтобы намъ дальше жилось такъ худо!

ГЛАВА XVI.

Неожиданный гость.

Представьте себѣ, какъ счастливы были Сара и Бекки въ этотъ вечеръ, какъ имъ было уютно сидѣть передъ каминомъ, въ которомъ весело трещалъ огонь, и съ какимъ восхищеніемъ онѣ любовались всѣми вещами! На столѣ онѣ нашли хорошій теплый ужинъ съ горячимъ бульономъ, котораго съ избыткомъ хватило имъ обѣимъ. Кружка съ умывальника послужила Бекки чайной чашкой, и чай былъ такой вкусный, что не было надобности представлять себѣ, что это не чай, а что-то другое. Дѣвочкамъ было тепло, онѣ поужинали досыта и были счастливы. Сара такъ долго жила воображеніемъ, что привыкла принимать даже все необычайное и чудесное за дѣйствительность.

— Я не знаю никого, кто могъ сдѣлать это, — говорила она Бекки; — но здѣсь былъ кто-то!... И этотъ кто-то убралъ такъ красиво мою комнату и затопилъ каминъ! И кто бы онъ ни былъ, Бекки, этотъ кто-то мой другъ!

Но въ то время, когда онѣ, сидя у камина, утоляли свой голодь, имъ иногда становилось немножко жутко, и онѣ съ опасеніемъ посматривали другъ на друга.

— Какъ вы думаете, миссъ,—прошептала Бекки,—не можетъ ли все это вдругъ исчезнуть? Не лучше ли намъ ѣсть скорѣе?

И она поспѣшно забила себѣ въ ротъ цѣлый сандвичъ.

— Нѣтъ, это не исчезнетъ!—сказала Сара.—Я ѣмъ эту булку и чувствую ее во рту, а во снѣ никогда не чувствуешь, что ѣшь по настоящему. Кромѣ того, я щипала себя, и мнѣ было больно, а потомъ я тронула горячій уголь и обожглась.

Въ этотъ вечеръ дѣвочки долго сидѣли передъ пылавшимъ каминомъ, пока Сара случайно не взглянула на свою постель и замѣтила въ ней перемѣну.

На ней лежало лишнее одѣяло и лишняя подушка, которыя она могла отдать Бекки, и скоро дѣвочки устроили въ сосѣдней комнаткѣ такую прекрасную постель, какая никогда и не грезилась Бекки.

Уходя отъ Сары, Бекки остановилась на порогѣ и съ восхищеніемъ оглядѣла комнату.

— Если ничего этого не будетъ здѣсь завтра, миссъ,—сказала она,—оно, во всякомъ случаѣ, было здѣсь сегодня вечеромъ, и я никогда не забуду того, что здѣсь видѣла,—и она посмотрѣла на каждую вещь, какъ бы желая запомнить все какъ можно лучше.

— Тамъ былъ огонь,—продолжала Бекки, указывая на каминъ,—а передъ нимъ стоялъ столъ, лампа стоитъ вотъ тутъ, и свѣтъ отъ нея розовый, на вашей постели лежитъ шелковое одѣяло, а на полу теплый красивый коверъ и все это очень красиво... и мы ѣли супъ и сандвичи и сладкія булки... все было здѣсь!...

И убѣдившись, что все было настоящее, она вышла.

Утромъ всѣ ученицы и прислуга уже знали, что Сара въ

немилости, что Эрменгарда наказана, и что Бекки не выгнали еще до завтрака только потому, что миссъ Минчинъ трудно было найти другую служанку, которая работала бы съ утра до ночи за нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю. Что

касается Сары, старшія ученицы отлично знали, почему миссъ Минчинъ не выгнала ее; на это у нея были свои особенныя причины.

— Сара растеть такъ быстро и находить время такъ много учиться,—сказала Джесси Лавиніи,—что скоро будетъ давать уроки въ пансіонѣ и, конечно, даромъ. Вотъ почему миссъ Минчинъ не выгнала ее. И знаешь, Лавви, ты поступила гадко, рассказавъ миссъ Минчинъ, что онѣ затѣяли пиръ на чердакѣ. Отъ кого ты узнала это?

— Я выпытала это отъ Лотти. Она еще маленькая и все выболтала мнѣ. А я не нахожу ничего гадкаго въ томъ, что сказала объ этомъ миссъ Минчинъ. Это была моя обязанность,—возразила Лавинія самодовольно.—Сара устроила все это тайкомъ, — значить, она обманывала. Ужъ очень смѣшно, что она такъ важничаетъ, и на нее еще обращаютъ такъ много вниманія!

— Что онѣ дѣлали, когда ихъ накрыла миссъ Минчинъ?

— Воображали себѣ какія-нибудь глупости. Эрменгарда принесла на чердакъ цѣлую корзинку съ закусками и лакомствами, чтобы угостить Сару и Бекки. Насъ она никогда не угощаетъ. Мнѣ, разумѣется, ея угощеніе не нужно, но съ ея стороны вульгарно угощаться съ прислугой на чердакѣ. Я удивляюсь, что миссъ Минчинъ не выгнала Сару, хотя она и нужна ей какъ учительница.

— Куда бы она пошла, если бы ее выгнали? — съ участіемъ спросила Джесси.

— Не знаю!...—отрѣзала Лавинія.—Какъ-то она будетъ держать себя сегодня, когда войдетъ въ классъ?... Должно быть, ей будетъ очень неловко послѣ того, что случилось. Вчера она не обѣдала и сегодня не получить ни завтрака, ни обѣда, ни ужина.

— Это ужасно!—воскликнула Джесси.—Онѣ не имѣютъ права морить ее голодомъ!

Когда Сара утромъ вошла въ кухню, кухарка и другія служанки искоса посмотрѣли на нее; но она поспѣшно про-

шла мимо нихъ. Она и Бекки проспали немного и, не успѣвъ повидать другъ друга, поспѣшили спуститься внизъ.

Сара вошла въ судомойную, гдѣ Бекки старательно чистила котелъ, тихо мурлыкая какую-то пѣсенку.

— Одѣяло было на моей постели, миссъ, — прошептала она возбужденно и съ сіяющимъ лицомъ, — и оно настоящее, совсѣмъ такое, какъ было вечеромъ.

— И мое также, — сказала Сара. — Тамъ и теперь все стоитъ, какъ было. Одѣваясь, я поѣла немного изъ того, что мы вчера оставили.

— И слава Богу! — прошептала радостно Бекки, склоняясь снова надъ котломъ при видѣ вошедшей кухарки.

Миссъ Минчинъ, а также и Лавинія ожидали, что Сара войдетъ въ классъ смущенная и подавленная. Миссъ Минчинъ всегда негодовала, что никакое наказаніе не пугало Сару и не заставляло ее плакать: когда ее бранили, она молча и серьезно выслушивала брань, когда ее наказывали, она старательно исполняла лишнюю работу, а когда ее оставляли безъ обѣда, никогда не жаловалась и не выказывала неудовольствія. Уже то, что она никогда не отвѣчала дерзко, казалось миссъ Минчинъ дерзостью. Оставивъ ее вчера и въ этотъ день безъ пищи, миссъ Минчинъ рассчитывала, что она смирится и сойдетъ внизъ блѣдная и со слезами на глазахъ.

Въ этотъ день миссъ Минчинъ увидѣла Сару только тогда, когда она вошла въ классъ давать младшимъ ученицамъ урокъ французскаго языка. Къ ея удивленію, Сара вошла веселая, румяная и съ улыбкой на губахъ. Этого миссъ Минчинъ никакъ не ожидала.

— Что это значить?... Что случилось съ дѣвочкой?... — недоумѣвала она.

И она тотчасъ же подозвала къ себѣ Сару.

— Вы какъ будто забыли, что наказаны,—строго сказала она Сарѣ.—Неужели вы не чувствуете своей вины?

Когда ребенокъ сытно поужиналъ и долго и сладко поспалъ въ теплѣ, заснувъ среди волшебной сказки, и проснувшись видить, что это была не сказка, а дѣйствительность, онъ не можетъ быть несчастнымъ, а еслибы захотѣлъ казаться такимъ, его тотчасъ выдали бы радостный блескъ и довольное выраженіе его глазъ. Миссъ Минчинъ очень удивилась, когда замѣтила, какая радость свѣтилась въ глазахъ Сары.

— Простите, миссъ Минчинъ, — почтительно отвѣтила Сара,—я не забыла, что наказана.

— Такъ прошу не забывать этого и не смотрѣть такъ, какъ будто съ вами случилось что-то очень пріятное. Это дерзость! Повторяю вамъ, что сегодня вы не получите ни завтрака, ни обѣда, ни ужина.

— Да, миссъ Минчинъ,—спокойно отвѣтила Сара и сѣла на свое мѣсто; но сердце ея сильно забилося, когда она вспомнила вчерашній вечеръ.

„Это было бы ужасно,—подумала она,—если-бы волшебникъ не спасъ меня во-время!“

— Кажется, она совсѣмъ не голодна,—шепнула Лавинія Джесси.—Посмотри-ка на нее! Но, можетъ быть, она воображаетъ, что прекрасно позавтракала,—добавила она съ презрительной улыбкой.

— Она не похожа на другихъ!—прошептала Джесси, наблюдая за Сарой.—Иногда я даже боюсь ее немного.

— Глупости!—прервала ее Лавинія.

Всѣ удивлялись, глядя на румяное сіяющее лицо Сары. Служанки перешептывались, а маленькіе голубые глаза миссъ Амеліи смотрѣли на нее съ какимъ-то недоумѣніемъ. Она не могла понять, какъ можно быть такой довольной при

такомъ тяжеломъ наказаніи. Впрочемъ, это бывало съ Сарой и раньше.

„Вѣроятно, она изъ упрямства хочетъ доказать, что насколько не огорчена наказаніемъ и не боится его,“ думала миссъ Амелія.

А Сара между тѣмъ обдумала все и рѣшила сохранить въ тайнѣ чудесное превращеніе своей комнаты. Если же миссъ Минчинъ снова вздумаетъ подняться на чердакъ, то, конечно, узнаетъ все. Но она едва ли придетъ наверхъ, если только не заподозритъ чего-нибудь. За Эрменгардой и Лотти будутъ зорко слѣдить, и онѣ не посмѣютъ уходить изъ своихъ спаленъ. Но Эрменгардѣ можно рассказать все,—она не проболтнется. А если Лотти узнаетъ что-нибудь, ее тоже можно попросить не рассказывать объ этомъ никому. Можетъ быть, самъ волшебникъ поможетъ скрывать его чудеса...

— Но что бы ни случилось,—говорила себѣ Сара,—что бы ни случилось, я знаю, что обо мнѣ заботится добрый человѣкъ, и что онъ мой другъ. И если я никогда не узнаю, кто онъ, и не буду имѣть возможности поблагодарить его, я все-таки знаю теперь, что я не такъ одинока, какъ прежде!

Погода въ этотъ день была еще хуже, чѣмъ наканунѣ, и Сару очень часто посылали съ разными порученіями. Зная, что Сара въ опалѣ, кухарка была съ нею еще раздражительнѣе и грубѣе. Но что значило все это послѣ того, какъ добрый волшебникъ принялъ въ ней такое теплое участіе! Наканувъ вечеромъ Сара сытно поужинала, хорошо выпалась на теплой мягкой постели и знала, что если проголодается за день, то во всякомъ случаѣ вечеромъ сытно поужинаетъ.

Весь день ей пришлось ходить по дождю и слякоти съ разными порученіями. Когда же она вечеромъ вернулась домой, ей приказали идти въ классъ учиться до десяти ча-

совѣ. Но она увлеклась уроками и просидѣла за ними такъ долго, что очень поздно поднялась къ себѣ на чердакъ.

Когда она достигла послѣдней площадки и остановилась передъ дверью своей комнаты, сердце ея забилось тревожно.

— Можетъ быть, оттуда уже все унесли! — прошептала она.

Сара толкнула дверь и войдя слегка вскрикнула. Затворивъ дверь, она прислонилась къ ней и, вздохнувъ съ облегченіемъ, стала осматриваться.

Оказалось, что волшебникъ опять навѣстилъ ее. Каминъ пылалъ яркимъ, веселымъ огнемъ, а въ комнатѣ появилось такъ много новыхъ вещей, что Сара едва вѣрила своимъ глазамъ. На столѣ опять стоялъ горячій ужинъ, и теперь тутъ же были тарелки и чашка для Бекки. Старая сломанная каминная доска была покрыта красивой матеріей съ вышивками, а на ней были разставлены разныя украшенія и вазы. Все неприглядное изъ прежней обстановки, а также и грязныя стѣны были красиво задрапированы. По стѣнамъ были развѣшаны нѣсколько прекрасныхъ вѣровъ, а на полу стояло нѣсколько пуфовъ для сидѣнья. Старый сундукъ былъ покрытъ толстымъ ковромъ и подушками и подходилъ на диванъ.

Сара тихо отошла отъ двери, продолжая осматриваться.

— Это точно въ волшебной сказкѣ! — прошептала она. — Точно сказка сбывается наяву! И если бы я пожелала себѣ брилліантовъ или золотыхъ украшеній, они навѣрное тоже появились бы, и я нисколько не удивилась бы этому. Развѣ это мой чердакъ?... Развѣ я все та же изыбшая, одѣтая въ лохмотья Сара!... Я всегда хотѣла видѣть сказку наяву. И вотъ, мое желаніе исполнилось! Я живу въ сказкѣ и чувствую, какъ сама становлюсь сказкой и могу измѣнить любую вещь во что угодно!

Сара встала и постучала въ стѣну узницъ въ сосѣдней камерѣ.

Бекки тотчасъ пришла къ Сарѣ и обомлѣла отъ изумленія.

— Господи, что это!—задыхаясь воскликнула она, оглядывая комнату.

— Видишь, сюда опять приходилъ волшебникъ!—сказала Сара.

Въ этотъ вечеръ Бекки сидѣла передъ каминомъ на пуфѣ и пила чай изъ собственной чашки съ блюдечкомъ.

Подойдя къ постели, Сара увидѣла на ней новый толстый матрацъ и пуховыя подушки. А ея старый матрацъ съ подушками былъ перенесенъ на кровать Бекки.

— Откуда все это, миссъ?—спросила Бекки.

— Не знаю и не хочу знать!—отвѣтила Сара.—Эта таинственность мнѣ нравится, и я только жалѣю, что не могу поблагодарить моего друга-волшебника!

Чудесная сказка продолжалась. Почти каждый день, какъ только Сара вечеромъ отворяла дверь въ свою комнатку, она замѣчала въ ней какія-нибудь новыя вещи или украшенія, и скоро ея комната измѣнилась до неузнаваемости. Некрасивыя стѣны все были завѣшаны драпировками и картинами, въ комнатѣ была разставлена красивая складная мебель и повѣшена полка, уставленная книгами. Однимъ словомъ, вся комната была убрана съ такимъ комфортомъ, что больше, казалось, уже нечего было желать.

Когда Сара утромъ спускалась внизъ, на столѣ оставались остатки ужина, а когда она вечеромъ возвращалась на чердакъ, вмѣсто нихъ на столѣ стоялъ уже свѣжій вкусный ужинъ. Миссъ Минчинъ была попрежнему сурова съ Сарой; прислуги, по обыкновенію, обращались съ ней грубо, а миссъ Амелія была раздражительна съ ней, и ее какъ всегда бранили и посылали за покупками во всякую погоду. Съ Эрменгардой и Лотти ей не позволяли разговаривать, Лавинія продолжала насмѣхаться надъ ея поношен-

нымъ платьемъ, а другія дѣвочки съ любопытствомъ смотрѣли на нее, когда она входила въ классъ. Но какое ей было дѣло до всего этого, пока она жила въ чудесной волшебной сказкѣ? Эта сказка спасала ее отъ отчаянія. Иногда, когда ее бранили, она едва могла скрыть улыбку.

„Если бы онѣ только знали! — думала она. — Если бы онѣ только знали!...“

Возвращаясь вечеромъ домой, промокшая, усталая и голодная, Сара знала, что ее ждетъ въ ея комнатѣ горячій ужинъ и затопленный каминъ. И эта увѣренность поддерживала ее. Вскорѣ она немного пополнила, на щекахъ ея появился румянецъ, и ея глаза уже не казались такими большими какъ раньше.

— Сара удивительно пополнила, — сказала однажды миссъ Минчинъ недовольнымъ тономъ своей сестрѣ.

— Да, она очень поздоровѣла и пополнила, — отвѣтила простодушно миссъ Амелія. — А раньше она походила на маленькую голодную ворону!

— Голодную! — гнѣвно оборвала ее миссъ Минчинъ. — Съ какой стати ей казаться голодной? Ее всегда кормятъ хорошо!

— Конечно, конечно! — скромно согласилась миссъ Амелія, испугавшись своего замѣчанія, которое, какъ всегда, сдѣлано было некстати.

— Это очень непріятно видѣть въ дѣвочкѣ ея лѣтъ, — сказала неопредѣленно миссъ Минчинъ.

— Что непріятно видѣть? — боязливо спросила миссъ Амелія.

— Ея вызывающую заносчивость! — отвѣтила съ досадой миссъ Минчинъ. — Всякій другой ребенокъ смирился бы при той перемѣнѣ, которую она пережила. Но она, кажется, совсѣмъ не подавлена этимъ и держитъ себя попрежнему, какъ принцесса.

— А помнишь, сестра,— сказала миссъ Амелія,— что она однажды въ классѣ сказала тебѣ, когда ты ударила ее и спросила, о чемъ она думаетъ? Она отвѣтила тебѣ: „я думала о томъ, что бы вы сдѣлали, миссъ Минчинъ, если бы...“

— Нѣтъ, не помню!— прервала ее миссъ Минчинъ.— Не болтай глупостей!

Но она хорошо помнила слова Сары.

Немудрено, что и Бекки тоже пополнила и порозовѣла. Она тоже участвовала въ волшебной сказкѣ. У нея было два матраца, двѣ подушки и теплое одѣяло, и каждый вечеръ она ужинала и сидѣла на подушкахъ передъ топившимся каминомъ. Бастилія исчезла вмѣстѣ съ узницами, и мѣсто ихъ на чердакѣ занимали теперь двѣ счастливыя дѣвочки среди окружающихъ ихъ чудесъ.

Иногда вечеромъ Сара читала вслухъ книгу или готовила свои уроки, а иногда, задумчиво сидя передъ пылающимъ каминомъ, пыталась представить себѣ своего друга-волшебника, которому ей очень хотѣлось рассказать все, что накопилось у нея на душѣ.

Вскорѣ опять случилось нѣчто необыкновенное. Пришелъ посыльный и оставилъ нѣсколько пакетовъ. На нихъ было крупными буквами написано: „Маленькой дѣвчкѣ на чердакѣ, направо отъ входа“.

Случилось, что послали Сару открыть ему дверь. Она приняла пакеты и, положивъ два самыхъ большихъ изъ нихъ на столъ въ передней, прочитала надпись. Въ это время миссъ Минчинъ спускалась по лѣстницѣ и, увидѣвъ пакеты, строго сказала ей:

— Снесите вещи той молодой лэди, которой онѣ адресованы. Что вы засмотрѣлись на нихъ?

— Онѣ присланы мнѣ,— спокойно отвѣтила Сара.

— Присланы вамъ?— воскликнула миссъ Минчинъ съ изумленіемъ.— Кто же прислалъ ихъ вамъ?

— Не знаю, кто прислалъ ихъ, но онѣ адресованы мнѣ. Я сплю на чердакѣ направо, а Бекки спитъ въ комнатѣ налѣво.

Миссъ Минчинъ подошла и посмотрѣла на пакеты съ взволнованнымъ видомъ.

— Что въ нихъ?—спросила она.

— Не знаю,—отвѣтила Сара.

— Разверните ихъ,—приказала миссъ Минчинъ.

Сара развернула пакеты, и на лицѣ миссъ Минчинъ появилось странное выраженіе при видѣ бывшихъ въ нихъ вещей. Тамъ были красивыя платья, сапоги, чулки, перчатки, теплое прекрасное пальто, красивая шляпа и зонтикъ. Всѣ вещи были хорошія и дорогія. На приколотой къ пальто бумажкѣ было написано: „Носить все это каждый день. Когда износятся, замѣнять новыми“.

Миссъ Минчинъ очень взволновалась. Неужели она ошиблась, и у этой нищей дѣвочки есть богатый родственникъ? Можетъ быть, этотъ родственникъ узналъ, гдѣ она находится, и рѣшилъ позаботиться о ней такимъ таинственнымъ образомъ. Родственники иногда бываютъ съ большими странностями, въ особенности богатые дяди-холостяки, которые не хотятъ имѣть около себя дѣтей, а предпочитаютъ издали слѣдить и заботиться о своихъ маленькихъ родственникахъ. Это большею частью люди обидчивые и съ большими причудами. Было бы очень непріятно, если бы у Сары нашелся такой родственникъ, — онъ тотчасъ узналъ бы, въ какомъ обтрепанномъ платьѣ она ходитъ, какъ часто голодаетъ и какъ много работаетъ. Миссъ Минчинъ очень встревожилась и искося посмотрѣла на Сару.

— Очевидно, кто-то принимаетъ въ васъ большое участіе,—сказала она Сарѣ такъ ласково, какъ не говорила съ тѣхъ поръ, какъ дѣвочка потеряла отца.—Такъ какъ эти вещи присланы вамъ, и ихъ замѣнять новыми, когда

онѣ износятся, то подите и переодѣньтесь теперь же, а потомъ, приходите въ классъ учить свои уроки. Сегодня вамъ не надо будетъ никуда выходить.

Полчаса спустя дверь отворилась, и Сара вошла въ классъ. Всѣ дѣвочки съ изумленіемъ смотрѣли на нее.

— Посмотри-ка, Лавви, на принцессу Сару!—шепнула Джесси, толкнувъ подругу локтемъ.

Лавинія посмотрѣла на Сару и покраснѣла отъ зависти.

Это была, дѣйствительно, принцесса Сара. Она совсѣмъ не походила на ту Сару, которую онѣ часа два тому назадъ видѣли спускавшейся по черной лѣстницѣ. Теперь она была одѣта въ красивое шерстяное платье, на ея изящныхъ ножкахъ блестѣли новые башмаки, а ея густые темные волосы были перевязаны лентой.

Вѣроятно, она получила наслѣдство,—шепнула подругѣ Джесси.—Я всегда думала, что съ ней случится что-нибудь необычайное. Она такая странная!..

— Можетъ быть, она опять получила алмазныя розсыпи?—сказала съ усмѣшкой Лавинія.—Что ты тарачишь такъ глаза на нее? Это глупо!

— Садитесь на свое мѣсто, Сара,—сказала миссъ Миичинъ.

И въ то время, какъ всѣ дѣвочки продолжали съ нескрываемымъ изумленіемъ и любопытствомъ смотрѣть на Сару, она спокойно заняла свое прежнее почетное мѣсто и склонилась надъ своими книгами.

Въ этотъ вечеръ, поужинавъ съ Бекки въ своей комнатѣ, Сара долго задумчиво смотрѣла на пылающій въ каминѣ огонь.

— Вы представляете себѣ что-нибудь, миссъ?—спросила ее Бекки, нѣжно глядя на Сару.

Когда Сара, сидя передъ каминомъ, мечтательно смотрѣла на огонь, это всегда означало, что она придумываетъ какую-нибудь новую исторію.

— Нѣтъ,—отвѣтила она качая головой.—Я думаю совсѣмъ о другомъ.

Бекки почтительно и нѣжно посмотрѣла на нее. Она относилась съ благоговѣніемъ ко всему, что говорила и дѣлала Сара.

— Я все думаю о моемъ другѣ, — объяснила Сара.— Кажется, онъ не хочетъ, чтобы я знала, кто онъ, и потому было бы неприлично стараться узнать это. Но я очень хотѣла бы, чтобы онъ зналъ, какъ я ему благодарна, и какой счастливой онъ меня сдѣлалъ! Всякому доброму человѣку пріятно знать, что онъ сдѣлалъ кого-нибудь счастливымъ, и это ему пріятнѣе всякой благодарности. Я хотѣла бы... хотѣла бы...

И она вдругъ замолчала, увидѣвъ на столѣ ящикъ съ письменнымъ приборомъ, появившійся въ ея комнатѣ всего два дня тому назадъ. Въ немъ лежала бумага, конверты, перья и чернила.

— И какъ это я раньше не подумала объ этомъ?—воскликнула Сара, подходя къ ящичку и вынимая изъ него листъ почтовой бумаги и перо.

— Я напишу ему, весело сказала она, и оставлю письмо на столѣ. Можетъ быть, тотъ, кто уноситъ остатки ужина, съ посудой возьметъ и письмо. Я только поблагодарю его въ письмѣ. Надѣюсь, что онъ не обидится на это.

И Сара написала слѣдующее письмо:

„Надѣюсь, вы не обидитесь на меня, что я пишу вамъ, несмотря на то, что вы хотите остаться неизвѣстнымъ. Пожалуйста, не подумайте, что я настолько невѣжлива, что хочу вывѣдать что-нибудь о васъ; я хочу только поблагодарить васъ за вашу сердечную доброту ко мнѣ и за то, что вы измѣнили все вокругъ меня, какъ въ волшебной сказкѣ. Я очень, очень благодарна вамъ и очень счастлива, и Бекки тоже. Намъ обѣимъ все это кажется какимъ-то

чудеснымъ сномъ. Мы были такъ одиноки, такъ зябли и голодали, а теперь вдругъ,—подумать только!—сколько вы сдѣлали для насъ!.. А потому позвольте мнѣ сказать вамъ: Благодарю васъ, благодарю васъ, благодарю васъ!

Дѣвочка, живущая на чердакѣ.“

Сара оставила утромъ письмо на столикѣ, а вечеромъ оно уже исчезло вмѣстѣ съ остатками ужина и посудой. Такимъ образомъ, она къ своему удовольствію узнала, что ея другъ-волшебникъ получилъ ея письмо.

Вечеромъ она взяла одну изъ новыхъ книгъ и стала чи-

тать ее вслухъ Бекки. Вдругъ она услышала какой-то странный стукъ въ окно и, когда подняла голову, то замѣтила, что Бекки также съ тревогой прислушивается.

— Тамъ кто-то есть, миссъ,—прошептала она.

— Да,—тихо отвѣтила Сара.—Не кошка ли царапается въ окно?

Сара подошла къ окну и вдругъ, вспомнивъ что-то, засмѣялась.

„Не обезьянка ли это?—подумала она.—Она сегодня такъ грустно сидѣла на окнѣ кабинета индѣйскаго джентльмена.“

— Должно быть, это обезьяна!—сказала Сара обрадовавшись.—Вѣроятно, она опять убѣжала! Я бы очень хотѣла, чтобы это была она!

Сара взобралась на стулъ и, приотворивъ окно, выглянула. На крышѣ лежалъ снѣгъ, а на снѣгу у окна сидѣла скорчившись дрожащая обезьянка. Увидѣвъ Сару, она жалобно сморщила свою черную мордочку.

— Это обезьянка,—сказала Сара.—Она убѣжала съ чердака ласкара и прибѣжала сюда на свѣтъ!

Бекки подбѣжала къ Сарѣ.

— Вы впустите ее сюда, миссъ?—спросила она.

— Конечно, впусти,—весело отвѣтила Сара.—Обезьяны любятъ тепло, а на дворѣ сегодня холодно. Я заманю ее сюда.

Она осторожно протянула руку и стала ласково звать обезьяну, какъ дѣлала это съ воробьями и Мельхиседекомъ.

— Иди, иди сюда!—говорила она.—Я согрѣю тебя!

Обезьянка уже знала, что Сара не обидитъ ее. Она позволила взять себя на руки и внести въ комнату.

Очутившись у Сары на рукахъ, она прижалась къ ней и, глядя на нее, взяла въ лапки прядь ея волосъ.

— Хорошая, милая обезьянка!—говорила Сара, цѣлуя ея смѣшную головку и садясь къ огню.—Какъ я люблю звѣрюшекъ!..

Обезьянкѣ, видимо, было очень пріятно у огня. Сидя у Сары на колѣняхъ, она съ любопытствомъ смотрѣла то на Сару, то на Бекки.

— Какая она смѣшная и безобразная, миссъ!—замѣтила Бекки.

— Да, она похожа на очень некрасиваго ребенка,—засмѣялась Сара.—Прости, пожалуйста обезьяночка, но я рада, что ты не ребенокъ. Твоя мама не стала бы гордиться тобой, и вѣдь было бы непріятно сказать, что ты похожа на кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. Но все-таки я люблю тебя!

И Сара задумалась.

— Можетъ быть, она огорчена тѣмъ, что такая некрасивая,—сказала она,—и всегда думаетъ объ этомъ. Интересно знать, есть ли у нея душа? Скажи, милая обезьянка, есть у тебя душа?

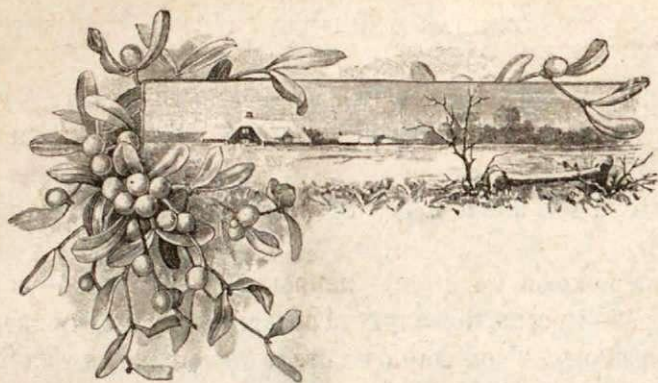
Но обезьяна только подняла свою худенькую лапку и почесала себѣ голову.

— Что вы будете дѣлать съ ней, миссъ?—спросила Бекки.

— Сегодня ночью она поспитъ со мной, а утромъ я отнесу ее индійскому джентльмену... Мнѣ очень жаль разставаться съ тобой, милый звѣрокъ, но ты должна вернуться домой и любить больше всего своего господина.

Ложась спать, Сара устроила у себя въ ногахъ теплое мѣстечко для обезьяны, и та тотчасъ свернулась и заснула, какъ ребенокъ, очень довольная своей постелью.

ГЛАВА XVII.

„Это она!“

На слѣдующій день трое дѣтей Большой семьи сидѣли въ библіотекѣ индійскаго джентльмена и старались развлечь его. Онъ самъ пожелалъ, чтобы они пришли. Въ этотъ день долженъ былъ вернуться изъ Москвы м-ръ Кэрмикель, и м-ръ Кэррисфордъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ и надеждой.

Путешествіе м-ра Кэрмикеля затянулось дольше, чѣмъ онъ ожидалъ. Прибывъ въ Москву, онъ долго не могъ найти тѣхъ русскихъ, которые усыновили дѣвочку изъ пансіона г-жи Паскаль, а когда онъ наконецъ попалъ на ихъ слѣдъ, то узналъ, что они уѣхали. Не зная, гдѣ искать ихъ, ему поневолѣ пришлось ждать въ Москвѣ ихъ возвращенія.

М-ръ Кэррисфордъ сидѣлъ въ своей качалкѣ; Джэнетъ, которую онъ любилъ больше другихъ дѣтей, расположилась вмѣстѣ съ Норой около него на полу, а Дональдъ, сидя верхомъ на головѣ шкуры огромнаго тигра, прыгалъ на ней, воображая, что ѣдетъ куда-то. Надо замѣтить, что онъ ѣхалъ верхомъ очень шумно.

— Не кричи же такъ, Дональдъ! Такъ не развлекаютъ больныхъ! Не слишкомъ ли это шумно для васъ, м-ръ Кэррисфордъ?—спросила Джэнетъ.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ, потрепавъ ее по плечу. — Это отвлекаетъ меня отъ моихъ думъ.

— Я буду сидѣть совсѣмъ тихо!—вскричалъ Дональдъ. — Мы все будемъ сидѣть такъ тихо, какъ мышки!

— Мыши такъ не шумятъ,—замѣтила Джэнетъ.

— Много мышей шумятъ такъ, а тысяча мышей шумятъ еще больше,—весело возразилъ Дональдъ, хлопая по головѣ тигра своимъ свернутымъ носовымъ платкомъ, какъ уздою.

— Даже пятьдесятъ тысячъ мышей не шумятъ такъ,— строго сказала Джэнетъ;— а мы должны сидѣть такъ тихо, какъ одна мышка.

М-ръ Кэррисфордъ смѣясь потрепалъ ее снова по плечу.

— Скоро пріѣдетъ папа!—сказала она.—Не поговорить ли намъ немного о пропавшей маленькой дѣвочкѣ?

— Теперь я не могъ бы говорить ни о чемъ другомъ,— отвѣтилъ съ усталымъ видомъ м-ръ Кэррисфордъ.

— Мы ее очень, очень любимъ,—сказала Нора,— и называемъ ее маленькой несказочной принцессой!

— Почему же несказочной?—спросилъ м-ръ Кэррисфордъ, котораго развлекала болтовня дѣтей.

— Потому,—отвѣтила Джэнетъ,— что она не совсѣмъ сказочная; но когда ее найдутъ, она будетъ такъ богата, какъ принцесса въ сказкѣ. Мы называли ее сначала сказочной принцессой, но это не совсѣмъ подходило къ ней.

— Правда ли,—спросила Нора,—что ея папа отдалъ всѣ свои деньги своему другу на разработку алмазныхъ розсыпей, а потомъ другъ его подумалъ, что потерялъ все и бѣжалъ, считая себя воромъ?

— Но ты же знаешь, что онъ не былъ воромъ,—поспѣшно возразила Джэнетъ.

— Нѣтъ, онъ не былъ воромъ,—сказалъ м-ръ Кэррисфордъ, схвативъ ее за руку.

— Мнѣ очень жаль этого друга,—замѣтила Джэнетъ.— Онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, и это чуть не убило его!

— Ты разсудительная дѣвочка, Джэнетъ!—сказалъ м-ръ Кэррисфордъ, сжавъ ея ручку.

— А рассказали вы м-ру Кэррисфорду про „бѣдную дѣвочку, но не нищую“?—вскричалъ Дональдъ.—Сказали вы ему, что у нея теперь новыя красивыя платья? Должно быть, она тоже пропадала, и теперь ее нашли!..

— Кэбъ подъѣхаль!—воскликнула Джэнетъ.—Онъ остановился у подъѣзда. Это папа!

Дѣти бросились къ окну, чтобы посмотреть.

— Да, это папа!—объявилъ Дональдъ.—Но съ нимъ нѣтъ маленькой дѣвочки.

И всѣ трое выбѣжали въ переднюю. Они всегда такъ встрѣчали отца. Слышно было, какъ они прыгали, хлопали въ ладоши, а отецъ ихъ подымалъ и цѣловалъ.

М-ръ Кэррисфордъ хотѣлъ-было подняться, но снова безсильно опустился въ свое кресло.

— Не могу!—прошепталъ онъ.—Какая же я развалина!

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣти, — раздался въ передней голосъ м-ра Кэрмикеля.—Мнѣ надо поговорить съ м-ромъ Кэррисфордомъ, а потомъ вы опять можете придти. Поиграйте пока съ Рамъ Дассомъ.

Затѣмъ дверь отворилась, и вошелъ м-ръ Кэрмикель. Онъ былъ какъ будто румянѣе обыкновеннаго, и отъ него такъ и вѣяло свѣжимъ воздухомъ и здоровьемъ; но въ глазахъ его виднѣлась грусть и тревога, когда онъ, пожимая руку больного, встрѣтилъ его вопросительный и нетерпѣливый взглядъ.

— Какія вѣсти?—нетерпѣливо спросилъ м-ръ Кэррисфордъ.—Дѣвочка, усыновленная русскими...

— Не та, которую мы ищемъ,—закончилъ м-ръ Кэрмикель.—Она гораздо моложе дочери капитана Крю. Ее зовутъ Эмилией Кэрю. Я видѣлъ ее и говорилъ съ нею. Усыновившіе ее русскіе сообщили мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Рука м-ра Кэррисфорда безсильно упала на колѣни, и онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на своего повѣреннаго.

— Значить, надо снова начинать поиски!—сказалъ онъ.—Пожалуйста, садитесь!

М-ръ Кэрмикель сѣлъ. Онъ очень привязался къ этому

больному, несчастному человѣку. Самъ онъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ и былъ счастливъ въ окружавшей его любящей семьѣ и потому не могъ не отнестись съ состраданіемъ къ несчастному м-ру Кэррисфорду. Если бы здѣсь въ домѣ раздавался веселый звонкій голосокъ, онъ не былъ бы такъ печаленъ и одинокъ, какъ теперь. Какъ тяжело видѣть человѣка, котораго постоянно угнетаетъ мысль, что по его винѣ дочь его лучшаго друга осталась безъ всякихъ средствъ на произволь судьбы!

— Успокойтесь, успокойтесь!—ободрялъ больного м-ръ Кэрмикель.—Мы найдемъ ее!

— Надо тотчасъ снова приняться за поиски! Нельзя терять времени!—волновался м-ръ Кэррисфордъ,—Гдѣ же вы думаете искать ее теперь?

М-ръ Кэрмикель поднялся и началъ задумчиво ходить по комнатѣ.

— Не знаю, что изъ этого выйдетъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Но я много думалъ объ этомъ по пути изъ Дувра.

— О чемъ вы думали?.. Если она жива, то находится же гдѣ-нибудь!

— Мы все время искали ее въ парижскихъ пансіонахъ и школахъ. Не поискать ли и въ Лондонѣ?

— Въ Лондонѣ много учебныхъ заведеній,—замѣтилъ м-ръ Кэррисфордъ и, какъ бы вспомнивъ что-то, прибавилъ:—Кстати тутъ рядомъ тоже есть пансіонъ.

— Вотъ съ него мы и начнемъ, — онъ ближе всѣхъ, — рѣшилъ м-ръ Кэрмикель.

— Тамъ живетъ дѣвочка, которая интересуется меня,—сказалъ м-ръ Кэррисфордъ,—но она не воспитанница, а служанка. Это бѣдная, несчастная дѣвочка, которая живетъ на чердакѣ, и не можетъ быть, чтобы она была дочь бѣднаго Крю!

Въ эту минуту вошелъ Рамъ Дассъ и, почтительно поклонившись, доложилъ своему господину:

— Саибъ, пришла та дѣвочка, которую саибъ такъ жалѣеть. Она принесла обезьянку, которая опять убѣждала къ ней по крышѣ. Я попросилъ ее подождать и подумалъ, что, можетъ быть, саибу будетъ пріятно посмотреть на нее и поговорить съ ней.

— Кто эта дѣвочка?—спросилъ м-ръ Кэрмикель.

— Богъ знаетъ, кто она,—отвѣтилъ м-ръ Кэррисфордъ.— Это та самая дѣвочка, о которой я только что говорилъ вамъ, служанка изъ сосѣдней школы,—и, обращаясь къ Рамъ Дассу, онъ сказалъ:—Приведи ее сюда, я хочу видѣть ее. Во время вашего отсутствія, Кэрмикель, я приходилъ въ отчаяніе, что время тянется такъ медленно. И вотъ, Рамъ Дассъ разсказалъ мнѣ, какъ несчастна эта дѣвочка, и мы сообща придумали фантастическій планъ помочь ей. Это было ребячество съ моей стороны, но оно отвлекало меня отъ моихъ тяжелыхъ думъ. Однако, безъ помощи Рамъ Дасса нашъ планъ не удался бы.

Сара вошла въ комнату съ обезьяной на рукахъ, которая, прижавшись къ ней, болтала что-то и, очевидно, не имѣла никакого желанія разстаться съ ней.

— Ваша обезьянка опять прибѣжала сегодня ночью къ моему окну на чердакъ,—сказала Сара своимъ пріятнымъ голосомъ,—и я взяла ее къ себѣ въ комнату, потому что было очень холодно. Я принесла бы ее къ вамъ еще вчера, если бы не было такъ поздно, но я знала, что вы больны, и не хотѣла васъ тревожить.

М-ръ Кэррисфордъ смотрѣлъ на нее съ большимъ участіемъ и интересомъ.

— Это было очень внимательно съ вашей стороны,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Сара посмотрѣла на Рамъ Дасса, стоявшаго у дверей.

— Можно отдать обезьяну ласкару?—спросила она.

— Почему вы знаете, что онъ ласкаръ?—улыбаясь спросилъ м-ръ Кэррисфордъ.

— О, я знаю ласкаровъ,—отвѣтила Сара, передавая сопротивляющуюся обезьяну Рамъ Дассу.—Я родилась въ Индіи!

М-ръ Кэррисфордъ внезапно выпрямился и такъ сильно измѣнился въ лицѣ, что Сара почти испугалась.

— Вы родились въ Индіи!.. Родились въ Индіи!..—воскликнулъ онъ.—Подойдите ко мнѣ!—и онъ протянулъ ей руку.

Сара подошла къ нему и положила свою ручку въ его руку, съ удивленіемъ устремивъ на него свои сѣро-зеленые глаза и спрашивая себя: „Что случилось съ нимъ?“

— Вы живете рядомъ?—спросилъ онъ.

— Да, въ пансіонѣ миссъ Минчинъ.

— Но вы не воспитанница?

На лицѣ Сары мелькнула грустная улыбка.

— Я сама не знаю, кто я,—отвѣтила она послѣ минутнаго молчанія.

— Почему же?

— Сначала я поступила въ пансіонъ какъ воспитанница, а теперь... теперь...

— Значитъ, вы сначала были воспитанницей? А теперь?

Сара снова грустно улыбнулась.

— А теперь я сплю на чердакѣ, рядомъ съ судомойкой,—отвѣтила она,—бѣгаю за провизіей и покупками и дѣлаю все, что велитъ мнѣ кухарка. Кромѣ того, я занимаюсь съ маленькими воспитанницами.

— Разспросите ее, Кэрмикель,—сказалъ м-ръ Кэррисфордъ упавшимъ голосомъ, безсильно откидываясь на спинку кресла.—Разспросите ее, я не могу!

М-ръ Кэрмикель умѣлъ разговаривать съ дѣтьми, и Сара замѣтила это, когда онъ ласково спросилъ ее:

— Вы сказали, дитя мое, что сначала вы были воспитанницей: когда же это было?

— Когда папа привезъ меня сюда въ пансіонъ.

— А кто вашъ папа?

— Онъ умеръ, — отвѣтила Сара спокойно. — Онъ потерялъ все свое состояніе и ничего не оставилъ мнѣ. А послѣ него некому было заботиться обо мнѣ и платить за меня миссъ Минчинъ.

--- Кэрмикель! — вскрикнулъ м-ръ Кэррисфордъ. — Кэрмикель!

— Не пугайте ее, — шепнулъ ему м-ръ Кэрмикель и, снова обращаясь къ Сарѣ, спросилъ: — И тогда васъ превратили въ маленькую служанку и отвели вамъ комнату на чердакѣ. Не такъ ли?

— Да, некому было заботиться обо мнѣ, — печально повторила Сара. — Я осталась одна на свѣтѣ!

— Какъ потерялъ вашъ отецъ свое состояніе? — взволнованнымъ голосомъ спросилъ м-ръ Кэррисфордъ.

— Онъ не самъ потерялъ его, — отвѣтила Сара, все болѣе удивляясь этимъ разспросамъ. — У него былъ другъ, котораго онъ очень, очень любилъ, и этому другу онъ отдалъ всѣ свои деньги. Онъ слишкомъ много довѣрялъ своему другу.

— Но, можетъ быть, другъ его совсѣмъ не хотѣлъ, чтобы его деньги пропали! — возразилъ м-ръ Кэррисфордъ прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Можетъ быть, все это случилось по ошибкѣ, не по его винѣ!

Сара не знала, какъ сурово звучалъ ея голосокъ, когда она отвѣтила. Если бы она это знала, то навѣрное постаралась бы смягчить отвѣтъ ради больного индійскаго джентльмена.

— Этотъ ударъ былъ слишкомъ тяжелъ для моего папы, — отвѣтила она. — Горе убило его!

— Какъ звали вашего папу?—спросилъ дрожащимъ голосомъ м-ръ Кэррисфордъ.

— Ральфъ Крю,—отвѣтила Сара.—Капитанъ Крю. Онъ умеръ въ Индіи.

Страдальческое блѣдное лицо больного исказилось, и Рамъ Дассъ поспѣшно подбѣжалъ къ нему.

— Кэрмикель,—задыхаясь прошептала больной,—это она! Это та дѣвочка!

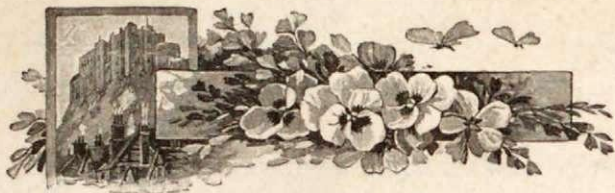
Рамъ Дассъ налилъ изъ сткляночки въ рюмку нѣсколько капель и поднесъ ихъ къ губамъ больного. Саръ казалось, что онъ умираетъ, и она растерялась.

— М-ръ Кэррисфордъ былъ другомъ вашего папы, — сказалъ ей м-ръ Кэрмикель.—Не пугайтесь! И вотъ уже два года, какъ мы ищемъ васъ!

Сара приложила руку ко лбу, губы ея задрожали, и какъ бы во снѣ она грустно прошептала:

— А я была все время у миссъ Минчинъ... совсѣмъ рядомъ... за этой стѣной!..

ГЛАВА XVIII.

Я старалась быть принцессой.

отчасъ же послали за Джэнетъ и она, обнимая Сару, рассказала ей все, что случилось. М-ръ Кэррисфордъ былъ въ восторгѣ, что наконецъ нашелъ дочь своего друга. Но это неожиданное открытіе такъ взволновало его, что имъ овладѣла сильная слабость. Чтобы дать ему успокоиться, рѣшили увести Сару на время въ другую комнату.

— Кэрмикель,—сказалъ м-ръ Кэррисфордъ слабымъ голосомъ,—я боюсь разстаться съ нею даже на минуту!

— Успокойтесь, м-ръ Кэррисфордъ,—сказала Джэнетъ,—я буду съ нею, пока не придетъ мама!

И Джэнетъ увела Сару въ другую комнату.

— Мы такъ рады, такъ рады, что васъ наконецъ нашли!—сказала она.—Вы представить себѣ не можете, какъ мы рады, что васъ нашли!

Дональдъ въ смущеніи смотрѣлъ на Сару, засунувъ руки въ карманы.

— Если бы я только спросилъ, какъ васъ зовутъ,—сказалъ онъ,—когда далъ вамъ мои шесть пенсовъ, вы сказа-

ли бы, что васъ зовутъ Сара Крю, и тогда васъ тотчасъ нашли бы!

Вошла м-съ Кэрмикель. Она была очень взволнована и растрогана и крѣпко обняла и поцѣловала Сару.

— Воображаю бѣдное дитя, какъ вы удивлены!— сказала она.

— Неужели это былъ онъ,—прошептала Сара, бросивъ взглядъ на затворенную дверь библіотеки, — неужели это былъ онъ, тотъ нечестный другъ моего папы?..

У м-съ Кэрмикель показались слезы на глазахъ, и она снова поцѣловала Сару. Она чувствовала, что Сару слѣдуетъ цѣловать почаще, потому что ее давно уже не цѣловали.

— М-ръ Кэррисфордъ не былъ нечестнымъ, моя дорогая,—отвѣтила она.—И деньги вашего папы не пропали.

Онъ только думалъ, что потерялъ ихъ, а такъ какъ онъ очень любилъ вашего папу, то отъ огорченія заболѣлъ такъ сильно, что помѣшался и чуть не умеръ. А когда онъ сталъ поправляться отъ нервной горячки, вашего папы уже не было на свѣтѣ.

— И онъ не могъ найти меня!—прошептала Сара.—А я была такъ близко!

Больше всего ее поражало, что ее искали такъ далеко, а она была такъ близко.

— М-ръ Кэррисфордъ думалъ, что вашъ папа отвезъ васъ въ Парижъ и помѣстилъ тамъ въ пансіонъ,—объяснила м-съ Кэрмикель,—и потому искалъ васъ все время тамъ. Онъ часто видѣлъ, какъ вы проходили мимо его оконъ, такая несчастная и усталая, и ему даже не снилось, что вы дочь его лучшаго друга. Но ему стало жаль васъ, и онъ захотѣлъ сдѣлать васъ счастливою. По его порученію Рамъ Дассъ пробирался къ вамъ на чердакъ и устроилъ вамъ уютную комнатку.

Сара вздрогнула отъ радости, и лицо ея просіяло.

— Значить, Рамъ Дассъ приносилъ все? — воскликнула она.—Значить, это м-ръ Кэррисфордъ поручилъ ему измѣнить въ комнатѣ все, какъ по волшебству?

— Да, моя дорогая! Онъ очень добръ и онъ пожалѣлъ васъ, ради потерянной маленькой Сары Крю.

Дверь библіотеки отворилась, и показался м-ръ Кэрмикель.

— М-ру Кэррисфорду уже лучше,—сказалъ онъ Сарѣ,—и онъ хочетъ видѣть васъ.

Съ сіяющимъ лицомъ вошла Сара въ библіотеку и, прижавъ руки къ груди, остановилась передъ м-ромъ Кэррисфордомъ.

— Это вы посылали мнѣ всѣ тѣ чудесныя вещи?—спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Да, моя бѣдная дорогая дѣвочка!—отвѣтилъ м-ръ Кэррисфордъ и посмотрѣлъ на нее съ такой любовью, съ какой когда-то смотрѣлъ на нее отецъ.

Сара опустилась рядомъ съ нимъ на колѣни, какъ прежде часто становилась передъ отцомъ, когда они жили вмѣстѣ.

— Значить, мой другъ—это вы!..—воскликнула она, припавъ къ его исхудалой рукѣ и цѣлуя ее снова и снова.

— Недѣли черезъ три онъ совсѣмъ поправится!—шепнулъ м-ръ Кэрмикель своей женѣ.—Посмотри на него!

И, дѣйствительно, м-ръ Кэррисфордъ значительно измѣнился къ лучшему. Теперь у него была „маленькая миссусъ“ и ему надо было о многомъ подумать и позаботиться.

Сначала надо было повидаться съ миссъ Минчинъ и сообщить ей, какая переменѣна произошла въ судьбѣ ея воспитанницы.

М-ръ Кэррисфордъ рѣшилъ, что Сара уже не вернется въ пансіонъ, а останется у него. Ей слѣдуетъ забыть эту злополучную школу, гдѣ она пережила столько невзгодъ. М-ръ Кэрмикель сходить одинъ къ миссъ Минчинъ и объяснить ей все.

— Я рада, что мнѣ не надо возвращаться въ пансіонъ,—сказала Сара.—Миссъ Минчинъ очень разсердится; она не любитъ меня. Хотя, можетъ быть, я сама виновата въ этомъ, потому что я тоже не люблю ее.

Но м-ру Кэрмикелю не пришлось идти къ миссъ Минчинъ, она сама пришла за Сарой. Когда миссъ Минчинъ зачѣмъ-то велѣла позвать Сару, служанка сказала ей, что Сара крадучись вышла изъ дому по черной лѣстницѣ, спрятавъ что-то подъ пальто, и вошла въ сосѣдній домъ.

— Что это значитъ?—воскликнула миссъ Минчинъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Не знаю,—отвѣтила миссъ Амелія.— Не познакоми-лась ли она съ нимъ?.. Вѣдь онъ тоже жилъ въ Индіи.

— Это похоже на нее! Пожалуй, она нахально втерлась къ нему въ домъ!—сказала миссъ Минчинъ.—Она ушла туда два часа тому назадъ. Я не могу допустить такого нахальства и пойду туда, разузнаю въ чемъ дѣло и извинюсь за ея навязчивость.

Сара сидѣла на скамейкѣ, прижавшись къ колѣнямъ м-ра Кэррисфорда, и слушала, какъ онъ объяснялъ ей что-то, когда Рамъ Дассъ доложилъ о приходѣ миссъ Минчинъ.

Сара невольно встала и поблѣднѣла; но мистеръ Кэррисфордъ замѣтилъ, что она стоитъ спокойно и, повидимому, не испугалась.

Миссъ Минчинъ вошла въ комнату съ суровымъ достоинствомъ.

— Я очень сожалѣю, что вынуждена потревожить васъ, м-ръ Кэррисфордъ,—вѣжливо сказала она,—но мнѣ надо объясниться съ вами. Я—миссъ Минчинъ, содержательница сосѣдняго пансіона для дѣвицъ.

Съ минуту м-ръ Кэррисфордъ молча смотрѣлъ на нее. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но не хотѣлъ показывать этого.

— Итакъ, вы миссъ Минчинъ?—спросилъ онъ.

— Да, сэръ.

— Вы пришли во-время. Мой повѣренный, м-ръ Кэрмикель, только что собирался идти къ вамъ.

М-ръ Кэрмикель слегка поклонился, а миссъ Минчинъ съ изумленіемъ смотрѣла то на него, то на м-ра Кэррисфорда.

— Вашъ повѣренный?—спросила она.—Я васъ не понимаю... Я пришла къ вамъ потому, что обязана была это сдѣлать. Я только что узнала, что одна изъ моихъ воспитанницъ, которая живетъ у меня изъ милости, обеспокоила васъ своею навязчивостью. Считаю долгомъ объяснить вамъ, что это сдѣлано безъ моего вѣдома. Ступайте сейчасъ же домой,—съ негодованіемъ приказала она Сарѣ.—Вы будете строго наказаны за это. Ступайте домой.

М-ръ Кэррисфордъ притянулъ Сару къ себѣ и обнялъ ее.
— Она не пойдетъ,—сказалъ онъ.

Эти слова такъ ошеломили миссъ Минчинъ, что она едва устояла на ногахъ.

— Не пойдетъ!..—повторила она съ недоумѣніемъ.

— Да, не пойдетъ домой, если вы такъ называете свой пансіонъ. Съ этой минуты ея домъ будетъ здѣсь у меня!

— Здѣсь!.. У васъ!..—воскликнула миссъ Минчинъ съ изумленіемъ.—Что все это значить?..

— Пожалуйста, Кэрмикель, объясните миссъ Минчинъ, въ чемъ дѣло,—сказалъ м-ръ Кэррисфордъ.

И онъ снова посадилъ Сару на скамеечку, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

М-ръ Кэрмикель попросилъ миссъ Минчинъ присѣсть и заговорилъ спокойно и увѣренно съ видомъ человѣка, убѣжденнаго въ законности этого дѣла.

— М-ръ Кэррисфордъ,—сказалъ онъ,—былъ близкимъ другомъ покойнаго капитана Крю и соучастникамъ его въ огромномъ предпріятіи. Состояніе капитана Крю, которое считали потеряннымъ, не погибло, но еще болѣе увеличилось и находится теперь въ рукахъ м-ра Кэррисфорда.

— Состояніе!—воскликнула миссъ Минчинъ блѣднѣя.—Состояніе Сары?..

— Да, состояніе Сары,—холодно сказалъ м-ръ Кэрмикель.—И, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, состояніе это выросло болѣе, чѣмъ въ десять разъ. Алмазныя розсыпи оказались необычайно доходными!

— Алмазныя розсыпи!..—воскликнула совѣмъ ошеломленная миссъ Минчинъ, чувствуя, что такого страшнаго удара она не испытывала за всю свою жизнь.

— Да, алмазныя розсыпи,—повторилъ м-ръ Кэрмикель и прибавилъ съ легкой усмѣшкой:

— Не много найдется принцессъ, миссъ Минчинъ, которыя

обладали бы такимъ богатствомъ, какъ ваша маленькая воспитанница. Сара Крю, живущая у васъ изъ милости. М-ръ Кэррисфордъ искалъ ее около двухъ лѣтъ. наконецъ онъ ее нашелъ, и она останется у него.

Миссъ Минчинъ сильно волновалась и попыталась вернуть то, что потеряла по своей же винѣ.

— Она находится на моемъ попеченіи, — протестовала она, — и я дѣлала для нея все, что могла. Безъ меня она голодала бы на улицѣ.

— Во всякомъ случаѣ ей лучше было бы голодать на улицѣ, чѣмъ на вашемъ чердакѣ! — сказалъ возмущившійся м-ръ Кэррисфордъ.

— Капитанъ Крю оставилъ ее на моемъ попеченіи, — возразила миссъ Минчинъ. — Она должна вернуться ко мнѣ, чтобы закончить свое образованіе, и будетъ опять воспитанницей на особомъ положеніи. Законъ будетъ на моей сторонѣ.

— Полноте, миссъ Минчинъ, — прервалъ ее м-ръ Кэрми-кель, — въ данномъ случаѣ законъ не будетъ на вашей сторонѣ. Но если бы Сара сама пожелала вернуться къ вамъ, то м-ръ Кэррисфордъ, безъ сомнѣнія, не отказалъ бы ей въ этомъ. Все зависитъ отъ Сары.

— Въ такомъ случаѣ, я обращусь къ ней, — и, обращаясь къ Сарѣ, она ласково заговорила съ ней:

— Правда, я не очень баловала васъ, но вы знаете, что вашъ папа былъ доволенъ вашими успѣхами. А я... я всегда васъ любила!

Сѣро-зеленые глаза Сары смотрѣли на миссъ Минчинъ тѣмъ спокойнымъ, яснымъ взглядомъ, который особенно раздражалъ ее.

— Развѣ вы любили меня? — спросила Сара. — Я этого не знала.

Миссъ Минчинъ покраснѣла и выпрямилась.

для тебя, и потому ты не любила ее. Она видѣла насъ обѣихъ насквозь...

— Амелія!—крикнула внѣ себя отъ гнѣва миссъ Минчинъ, глядя на сестру съ такой злобой, какъ будто хотѣла

дать ей пощечину и сорвать съ нея чепецъ, какъ не разъ дѣлала это съ Бекки.

Но возбужденіе миссъ Амеліи было такъ велико, что она не думала о послѣдствіяхъ.

— Да, да! видѣла!—кричала она.—Сара видѣла насъ

обѣихъ насквозь! Она видѣла, что ты жестокая, корыстолюбивая женщина, а я слабоумная дура, и что мы обѣ настолько жадны и низки, что сначала ползали на колѣняхъ передъ ея деньгами, а когда она обѣднѣла превратили ее въ служанку. А сама она поступала какъ маленькая принцесса, хотя и была нищая. Да, поступала, какъ маленькая принцесса! какъ принцесса!..

И у миссъ Амеліи сдѣлалась истерика: она въ одно и то же время громко рыдала и смѣялась, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Пораженная миссъ Минчинъ съ изумленіемъ и тревогой смотрѣла на нее.

— А теперь,—продолжала дико выкрикивать миссъ Амелія,—ты потеряла свою лучшую воспитанницу!.. она со своими деньгами поступитъ въ другой пансіонъ... и если она похожа на другихъ дѣтей... то расскажетъ, какъ худо мы обращались съ ней... и всѣхъ нашихъ воспитанницъ возмуть отъ насъ... и мы будемъ разорены... И это мы заслужили... но больше всего заслужила это ты... потому что ты жестокая женщина, Марія Минчинъ! Ты злая, безсердечная, корыстолюбивая женщина!..

И она начала такъ кричать, что сестра ея вынуждена была поспѣшно отпаивать ее водой и давать ей нюхать нашатырную соль.

Съ этого дня миссъ Минчинъ стала немного побаиваться своей сестры. Оказалось, что миссъ Амелія была не такъ глупа, какъ казалась, и она могла иногда высказывать очень непріятныя истины.

Вечеромъ, когда воспитанницы собрались, по обыкновенію, въ классъ передъ каминомъ, вошла Эрменгарда съ письмомъ въ рукѣ. Она какъ-то странно улыбалась и была, видимо, чѣмъ-то радостно возбуждена и изумлена.

— Что случилось?—крикнуло сразу нѣсколько голосовъ.

— Не узнала ли ты, отчего въ комнатѣ миссъ Минчинъ

былъ такой шумъ и суматоха?—спросила съ любопытствомъ Лавинія.—Кажется, у миссъ Амеліи была истерика, и она слегла въ постель?

— Я только что получила отъ Сары это письмо!—отвѣтила Эрменгарда, показывая письмо, чтобы дѣвочки видѣли, какое оно длинное. Она говорила медленно, какъ будто еще не успѣла придти въ себя отъ изумленія.

— Отъ Сары!—воскликнули дѣвочки въ одинъ голосъ.

— Гдѣ она?—крикнула Джесси.

— Въ сосѣднемъ домѣ, у индійскаго джентльмена,—отвѣтила Эрменгарда.

— Гдѣ?.. гдѣ?.. Ее прогнали?.. А миссъ Минчинъ знаетъ объ этомъ?.. Развѣ оттого была суматоха?.. Что она пишетъ?.. Рассказывай скорѣе!.. Прочти намъ письмо!..

Вопросы такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ, а Лотти жалобно заплакала. Въ классѣ поднялся невообразимый шумъ.

— Алмазныя розсыпи были!—крикнула Эрменгарда. — Онѣ были!

И замѣтивъ, что всѣ смотрятъ на нее съ недоумѣніемъ, она прибавила:

— Онѣ были настоящія! Тутъ вышла ошибка! Что-то случилось, и м-ръ Кэррисфордъ подумалъ, что они разо-
рились...

— Кто это м-ръ Кэррисфордъ?—спросила Джесси.

— Это индійскій джентльменъ,—отвѣтила Эрменгарда.— И капитанъ Крю тоже думалъ такъ и оттого умеръ, а у м-ра Кэррисфорда сдѣлалась нервная горячка, и онъ убѣжалъ изъ дому и тоже чуть не умеръ. И онъ не зналъ, гдѣ Сара, и все время искалъ ее. А въ розсыпяхъ были милліоны и милліоны алмазовъ, и половина ихъ принадлежала Сарѣ. И они принадлежали ей и тогда, когда она жила на чердакѣ съ своимъ другомъ Мельхиседекомъ, и кухарка ко-

мандовала ею. И м-ръ Кэррисфордъ нашелъ ее сегодня и взялъ къ себѣ въ домъ, и она никогда не вернется и будетъ еще больше принцессой—въ сто пятьдесятъ тысячъ разъ больше! И я завтра пойду къ ней въ гости! Вотъ и все!

Даже сама миссъ Минчинъ едва ли могла бы прекратить поднявшійся въ классѣ шумъ. Но она и не пыталась сдѣлать это, хотя хорошо слышала, какъ шумѣли воспитанницы. Глядя на рыдавшую въ постели сестру, она не хотѣла оставлять ее одну въ комнатѣ. Миссъ Минчинъ знала, что новость какимъ-то таинственнымъ путемъ уже проникла въ ея пансіонъ, и что всѣ ученицы и прислуга будутъ толковать о ней до поздней ночи.

Дѣвочки поняли, что въ этотъ вечеръ можно нарушить правила пансіона, тѣмъ болѣе, что миссъ Амелія и миссъ Минчинъ не показывались; всѣ онѣ столпились около камина вокругъ Эрменгарды и почти до полуночи обсуждали неожиданное событіе.

Эрменгарду заставили нѣсколько разъ прочесть вслухъ письмо, въ которомъ рассказывалась такая же чудесная исторія, какъ и тѣ, которыя выдумывала сама Сара, но которая имѣла то чудесное очарованіе, что все это случилось съ самой Сарой и таинственнымъ индійскимъ джентльменомъ изъ сосѣдняго дома.

Бекки, которая также узнала эту удивительную новость, удалось уйти отъ болтавшей въ кухнѣ прислуги, чтобы еще разъ взглянуть на чудесную маленькую комнатку. Вѣроятно, изъ нея все унесутъ, и чердакъ снова будетъ такой пустой и некрасивый какъ раньше! Хотя Бекки очень радовалась за Сару, но у нея показались слезы на глазахъ, и къ горлу поднялся какой-то клубокъ, когда она поднималась наверхъ. Сегодня вечеромъ тамъ ужъ не будетъ топиться каминъ, не будетъ розовой лампы, не будетъ ужина и принцессы.

которая, сидя передъ каминомъ, читала или рассказывала ей разныя исторіи!...

Сдерживая слезы, она толкнула дверь въ комнату Сары и вскрикнула отъ изумленія.

Лампа освѣщала комнату, въ каминѣ пылалъ огонь, на столѣ ее ожидалъ ужинъ, а около стола стоялъ Рамъ Дассъ и съ улыбкой смотрѣлъ на ея изумленное лицо.

— Мисси саибъ не забыла васъ,—сказалъ онъ, подавая Бекки письмо.—Она рассказала все саибу и пишетъ вамъ, какое счастье выпало ей на долю. Ей не хотѣлось, чтобы вы, лежа съ спать, чувствовали себя несчастной. Саибъ приказалъ вамъ завтра придти къ нему. Васъ будетъ ждать мисси саибъ. Сегодня ночью я унесу всѣ эти вещи обратно черезъ крышу.

И, сказавъ это, Рамъ Дассъ поклонился Бекки и проскользнулъ въ окно такъ быстро и неслышно, что Бекки поняла какъ легко ему было приходить въ комнату Сары.

ГЛАВА XIX.

А н н а.

Никогда прежде въ дѣтской Большой семьи не было такъ весело, какъ теперь. Раньше дѣтямъ даже не снилось, что знакомство съ „бѣдной дѣвочкой, но не нищей“ доставитъ имъ столько удовольствія. Уже одни только ея страданія и приключенія дѣлали ее очень интересной, и всѣ наперерывъ просили ее снова рассказать имъ все, что она пережила. Когда сидишь у пылающаго камина въ большой теплой комнатѣ, то интересно слушать рассказы, какъ люди живутъ на чердакахъ. Надо сказать, что и чердакъ казался дѣтямъ чудеснымъ, несмотря на холодъ и убогую обстановку. въ особенности, когда они слушали рассказъ о Мельхиседекѣ, воробьяхъ и о томъ, какой чудесный видъ открывается на небо, когда влѣзешь на столъ и высунешь голову въ окно...

На другой день послѣ того, какъ Сара принесла къ м-ру Кэррисфорду обезьянку, дѣти Большой семьи пили у нея чай, а потомъ усѣлись на коврѣ передъ каминомъ, чтобы послушать ея рассказъ о чудесномъ превращеніи ея

«Мисъ санбъ не забвѣла васъ!» (стр. 230).

комнаты. И Сара начала рассказывать съ такимъ увлеченіемъ, что дѣти притаили дыханіе и не могли отвести глазъ отъ рассказчицы. М-ръ Кэррисфордъ также слушалъ ее очень внимательно. Кончивъ рассказъ, она взглянула на него и, положивъ свою ручку ему на колѣно, сказала:

— Я рассказала первую половину и это все, что я знаю. Теперь расскажите намъ вторую половину, дядя Томъ!—м-ръ Кэррисфордъ просилъ ее называть его такъ. — Я не знаю, что было потомъ, но, должно быть, продолженіе очень интересно!

И м-ръ Кэррисфордъ рассказалъ, какъ онъ сидѣлъ одинкій, больной и грустный, и какъ Рамъ Дассъ старался развлекать его, описывая ему прохожихъ. Среди прохожихъ одна маленькая дѣвочка очень часто проходила мимо дома, слушая, я какъ Рамъ Дассъ описывалъ ее, онъ заинтересовался ею. Она была приблизительно однихъ лѣтъ съ той дѣвочкой, которую онъ разыскивалъ. Кромѣ того Рамъ Дассъ рассказалъ ему, какъ обезьяна убѣжала къ ней, и какъ ему пришлось ловить ее въ комнатѣ этой дѣвочки. При этомъ онъ описалъ ему въ какой бѣдной комнатѣ живетъ дѣвочка, и что она совсѣмъ не похожа на служанку. Потомъ Рамъ Дассъ часто пробирался по крышѣ къ ея окну и мало по-малу узналъ, какъ ей плохо живется. И онъ же задумалъ хоть немного скрасить жизнь бѣдной незнакомой дѣвочки.

— Саибъ, — сказалъ онъ однажды, — не затопить ли каминъ въ комнатѣ дѣвочки, когда ее пошлутъ за покупками? Когда она вернется, промокшая и озябшая, то подумаетъ, что это сдѣлалъ волшебникъ.

Эта фантастическая мысль такъ понравилась м-ру Кэррисфорду, что онъ улыбнулся, и грустное лицо его оживилось. А Рамъ Дассъ былъ въ такомъ восхищеніи отъ своей выдумки, что сталъ придумывать еще многое другое

и объяснилъ своему господину, какъ легко было бы устроить все это. И вотъ они принялись осуществлять свою мысль. Это заняло нѣсколько дней, которые пролетѣли быстро. Въ тотъ вечеръ, когда Эрменгарда, Бекки и Сара собирались пировать на чердакѣ, Рамъ Дассъ уже приготовилъ всѣ вещи, которыя собирался перенести въ комнату Сары. Лежа на крышѣ, Рамъ Дассъ заглядывалъ въ окно, когда вошла миссъ Минчинъ и такъ неожиданно прекратила пиръ. Замѣтивъ, что Сара наконецъ заснула, онъ тихо влѣзъ въ ея комнату съ потайнымъ фонаремъ и сталъ разставлять вещи, которыя ему подавали въ окно, а когда Сара начала шевелиться во снѣ, Рамъ Дассъ закрывалъ фонарь и ложился на полъ.

Дѣти были въ восторгѣ отъ разсказа м-ра Кэррисфорда и безъ конца спрашивали его.

— Я такъ рада, такъ рада, что моимъ другомъ были вы!—воскликнула Сара.

Рѣдко можно встрѣтить такихъ друзей, какими сдѣлались Сара и м-ръ Кэррисфордъ. Они какъ-то подходили другъ къ другу, и м-ръ Кэррисфордъ такъ сильно привязался къ Сарѣ, что неохотно разставался съ нею даже на нѣсколько часовъ. Спустя нѣсколько недѣль, какъ предсказывалъ это м-ръ Кэрмикель, онъ такъ поправился, что его почти нельзя было узнать. У него явился интересъ къ жизни, и богатство уже не раздражало его, потому что, благодаря ему, онъ могъ доставлять Сарѣ много пріятныхъ сюрпризовъ, и Сара по прежнему шутя называла его волшебникомъ: то она, входя въ свою комнату, находила тамъ чудесные цвѣты; то находила у себя подъ подушкой хорошенкія вещи, а однажды вечеромъ, когда она сидѣла съ м-ромъ Кэррисфордомъ въ кабинетѣ, они вдругъ услышали, что кто-то царапаетъ большой лапой дверь, и, когда Сара отворила ее, въ комнату вошла большая прекрасная борзая

въ широкомъ серебряномъ ошейникѣ съ надписью: „Я—Русланъ, служу принцессѣ Сарѣ“.

Въ послѣобѣденное время Сару часто навѣщали Эрменгарда, Лотти или дѣти Большой семьи, и тогда время летѣло очень быстро. Но тѣ часы, которые Сара и м-ръ Кэррисфордъ просиживали одни и читали или разговаривали, имѣли для нихъ свою особую прелесть.

Однажды вечеромъ м-ръ Кэррисфордъ, читая книгу, замѣтилъ, что Сара сидитъ неподвижно и задумчиво смотреть въ огонь.

— Что ты „представляешь“ себѣ, Сарочка? — спросилъ онъ.

— Я вспомнила тотъ ужасный день, — отвѣтила она, глядя на него, — когда я была очень голодна и видѣла такую же голодную дѣвочку.

— Ты часто голодала, моя дорогая, — съ горечью сказалъ м-ръ Кэррисфордъ. — Но о какомъ днѣ говоришь ты теперь?

— Я еще не рассказывала вамъ объ этомъ, — сказала Сара. — Это случилось въ тотъ день, когда началось волшебство.

И она рассказала, какъ нашла на улицѣ четыре пенса и увидѣла дѣвочку, которая была голоднѣе ея. Сара рассказала это просто и коротко, но м-ръ Кэррисфордъ все-таки опустилъ голову и закрылъ лицо рукою.

— Теперь я вспомнила о той дѣвочкѣ, и мнѣ очень хочется сдѣлать что-нибудь! — сказала Сара, кончивъ свой рассказъ.

— Что же ты хочешь сдѣлать? — тихо спросилъ м-ръ Кэррисфордъ. — Ты можешь дѣлать все, что пожелаешь, принцесса!

— Вы говорите, что у меня много денегъ, — нерѣшительно сказала Сара. — Мнѣ очень хотѣлось бы... повидать булоч-

ницу и попросить ее, чтобы она, особенно въ дурную погоду, давала хлѣбъ и булки голоднымъ дѣтямъ, а счетъ присылала бы мнѣ. Вы позволите мнѣ сдѣлать это?

— Сдѣлай это завтра же утромъ, — сказалъ м-ръ Кэррисфордъ.

— Благодарю васъ, дядя Томъ. Я знаю, какъ тяжело голодать, и еще тяжелѣе тому, кто не можетъ представить себѣ, что не голоденъ!

— Правда, дорогая моя, — сказалъ м-ръ Кэррисфордъ. — Постарайся забыть все это. Сядь на эту скамеечку около меня и думай только о томъ, что ты принцесса!

— И что я могу раздавать бѣднымъ булки и хлѣбъ, — улыбаясь добавила Сара.

Она сѣла на скамеечку около индѣйскаго джентльмена, — ему нравилось, когда она называла его такъ, а онъ положилъ ея черную головку къ себѣ на колѣни и сталъ гладить ея волосы.

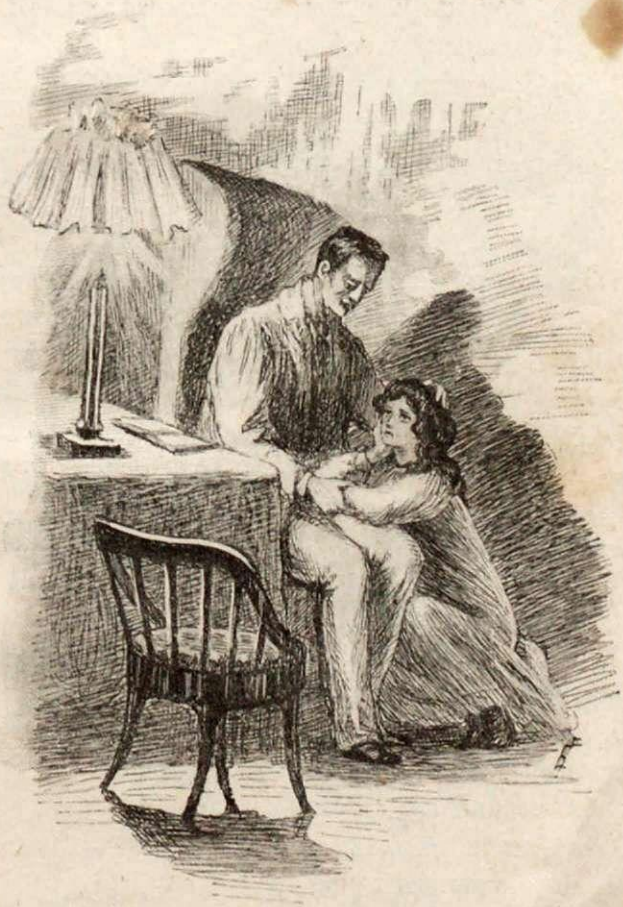
На слѣдующій день миссъ Минчинъ, стоя у окна, увидѣла очень непріятную для нея сцену. Къ подъѣзду сосѣдняго дома подъѣхалъ изящный экипажъ м-ра Кэррисфорда, запряженный прекрасными лошадьми, и изъ подъѣзда вышли м-ръ Кэррисфордъ и закутанная въ дорогіе мѣха Сара, а за нею шла Бекки, видъ которой очень раздражилъ миссъ Минчинъ. Бекки всегда провожала свою маленькую госпожу до экипажа и несла за нею пледъ и другія вещи. Теперь у Бекки было румяное круглое лицо.

Лошади тронулись, и скоро карета исчезла изъ вида. Четверть часа спустя экипажъ подъѣхалъ къ знакомой Сарѣ булочной. Въ это время булочница, какъ и въ тотъ разъ, когда Сара нашла четыре пенса, ставила на окно поднось съ горячими булками.

Когда Сара вошла въ булочную, булочница пристально посмотрѣла на Сару, и добродушное лицо ея просіяло.

— Я увѣрена, что уже видѣла васъ, миссъ, — сказала она.—Но теперь...

— Да, я была у васъ,—отвѣтила Сара,—и вы дали мнѣ

шесть булокъ за четыре пенса, и...

— А вы отдали пять изъ нихъ нищей дѣвочкѣ.—прервала ее булочница.—Я не забыла этого! Извините, сэръ.—продолжала, она обращаясь къ мру Кэррисфорду. — но не много найдется дѣтей, которыя поступили бы такъ. Я часто

думала объ этомъ. Извините меня, миссъ,—снова обратилась она къ Сарѣ. — вы очень поправились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣла.

— Теперь я очень счастлива, — отвѣтила Сара. — Я пришла къ вамъ съ большой просьбой!

— Ко мнѣ! — воскликнула булочница улыбаясь. — Господи! Чѣмъ же я могу услужить вамъ, миссъ?

Сара облокотилась на прилавокъ и рассказала ей, какъ она хочетъ помочь хотя бы немного голоднымъ дѣтямъ.

Булочница съ удивленіемъ слушала ее.

— Я сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ, миссъ! — воскликнула она, когда Сара кончила. — Много помогать бѣднымъ я не могу, но знаете, съ того дождливаго дня я раздавала много хлѣба голоднымъ дѣтямъ, вспоминая васъ. Вы сами такъ озябли и промокли въ тотъ день и были очень голодны, а отдали свои горячія булки, какъ будто были принцессой!

М-ръ Кэррисфордъ невольно улыбнулся; Сара также улыбнулась, вспомнивъ, что говорила себѣ, кладя булки на колѣни бѣдной дѣвочки.

— Она была очень голодна, — сказала Сара. — Гораздо голоднѣе меня!

— О, она очень голодала, — сказала булочница. — Она часто рассказывала мнѣ, какъ сидѣла около моихъ дверей промокая, озябая и страшно голодная.

— Развѣ вы ее видѣли съ тѣхъ поръ? — воскликнула Сара. — И вы знаете, гдѣ она?

— Да, знаю, — отвѣтила улыбаясь добродушная булочница; — она тамъ въ задней комнатѣ и уже съ мѣсяць живетъ у меня. Она оказалась хорошей дѣвочкой и прилежно помогаетъ мнѣ въ булочной и въ кухнѣ.

Булочница вошла въ заднюю комнату и минуту спустя

вернулась съ дѣвочкой. Это была та самая нищяя, но теперь она была одѣта чисто и опрятно и, повидимому, уже не голодала. Она тотчасъ узнала Сару и, глядя на нее, не могла отвести отъ нея глазъ.

— И когда вы ушли, миссъ — сказала булочница. — я позвала ее и сказала ей, чтобы она приходила ко мнѣ, когда будетъ голодна, и я накормлю ей, а она поможетъ мнѣ въ работѣ. Я скоро замѣтила, что она хорошая, старательная дѣвочка, и полюбила ее, а потомъ взяла ее къ себѣ. Теперь она много помогаетъ мнѣ въ хозяйствѣ и очень привязалась ко мнѣ. Ее зовутъ Анной.

8

Дѣвочки съ минуту молча смотрѣли другъ на друга, а затѣмъ Сара протянула Аннѣ руку, и та крѣпко пожала ее.

— Я такъ рада за васъ!—сказала Сара.—И вотъ, что я придумала сейчасъ. Можетъ быть, миссисъ Броунъ позволить вамъ раздавать булки и хлѣбъ голоднымъ дѣтямъ; это навѣрное доставить вамъ большое удовольствіе, потому что вы сами знаете, что значить быть голодной!

— Да, миссъ,—отвѣтила дѣвочка.

И хотя она отвѣтила такъ односложно, Сара все-таки чувствовала, что Анна съ радостью исполнить ея порученіе. Престившись съ булочницей и дѣвочкой, Сара вышла, а Анна не спускала съ нея глазъ, пока она не скрылась изъ вида.

174

2007079455